



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

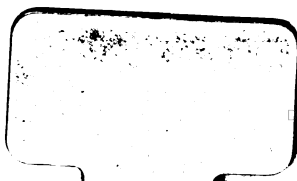
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Vet. Dk4, S276.085



СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А ЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Александремъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ОСЬМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1826.



Печатать позволено,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Іюня 15 дня 1826 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА:

1826. № XIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:

I.

МОНАСТЫРЬ ЛАТРАПДСКІЙ:

(Изъ записокъ Графини Жанлисъ.)

. . . . Мы все вмѣстѣ (*) сдѣлали путеше-
ствіе въ монастырь Латрапдскій. Прин-
цессы крови, какъ потомки Людовика Свя-
таго, имѣли право входить во все мужескіе
монастыри, даже самыя строгіе; но до того
времени, пользуясь симъ правомъ, входили
оны или однѣ, или съ родителями и мужья-
ми, следовательно ни одна изъ чистыхъ
женщинъ доподъ не ступала еще ногою во
внутренность Латрапдскаго монастыря:
Мнѣ захопѣлось этого непременно, и я въ
томъ успѣла: Я представила, что гувер-
наншка должна быть неразлучна съ воспи-
танницею, если только не ввѣрять ея ма-

(*) Графиня Жанлисъ была тогда воспитатель-
ницею дѣтей Герцога Орлеанскаго.

*

перя и что если не захотятъ впустить меня съ нею, то это будетъ значить, что откажутъ ей самой. Созвали всѣхъ монашествующихъ для разсужденія о семъ предметѣ, и рѣшено было, какъ я желала. Меня впустили съ моею молодой Принцессой, и старались дѣлать намъ возможныя угожденія. Прежде всего слушали мы чтеніе при собраніи всѣхъ монаховъ: это было родъ проповѣди, изъ которой запомнила я слѣдующее: „Прочь отъ насъ всѣ суепныя и обманчивыя наслажденія! Здѣсь презираютъ васъ, или отъ васъ очищаются.“ Это собраніе Духовенства заключало въ себѣ что-то разительное и трогательное. Послѣ чтенія вошли мы въ одну залу, гдѣ бесѣдовали съ нами прежній Аббашъ и настоящій. Спустили при четверти часа повели насъ къ хору: хоръ довольно хорошъ. Монахи пѣли съ ангельскимъ благоговѣніемъ; время отъ времени они падали ницъ и оспивались въ глубокомъ молчаніи, пока спужъ молодка не давалъ имъ знака подняться: все это, въ соединеніи съ величественною простотою церкви, привело душу мою въ неизъяснимый восторгъ. По окончаніи службы, мы вышли; насъ провели къ большой лѣстницѣ, ведущей къ кельямъ; шпуть мы остановились; Аббашъ, стоя у подножія лѣстницы и держа въ

рукахъ въшвъ, благословлялъ монаховъ одного за другимъ; они же, проходя мимо его на львшницу, дѣлали ему низкіе поклоны. Послѣ сей церемоніи повели насъ къ ужину. Мы оспавались въ залѣ до десяти часовъ, и все время проговорили съ сими ошцами. Въ сосѣдней комнатѣ видѣли мы прекрасный портрешъ г-на Рансе, работы Риго. Рансе вредспавленъ за пиевменнымъ споломъ. Чершм лица его правильныя, физіономія ушная и спонкая; онъ имѣлъ разишельное сходствѣ съ Маркшзомъ Силлери (*), кромѣ того, что недосщавало ему такой живости въ цвѣшм лица. Я бы никогда не вообразала, чтобы шакѣвъ былъ Реформашоръ Лашрапца.

На другой день, послѣ обѣдши, пошли мы въ рефекторію посмошрѣшь на шрапезу. Скашершн не было накршшо на споль, но каждый изъ монаховъ имѣлъ салфешку; шарелки у нихъ оловянныя, а ложки и ноши буковаго дерева; подавали каждому чашку съ супомъ, блюдо овощей, два или шри сырыхъ яблока, большой кусокъ хорошаго хлѣба, кувшншъ воды и кувшншъ пива. Одинъ изъ монаховъ чшшалъ на возвышенной каедрѣ во время обѣда. Послѣ шпощъ чшпецъ, какшмъ должень бышь каждый въ свою очередь, обѣдалъ уже со слух-

(*) Брашъ мужа г-ди Жаняисъ.

дшпелами. За обѣдомъ прислуживали монахи же, которые поже сами обѣдали послѣ. Послушники въ то же время сидѣли за столомъ въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной только аркою безъ дверей, такъ, что они все были въ виду. Опшуда пошли мы въ библиотеку; заходили въ часовню, гдѣ сподшъ гробница г на Рансе. Кельи не велики; въ нихъ соломенный пюфякъ, простой деревянный сшоль и Распяшіе. Мы видѣли, какъ монахи работали въ садахъ; заходили въ аптеку, которая велика и хорошо снабжена: подлѣ нее ботаническій садъ, наполненный употребительнѣйшими растеніями.

Теперь расскажу все, что узнала изъ разговоровъ съ монахами. Исторія Графа Комменжа есть не что иное, какъ басня, также какъ и савдующее: будто монахи каждый день роютъ себя могилу; будто они взрываютъ и срывающъ горы, чтобы занять себя; будто говорящъ другъ другу, встрѣчаясь: *должно умереть*; будто носятъ на сердцѣ подушечку съ колючками и проч. Все это совершенно ложно. Они держатъ всегдашній постъ, не ѣдятъ ни рыбы, ни сахару, ни яицъ, ни масла — очень мало употребляютъ только постнаго масла для салату. Уксусъ имъ позволенъ, также и молоко; послѣднее запрещено только во время поста; въ мона-

ешьярѣ вина не пьютъ; но винѣ онаго, во вре-
 мя путешествій, могутъ пить, равно какъ
 ѣсть рыбу и масло; по общимъ дѣламъ они
 могутъ выходить и путешествовать. Ихъ
 одежда вся бѣлая, какъ и у Каршезіанцевъ,
 голова и борода брыцья; надъ вапъ капі-
 щонъ предославляешся на волю. Снатъ они
 всегда одѣтые; сорочку носятъ шерстяную,
 но власяницы никогда; подобныя чьягоспик
 запрещены имъ по ихъ правиламъ. Принима-
 ютъ у нихъ не моложе двадцати лѣтъ; вре-
 мя искуса продолжается годъ. Только сла-
 бые и больные занимающа небольшие ра-
 бошамн, какъ шо: дѣлають чепки, ложки
 изъ буку и проч., вообще же работаютъ въ
 садахъ, даже и зимою; сверхъ щого занима-
 ются домашними работами, щелушатъ го-
 рохъ, пригощавляютъ овощи и проч. Всѣхъ
 монаховъ съ послушниками было щогда око-
 до сна двадцати. Однихъ монаховъ было
 щездѣсять, и въ щпомъ большомъ числѣ
 щолько осмнадцать Священниковъ; прочіе
 же, хотя щакже обрѣкшіе себя Богу нераз-
 рыванными обѣщамн, не служили однако обѣд-
 ни и не имѣли званія Священниковъ, ибо по
 чувству униженности, не щисляли себя ни
 щполь добрыми, ни щполь добродѣтельными,
 щшобы совершать Свящя Таинства. Аб-
 башъ избирался на щдую жизнь бадощиро

взлѣзъ и ушвердался Дворомъ. Для приѣма
 путешественниковъ и бѣдныхъ людей, кошо-
 рые искали приюта или пособія, назначались
 шрѣе монаховъ, спранноприемниковъ, назы-
 ваемыхъ опцами экономами, *pères hoteliers*.
 По ихъ правиламъ, они обязаны были давать
 пристанище и содержаніе всякому недоспа-
 точному спраннику въ теченіе трехъ дней;
 жертвуемые на монастырь капиталы пода-
 вали имъ въ тому способы. Когда въ ком-
 нашѣ въ монастырь были наполнены, тогда
 посѣщали спранниковъ въ трапиръ и пла-
 щали за нихъ. Если, въ продолженіе смхъ
 трехъ дней, кто либо изъ гостей занемо-
 жетъ, они оставляли его до совершеннаго
 выздоровленія подъ надзоромъ монастырска-
 го врача, который посѣщаль его и даваль
 ему лекарства изъ своей аптеки; монахи
 также приходили къ нему, перевязывали ра-
 ны и проч. Если у бѣдныхъ спранниковъ не-
 доспавало на дорогу денегъ, монахи давали
 ему сколько нужно было, чшобъ дойти до
 того мѣста, куда онъ хотѣлъ. Не проходи-
 ло дня безъ того, чшобъ въ монастырь не
 было подобныхъ гостей, а особливо солдатъ.
 Нерѣдко случалось, что изъ благодарности
 и удивленія къ такому сердоболію, они оста-
 вались въ монастырь и сами постригались
 въ монахи. И въ самомъ дѣлѣ, кто ищеть

добродѣтели во всемъ ея превосходствѣ, шось найдешь ее полько шамъ, хоща можешь бышь нѣсколько г. суровомъ видѣ, но въ споль истинномъ, споль величавомъ, что неудивительно, если рѣшающся на сіе великое пожертвованіе. Кромѣ того, они помогаютъ многимъ бѣднымъ на нѣсколько милѣ въ окружности. Я спрашивала о нихъ поселянъ, и всѣ ошзывающся съ такимъ почтеніемъ къ нимъ, какъ бы къ Ангеламъ, нисшедшимъ на землю. Кто могъ бы изъ часныхъ людей, при такихъ же доходахъ, дѣлать сполько добра и примѣромъ и благодѣянїями? Гдѣ найдутся такіа добродѣтели, если Религія не внушаетъ ихъ? — Въ монастырь не принимались вдовцы, имѣющіе непристроенныхъ дѣшей, какого бы ни были возраста: монахи думаютъ, что въ такомъ случаѣ отецъ не воленъ располагать собою, и что онъ долженъ жить для дѣшей. Когда они посприжены, то прекращаютъ всякую переписку съ кѣмъ бы то ни было. Они не принимаютъ и посѣщеній своихъ родственниковъ, кромѣ отца и матери, и то должно бышь очень рѣдко. Имъ строго запрещено оказывать и малѣйшее предпочтеніе кому либо изъ собратій, ибо всѣ обязаны равно любить другъ друга. Если кто либо изъ нихъ замѣшитъ, что другой оказываетъ ему

особенную дружбу, то долженъ при общемъ собраніи попросить позволенія говорить, и душъ громогласно обвинить своего собрата. Въ такомъ случаѣ начальствующіе налагающъ пеню на обвиняемаго, который не смѣетъ оправдываться, хотя бы и полагалъ, что его обвинили понапрасно. Онъ долженъ думать, что какимъ нибудь образомъ подаль къ тому поводъ, и послѣ забыть о томъ, и что во всякомъ случаѣ его самолюбіе должно бытъ пожертвовано послушанію, котораго пребудутъ ихъ правила. И при всякомъ обвиненіи другаго рода, публично сдѣланномъ, обвиненный долженъ молчать и подвергаться безпрекословно наложенной на него пенѣ; если же у него вырвется хотя одно слово къ его оправданію, то всѣ монахи въ одно мгновеніе падаютъ ницъ для испрошенія у Бога помилованія его гордости; но это случалось только съ послушниками или вновь постриженными монахами, и то очень рѣдко. Всѣ эти подробности рассказывалъ мнѣ онецъ Просперъ, двадцати-осми-лѣтній монахъ, постриженный за восемь лѣтъ.

Этотъ онецъ Просперъ имѣлъ прекрасныя черты лица, былъ уменъ и ошмѣнло скроменъ. Я просила его сказать искренно, не знаетъ ли онъ изъ числа собратій своихъ хотя одного, который бы въ душѣ ни-

палъ къ нему болѣе дружества, чѣмъ другіа.
 „Однаго?“ отвѣчалъ онъ мнѣ: „но скорѣе
 могу я назвать двадцать челоуѣкъ, нежели
 одного.“ Эпошъ прекрасный отвѣтъ слу-
 жишь доказательствомъ, какимъ нѣжными
 сюзомъ соединены они. Впрочемъ онъ увѣ-
 рялъ меня, что по его замѣчаніямъ о сихъ
 двадцати, они не заслуживали обвиненія, по-
 тому, что въ нихъ оказывались только пер-
 выя движенія, совершенно невольныя. „Мы
 узнаемъ“ сказалъ онъ: „тѣхъ, которые насъ
 болѣе любящъ, по тысячъ мелочей, совершен-
 но машинальныхъ; напримѣръ, во время ра-
 боты мы всѣ должны усердно помогать другъ
 другу; если одинъ изъ насъ слишкомъ обре-
 мененъ ношею, если онъ упадетъ и проч.,
 мы должны бѣжать къ нему на помощь; но
 въ такомъ случаѣ всегда двѣнадцать или пят-
 нанадцать челоуѣкъ бѣгутъ скорѣе другихъ.
 Подобные случаи бывають часто; но Богъ
 не осуждаетъ въшой естественной склонно-
 сти; онъ не возбраняетъ любить въ глубинѣ
 души болѣе тѣхъ, которые кажутся намъ
 добродѣтельнѣйшими, лишь бы не оказывали
 мы любви своей въ укоръ другимъ, дѣлая
 предпочтеніе или уважая кого либо особен-
 но; тогда быдъ бы грѣхъ вообще противъ
 любви къ ближнему, и нарушился бы союзъ;

коцорый долженъ всѣхъ насъ шѣсно связывашь.“

Когда больному монаху оснаешся жить полько нѣсколько часовъ, ему объявляюшь, что онъ долженъ приняшь св. елеосвященіе; его переносятъ въ церковь и тамъ совершаюшь надъ нимъ сей священный обрядъ; попомъ снова переносятъ его въ постель. При послѣднихъ минушахъ его звоняшь въ колоколь, чѣмъ возвыцаюшь всемъ, что одинъ изъ собратовъ при послѣднемъ издыханіи; все монахи собираюшся около умирающаго, котораго кладушь на золу, и громогласно читаюшь надъ нимъ молишвы. Такіе обряды конечно ужаснутъ людей свѣскихъ; но должно предсавишь себѣ, что въ Лашрапль, подобное прѣугошование къ смерти весьма утѣшительное: это служишь для умирающаго предвѣстіемъ великаго торжества и высочайшаго счастья. „Утѣренная и трудолюбивая жизнь, какую мы ведемъ“ — сказаъ намъ отецъ Теодоръ: „избавляешъ насъ отъ сильныхъ болѣзней. При мнѣ здѣсь не бывало заразы, даже тогда, когда она свирѣпствовала въ окрестностяхъ. Намъ извѣстны полько грудныя болѣзни, причиняемыя пѣніемъ въ церкви и закономъ, обязывающимъ насъ вставать по ночамъ. Если по крѣпкому сложенію можешь перенести это и пережи-

вешь за тридцать лѣтъ, то будешь наслаждаться жизнью долѣе, нежели гдѣ-либо, и никогда не подвергнешься дряхлости на старыхъ своихъ лѣтахъ; обыкновенно умирающъ у насъ при верѣхъ способныхъ души. Это замѣчаніе сдѣлано мною въ поченіе пятидесяти лѣтъ, которыя провелъ я здѣсь: почти ни одинъ изъ умершихъ при мнѣ не перелъ памяти и разсудка. Мы же только для того и живемъ, чтобы умереть съ твердостью; почему минуша смерти не имѣешь для насъ ничего ужаснаго; напротивъ еще, когда видимъ умирающаго собрата, то вѣрно нѣтъ изъ насъ ни одного, кто бы не позавидовалъ вѣнцу, ему предопредѣленному, и не желалъ бы бытъ на его мѣстѣ. Не то, чтобы жизнь была намъ несносна: мы считаемъ себя столь счастливыми, сколько можно наслаждаться счастьемъ на землѣ; но только при смерти чувствуешь ту радость, какую могутъ внушить чистѣйшія и пріятнѣйшія надежды. Я не видалъ монаха, который бы не принялъ извѣстія о приближеніи смерти, не только безъ страха, но съ величайшимъ удовольствіемъ; многихъ даже, на моихъ глазахъ, это извѣстіе такъ оживляло, что силы ихъ подкрѣплялись и жизнь продолжалась еще чудеснымъ образомъ; почти у всѣхъ при послѣд-

ихъ минушахъ, оказываешся какъ бы сверхъестественная живость, огонь и краснорѣчiе. Еще недавно одному изъ монаховъ объявили, что ему оспаешся жишь не болѣе дня: онъ шакъ при вшомъ подкрѣпился, что почувсшвовалъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ самому ишши въ церковь для приняшiа елеосвященiя. И въ самомъ дѣлѣ, хошя до того времени былъ онъ чрезмѣрно слабъ, но тогда же вспалъ, пошелъ, перешелъ черезъ весь домъ и по лѣшницамъ, пришелъ въ церковь, пошомъ шакимъ же образомъ опправился назадъ и, къ величайшему удивленiю врача, прожилъ еще два мѣсяца.“

Эшошъ самый отецъ Теодоръ, кошорый намъ рассказывалъ, былъ прежде Аббашомъ; ишногда жилъ онъ въ свѣшѣ, и вшшупилъ въ Лашрапшъ уже шридцати лѣшъ. Въ наше время былъ онъ осмидесяти лѣшъ, но сохранилъ въ себѣ удивительную свѣжешъ; былъ очень шолсшъ, имѣлъ зубы и волосы; цвѣшъ лица его былъ чрезвычайно хорошъ, шакъ что я ни у кого не видала шакого прелестнаго румянца на щекахъ. Онъ ошличался большимъ умомъ и ввжливостiю; память его была не менѣе удивительна: онъ не заблль ничего ишпереснаго изъ того, что зналъ до вшшупленiя въ Лашрапшъ. Въ разшговорѣ со мною упоминалъ онъ о многихъ

исторических происшествiяхъ и приводилъ ссылки изъ Лабрюйера, котораго зналъ еще всего наизусть. Онъ рассказывалъ намъ много любопытнаго, между прочимъ слѣдующее: „За нѣсколько передъ симъ лѣтъ, одинъ молодой человекъ, знатнаго рода, богатый, прекрасный собою и единственныи сынъ нѣжной матери, по сдѣланному имъ обѣщанью въ ранней молодости, пришелъ сюда съ согласiя своей матери, и былъ принятъ на искусство. Еще годъ искусства не прошелъ, какъ мать его, раскаявшаяся въ своемъ согласiи, вдругъ прiѣхала въ Лапранъ; она спросила своего сына, который къ ней и явился, въ сопровожденiи отца Теодора. Мать долго уговаривала сына возвратиться въ свѣтъ съ нею, увѣряя, что желаетъ того для его собственнаго счастья. Сынъ все слушалъ, не прерывая, но когда она кончила, то сказала ей: „Матушка, будете ли вы отвѣчать на вопросъ, который осмѣлюсь вамъ сдѣлать? Положимъ, что я поселился бы въ дальнемъ отъ васъ разстоянiи — въ какомъ мѣстѣ, куда бы невозможно вамъ было прiйти: ко мнѣ; положимъ, что я приобрѣлъ бы тамъ большое состоянiе, ошличiя и почести, и что мнѣ не иначе было бы можно возвратиться къ вамъ, какъ опказавшись отъ всѣхъ такихъ преимуществъ — стали ли

бы вы тогда пребывали отъ меня много
 пожертвованія.“ — „Конечно, не спала бы“
 — отвѣчала мать: — „потому что я делаю
 только своего счастья.“ — „Такъ теперь,
 вы видите во мнѣ, машушкѣ“ — сказала
 опять сынъ: „того счастливаго человека,
 который пріобрѣлъ все это, или лучше ска-
 жите, я въ тысячу разъ счастливѣе, нежели
 бы могъ бытъ при всѣхъ почестяхъ и при
 всѣхъ богатствахъ въ мірѣ. Мое счастье
 тѣмъ важнѣе, что непосредственно фортуны
 не можешь его у меня похитишь, и что съ
 самою смертію не только оно не кончится,
 но сдѣлается еще возвышеннѣе и утвѣрди-
 ся на вѣки; и шакъ чувствуете ли, какого
 пожертвованія отъ меня пребудете?“ При
 сихъ словахъ мать залилась слезами, и об-
 нявъ своего сына, уѣхала. Я бы могла рас-
 казать много подобныхъ случаевъ, слышан-
 ныхъ мною отъ отца Теодора, отъ Аббаса
 и отъ прочихъ опцевъ экономовъ или спра-
 нопримниковъ, *готельеровъ*. Эти пашеро
 монаховъ, съ кошорыми я шакъ много раз-
 говаривала, были всѣ равно учтивы и снис-
 ходительны; они отвѣчали непринужденно
 на всѣ вопросы; но какъ скоро переспрашивали
 ихъ спрашивать, они углублялись въ самихъ
 себя, пощупывая глаза, и погружались въ
 столь глубокую задумчивость, что счита-

ли себя, какъ я весьма увѣрена, совершенно одними, находящимися только съ Богомъ. Когда начнешь съ ними говоришь, они оспавляюшь эту задумчивость, принимая на себя видъ привѣпливый и веселый, и оспавляюшся шакъ, пока не перестанешь спрашивашь. Между собою всѣ они, исключая начальниковъ и готельеровъ, наблюдаюшь всегдашнее молчаніе, — могушь однако въ извѣстные часы говоришь съ начальниками, когда хошашь о чемъ нибудь просишь; впрочемъ же при своихъ работахъ, извясняюшся знаками. Есть шакіе монахи, которые въ шеченіе многихъ лѣтъ не говорили совсѣмъ, исключая исповѣди, чпенія и пѣнія хваленій Господу. Спраннопріимники или готельеры внутри монастыря, слѣдуошь шакже закону молчанія, и говорашь только съ постшоронцами.

Во всемъ монастырѣ яшшь ни одного зеркала. Многие монахи совершенно забыли свое лице. Работашошь они не шолько въ садахъ, но и внѣ оныхъ, почему вороша монастырскія со шпороны садовъ оппершы всегда, шакъ, что если бь вздумалось монаху бѣжашь, то ничего бы не спомло; въ шпомъ случай никто не спарается ему прешапешвовашь и не думаешь прешлѣдовашь—напрощивъ, они считаюшь себя счастливы-

ми, что избавились дурного товарища; однако они обязаны принять его, если воропишься, и по своимъ правиламъ, должны, въ наказаніе бѣглеца, продержашъ его взаперти на хлѣбъ и на водѣ сколько же времени, сколько онъ пробылъ въ бѣгахъ. Впрочемъ Аббашъ или Настоятель имѣетъ право сократить время наказанія, что всегда онъ и дѣлаетъ, если виновный оказываетъ раскаяніе; въ семь случаевъ, хотя бы побѣгъ продолжался и десять лѣтъ, виновнаго держашъ въ заключеніи не болѣе года. Когда кто либо просишься въ монахи, ему рассказывашъ подробно о строгостяхъ, предписываемыхъ правилами; кромѣ того его увѣряютъ, что какъ бы ни было крѣпко его сложеніе, но весьма вѣроятно, что оно не устоитъ, и года черезъ два или три, здоровье его разсиротится. Всегда принимають въ Лаптраппѣ людей рослыхъ, крѣпкихъ и хорошо сложенныхъ; я была очень удивлена, когда увидѣла всѣхъ монаховъ, копорые вообще были большаго роста. Уже нѣсколько лѣтъ имѣють они врача очень искуснаго и еще молодаго, копорый поселился въ Лаптраппѣ изъ привязанности къ братіи, пользовался такою же, какъ и они, пищею, и исправлялъ всѣ ихъ службы, если собсвенныя занятія не отвлекали его; онъ лечилъ даромъ бѣдныхъ,

и ходилъ для того часто пѣшкомъ миль за десять или двѣнадцать. Онъ говорилъ намъ, что невозможно жить съ сими почтенными мужами, не желая подражать имъ, и что онъ ихъ не оставитъ, хотя бы ему предлагали всѣ блага въ мѣрѣ. Снисходительность сихъ монаховъ достойна также ихъ испиной добродѣтели: они рассказывали мнѣ, что однажды женщина, одѣтая въ мужское платье, вошла къ нимъ съ мужемъ своимъ, но что она ничего не видала — ее скоро узнали и вывели. Я спала хулишь такое безстыдство, называя его большимъ грѣхомъ, достойнымъ отлученія отъ церкви; но они извиняли ее, говоря, что она была очень молода, и что конечно не чувствовала важности своего проскупка, а мужъ конечно могъ имѣть предосудительную снисходительность къ жевъ, по любви къ ней.

Многіе путешественники вздѣвъ далеко, чтобы узнавать людей и изыскивать, какое дѣйствіе производятъ на умы разныя постановленія, законы, правительствва и проч. Но вопъ вблизи насъ нравы, гораздо суровѣйшіе, нежели древнихъ Лакедемонянъ, добродѣтели гораздо возвышеннѣйшія, нежели древнихъ мудрецовъ, споль прославленныхъ и превознесенныхъ; вопъ небольшое общество, гдѣ всѣ опасныя спраспи уничтоже-

ны, гдѣ всѣ добродѣтели возвышены до той
 ещепени совершенства, какая кажешься сверхъ-
 естественною. Неужели эта картина не-
 достойна наблюдений истиннаго Философа?
 Неужели должно оспаривать эпошь почтен-
 ный пріюшь, сказавъ: *тамъ живутъ без-
 смысленные?* Прежде, нежели будете шакъ
 разсуждать, докажише мнѣ вашу мудрость;
 докажише мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы
 основательны, что вы имѣете кой-какія
 правила, съ которыми сообразуете свои
 поспунки. Вы думаете, что должно усту-
 пать склонностямъ, даннымъ намъ опъ при-
 роды, и что только такимъ образомъ можно
 быть счастливымъ: опъ чего же вы без-
 преспанно жалуетесь? опъ чего же счастье
 безпреспанно опъ васъ уклоняется? опъ че-
 го же спокойствіе душевное для васъ только
 воображаемое благо?

Но, скажутъ мнѣ, къ чему служатъ всѣ
 эти строгости? Такъ не удивляйтесь же
 ученикамъ Пифагора, которые только лишь
 проводили въ безмолвіи (*); не удивляйтесь
 умеренности Діогена и толькокихъ другихъ
 Философовъ, лишавшихся правами; не уди-

(*) Они по семи лишь не говорили ни слова; въ
 этомъ состояло одно изъ дѣланыхъ ими испыша-
 ній. *Сог-ца.*

вдайтесь тщливости Эпикура и Сократа, ни ихъ крошечки, ни презрѣваю къ почестямъ и богатствамъ!.... Или только въ минувшихъ вѣкахъ и у язычниковъ такіе примѣры великихъ добродѣтелей могутъ васъ трогать? Но преданіе могло преувеличить ихъ достоинство, а припомъ и оно говоритъ намъ, что сіи рѣдкіе мужи имѣли свои заблужденія и слабости; въ томъ же, что существуетъ споль близко отъ васъ, вы сомнѣваться не можете. Если же вы и находите странности въ жизни Лаштраппскаго монаха, по крайней мѣрѣ не найдете въ ней пороковъ, какими упрекають языческихъ Философовъ. Но, повторяють еще, къ чему это шерстяное плащье, споль жесткія постели, споль лишеніе вещей удобныхъ и пріятныхъ? Къ чему? для того, чтобы отдавать бѣднымъ всѣ деньги, какихъ спомани бы шелковыя плащья, мягкія постели, прекрасныя мебели, вкусныя блюда и проч. Осмыслили ли еще спросить, къ чему бѣднѣшую часть дня обрабатывають землю? По крайней мѣрѣ согласитесь, что эти земляныя работы полезны и подають превосходный примѣръ окрестнымъ поселянамъ. Кто не постыдился бы шамъ бытъ негодемымъ и лѣнивцемъ? Наконецъ, къ чему сполько времени проводить въ церкви? Къ чему

же вы сколько лишь проводите в Версали (*), где смертельно скучаете? — в надеждѣ, всегда нешвердой и часно обманчивой, получишь — что же? — шипуль, леншу, мѣсто на виду Короля. Не шакіа вещи привлекають въ церковь почтенныхъ мужей Лапраппа — и не надежда, но увѣренности получишь — не шакія и глѣблыя блага, но вѣчное блаженство. Думайте, если хошите, будшо ихъ мнѣіе не основашельно; какая нужда, лишь бы они были убѣждены въ прошивномъ. Награда, какую они себѣ обѣщаютъ, конечно болѣе шой, какой вы ищете, и, безъ сомнѣнія, имъ болѣе доставляетъ удовольствія восхваляя Господа, нежели вамъ ласкашельствовашъ; къ шому жѣ васъ мучашъ соперники и неизвѣшность: они же не боаяся соперничества и увѣрены, что получаютъ возмездіе за свои шруды; вы жаждете, а они ожидаютъ: судите же, во сколько разъ они счастливѣе въ церкви, нежели вы въ своемъ *oeil-de-boeuf*. И шакъ, если бѣ ихъ мнѣію служило основаніемъ и заблужденіе, вы не должны ихъ называть *безмысленными*, пошому что они добродѣшельны, благошворительны, полезны и считають себя счастли-

(*) Это писано мною въ 1790 году.

ливыми; если же ихъ мнѣніе основательно, какое дашь имъ названіе и какого достопыны вы? Какой будетъ жребій вашъ въ вѣчности, и какой достанется имъ?

2.

М И Л Л И О Н Ш И К Ъ.

Повѣсть въ двухъ отдѣленіяхъ, сочи.

Цшоке.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Славное было время, когда мы собирались по вечерамъ — обыкновенно разъ въ недѣлю — въ домъ Совѣтника Редерна. Мы не знали карточной игры, не говорили ни полслова о пегодѣ, не порицали ближняго, — не было между нами и лажихъ запѣвниковъ, копорые любяшъ, на счетъ скуки и муки всей бесѣды, выказывашъ шалапшы свои въ декламаци, пѣніи или музыкѣ, — а за всѣмъ нѣмъ было весело. Разговоръ перелепалъ съ предмета на предметъ: изъ каждаго цвѣшка извлекалось немножко меду. Соглашались или спорили, ошъ всего можно было позаняшъся жиншейской мудросши для своего собственнаго обиходу. Но всего пріятнѣе, когда, бы-

вало, старый Совѣтникъ начнешь рассказы-
вать чшо нибудь изъ долголѣшней, опытной
своей жизни. Я многое записывалъ послѣ у
себя дома, и теперь хочу сообщить двѣ по-
вѣсти. Не берусь однако такъ пріятно рас-
казать ихъ, какъ слышалъ отъ Совѣтника —
не сумѣю!

Зашла рѣчь однажды о Французскомъ Фи-
лософѣ Руссо, объ его раздражительномъ ха-
рактерѣ, объ его презрѣніи къ богатымъ и
знашнымъ, объ его гордой бѣдности, о несо-
образности его дѣтскаго добродушія съ не-
навистію къ людямъ.

Нѣкоторые защищали бѣдняка Философа,
кошорому свѣтъ представлялся не такимъ,
каковъ онъ есть; другіе бранили его. Тутъ
разговоръ склонился на то, какъ дѣйствуешь
бѣдность или богатство на человека ческ-
наго, съ ошачными шансами, и чшо, на-
примѣръ, былъ бы Руссо, когда бь судьба
облекла его въ пурпуръ, или наградила его
бочками золота. Всякій судилъ о шомъ по
своему, и между прочимъ выдавались пре-
оспроумныя мысли.

Тутъ сказалъ старый Совѣтникъ: „Мнѣ
вспали теперь на умъ двое поварнщей мо-
ихъ по Университету — одинъ до сихъ поръ
мой пріятель. Если испорія жизни каждаго
изъ нихъ не совсѣмъ идееть къ нашему спору,

по крайней мѣрѣ мнѣ кажешся довольно близкою. Впрочемъ объ испорити необыкновенны, и потому конечно могутъ бытъ занимательны.“

Мы спали слушашь.

Банкиръ и заводчикъ.

„Между всеми студентами, бывшими въ одно со мною время въ Университетѣ, отличался Казимиръ Морнъ пріятною наружносшю, а еще болѣе склонносшю къ Наукамъ и прилежаніемъ. Онъ зналъ превосходно нѣсколько древнихъ и новыхъ языковъ, писалъ порядочные стихи, пріятно пѣлъ, и не смотря на то, что изъ дому получалъ много денегъ, велъ себя скромно и тихо, чуждался распущенства и худыхъ обществъ. Лишнія деньги употреблялъ онъ на плату за содержанье и ученье своихъ товарищей, а себя выгадывалъ только на верховую лошадь — единственное преимущество, какое имѣлъ предъ другими. Еще прежде всупленія въ Университетъ, объѣхалъ онъ съ опцемъ своимъ, банкиромъ, большую часть Германіи, Италіи и Франціи. Это весьма образовало умъ его и дало хорошее направленіе склонности къ ученію.“

За полгода передъ шѣмъ, какъ выйши ему изъ Университета, вздѣлъ я съ нимъ, во время вакаціи, на его родину. Отецъ его жилъ въ резиденціи Курфюрста очень богато. Его посѣщали знатнѣйшія придворныя особы. Я, какъ пріѣхель Казимира, былъ принятъ ласково и радушно.

Подавъ огромнаго Морнова дома споялъ старый, ветхій, дрянной домишка. Въ немъ жилъ величайшій въ городъ скрига, лавочникъ Романусъ. Всѣ говорили, что онъ миліонщикъ. Не смотря на то, всегда самъ продавалъ онъ по медочамъ свой кофе, перецъ, сыръ и прочее, потому, что не хотѣлъ держать сидѣльцевъ. Прелестная дочка его, Каролина, также часенько заступала его мѣсто и опускала по лошамъ шабакъ.

Казимиръ и хорошенькая лавочница свыклись еще въ дѣтскихъ играхъ, живучи по соседству; дружеское ты оспалось между ними и тогда, какъ уже они были не дѣти. За это часто доспавалось Казимиру отъ отца, потому, что банкиръ былъ нѣсколько гордъ и намѣревался выхлопотать себѣ и сыну дворянскій дипломъ. Лавочникъ тоже говаривалъ дочери, что нейдешь обращаться такъ съ молодыми, богатыми банкирскими сыномъ; однако никакъ не сердился, когда

онъ приходилъ въ лавку за изюмомъ и миндалемъ, чѣмъ видѣться съ Каролиною. Да и какъ сердиться? Вѣдь шуръ за каждый приходъ плашились чистыми денешки.

Въ то время, какъ я жилъ въ Морновомъ домѣ, довольно близко узналъ отношенія сосѣдей. Казимиръ клялся опцу, что ни за что въ свѣстѣ ни на комъ не женился, если не на Каролинѣ. У нихъ между собою было уже слажено. Каролина своему опцу дѣлала подобныя же кляшвы. Лавочникъ смѣялся, а банкиръ вздыхалъ.

Наконецъ Морнъ спалъ уже, казалось, сдаваясь: онъ любилъ сына. Можеть быть и милліонъ господина Романуса былъ въ глазахъ его уваженъ. Богаче невѣсты для Казимира не нашлось бы въ цѣломъ городѣ.

Наконецъ уже дѣло пошло, какъ нельзя лучше: банкиру нѣчего было говорить противъ милліона, ни противъ розовыхъ щечекъ, голубыхъ глазокъ и золотыхъ локоновъ Каролин. Съ другой стороны разсуждалъ Романусъ, что сынъ банкира молодецъ хоть куда, и что дѣла самого Морна въ наилучшемъ положеніи. Если же прибавишь къ тому, что Казимиру было двадцать шри года, а Каролинѣ шеснадцатъ лѣтъ, что они любилъ всѣмъ сердцемъ другъ друга, и что

между ними уже заключенъ былъ пракшашъ вѣрности до гроба и за гробомъ: шо казалось, ничшо не могло бытъ приличнѣе и сбшшочнѣе шакой свадьбы. И мнѣ такъ казалось; но вышло иначе.

Романусъ, чудакъ непослѣднй, не хотѣлъ вѣрншъ, чшобы какое нибудь другое званіе, занятіе или промышленость, кромѣ мелочнаго шорга, могло бытъ прочно. Ученость не значила у него ничего; банкирство называлъ онъ игрою счастья. „Никакое Курѣиршество не можетъ бытъ такъ прибыточно и прочно“ — говаривалъ онъ: „какъ хорошо устроенная мелочная лавка.“ Слѣдствіемъ шакой привязанности къ своему сослоіію было шо, что онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ закономъ: выдать дочь свою не иначе, какъ за лавочника.

Гордость банкира взбуншовалась противъ шакого смѣшнаго условія. Казимиръ приведенъ былъ въ большое затрудненіе; сама Каролина не желала, чшобы ея возлюбленный вѣкъ свой шолько свершывалъ бумагу для перцу. Она надѣялась, что мысли ошца перемянутся. И я думалъ шо же. Всякій изъ насъ былъ шого же мнѣнія.

Казимиръ, при своихъ познаніяхъ и способностяхъ; при богатствѣ ошца своего, ко связямъ при Дворѣ, имѣлъ самыя блестя-

щія виды для жизненнаго пути своего. Спю-
ило , ожедатель, и самыя значительныя мѣста
въ Государствѣ не могли бытъ для него не-
достигнушы. Миниспры уже предназначали
даже все его поприще. Опредѣлились надле-
жало ему Рефендаріемъ по части Юстиціи,
а тамъ, черезъ полгода времени, или какъ
скоро открылось бы только значительнѣй-
шее мѣсто, онъ непременно бы его занялъ.
Сдѣланъ былъ присупъ и къ полученію
дворянскаго диплома. . . . И вдругъ вшопъ
жалкій Романусъ хочешь и пребуешь, чшо-
бы Казимиръ, сдѣлавшись его зышемъ, жилъ
непременно у него, ошказался ошъ всѣхъ
мірскихъ зашѣй, свершывалъ бумагу для пер-
цу, ошвѣшивалъ по лошамъ шабакъ и прода-
валъ пошшучно сельдей . . .

Пусть предспавишь себя, кто можешь,
непріятное положеніе добраго Казимира!

Я очень знаю, чшо въ двадцать шри го-
да можно, для молодой, милой дѣвушки, рѣ-
шишься на все: осаждашь башпарен, ни во
чшо спавишь смерть и погибель, борошься,
если нужно, съ самимъ дѣволомъ, доволь-
ствовалъ хлѣбомъ и водою — все! все! Но
сдѣлаешь лавочникомъ, когда надѣнешься бытъ
важною особою, ошпускашь на вѣсь шабакъ
и перецъ, завершываешь смръ или сельдей —

это для самолюбия счастливица гораздо несноснее, нежели смерть, дьяволъ и сухояденіе.

Меня очень удивило, когда я узналъ, что самъ гордый банкиръ Морнъ первый посовѣщовалъ пихонько сыну, сдать на капишуляцію чудаку Романусу. Казимиръ мнѣ сказалъ о томъ. Я покачалъ головою. „Неужели“ возразилъ я: „эпошъ скарעדъ думаешь, что онъ, какъ милліонщикъ, можетъ каждаго честнаго челоуѣка запопшашъ вывспѣ съ собою въ грязь?“

Но Казимиръ былъ влюбленъ. Я замѣтилъ, что онъ готовъ согласиться въкъ свой считашъ кофе по зернамъ, лишь бы обладалъ своею богинею. Мое дѣло было замолчать, потому, что нельзя совѣщовашъ влюбленному. Однако добрая, благородная Каролина сама восплавала прошивъ исполненія опщовской прихоши. Условились, чтобы Казимиръ вѣхалъ въ Университетъ и прожилъ тамъ свои послѣдніе полгода; а между тѣмъ, хотѣли со всѣхъ споронъ спарашъ умилоствившъ чудаго папеньку. На всякій случай готовъ былъ даже запасъ обмороковъ, слезъ, пригоповленій къ смерти.

Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Когда кончилось время ваканціи, мы опправились обратно въ свой Университетъ.

Банкиръ въ блѣдѣ.

Каролина очень прилежно писала письма. Всякій шагъ ея былъ извѣщенъ Казимиру. Она писала нѣжно, съ милою мечпашельностью. Правда, изъ всего шого не видно было, чшобъ она хоть сколько нибудь опшранила опща своего опъ его несмысланныхъ причудъ, но она не упадала духомъ. Въ полной надеждѣ, заключала она каждое нисьмо свое утѣшительными словами: „Впрочемъ вѣдь мнѣ еще шолько шестнадцать лѣтъ, а тебѣ двадцать шри года!“

Мѣсяца чешыре спусти, приходишь ко мнѣ въ одно утро. Казимиръ съ разстроенымъ видомъ. Онъ получилъ опъ опща письмо и десятиа тысячъ гульденовъ золотомъ. „Эшо послѣднее“ — писалъ банкиръ сыну: „чшо я могу тебѣ дать; въ зномъ все швое имущество. Я обанкрушилс, и долженъ бѣжать. Опшраваюсь опшюда черезъ Англію въ Западную Индію. Богъ знаетъ, увидимся ли когда нибудь!“

Разумѣется, чшо въ шакомъ извѣстіи не много было радостнаго. Присланныя десятиа тысячъ гульденовъ не сосшавляли и шрешней части шого, чшо принадлежало Казимиру по наследству шолько опъ маме-ри. Я хощалъ его утѣшитъ. Но вдругъ, повелъ опъ рукою по лицу, какъ будто же-

лая сперешь печаль свою, и сказала: „Не спыди меня! неужели думаешь, что бѣдность оскорбляетъ меня, что при ней не найду я ошрады въ будущемъ? Нѣтъ, я не полагаю несчастія въ бѣдности, только незащность меня встревожила. Не берись утѣшать — ты обидишь меня. Постарайся разсѣять меня только сегодня; завтра уже не буду имѣть въ томъ нужды.“

Я велѣлъ осѣдлать лошадей. Мы ѣздили много и скоро. Пошомъ пригласилъ я къ себѣ нѣсколькихъ пріятелей на пуншъ. Тушъ молодой Философъ мой развеселился. Онъ расказалъ всѣмъ испорію переворота своей судьбы, забавлялся на счетъ своей бѣдности, и прибавилъ: „завтра подумаю, что мнѣ придется дѣлать.“ Всѣ дивились, всѣ сожалѣли о его положеніи. Всѣ напоследокъ поклялись ему въ преданности и вѣрности по конецъ жизни. Одинъ только изъ студентовъ, молодой Янгельбертъ, славнѣйшая голова между нами, подошелъ къ нему смѣючись, и сказала, „Всѣ мелюшь, вздоръ. Я, братъ, поздравляю тебя, что ты избавился отъ своего ничтожнаго капишала. Теперь только узнаешь ты себя цѣну. Милліончикъ, знашый баринъ, прекрасная дѣвушка — это все такія вещи, о кошорыхъ нельзя увѣрительно сказать, есть ли въ нихъ какой нибудь толкъ,

кромѣ денежнаго мѣшка, почешнаго мѣста и прекраснаго личика.“

Не всѣ согласились съ Энгельбертомъ. Я самъ смошрѣлъ на него, какъ на молодого взбалмошнаго мечшашеля, особливо, когда онъ продолжалъ шакъ: „Я напишу книгу, какъ бы должно было устроить Государство. По моей методѣ, всѣ слабые, безпомощные, уродливые, шакже старые люди, кошорымъ необходима покойная жизнь, должны получать больше всего денегъ; когда жъ умрушь, все ихъ имущество должно опять принадлежать Государству. Напротивъ того, богатымъ людямъ, шо ешь, юношамъ и всѣмъ, у кого голова и сердце на мѣстѣ, ни одна копейка не должна дѣшаваться даромъ, Пусть трудятся и дѣлають сами себѣ проишаніе. Тогда бы вышло что нибудь великое. Тогда бы перешеголяли и Спаршу. Важнѣйшіе въ Государствѣ люди, Полководцы, Первосвященники должны бы были ходишь въ грубой и скудной одеждѣ, жишь въ простыхъ домахъ, пишаться простою пищею — чшобъ всякій видѣлъ, кто они, и чшобъ народъ не ослаблялся ихъ блескомъ. Мудрѣйшій, добродѣшельнѣйшій, дѣятельнѣйшій, храбрѣйшій считался бы самымъ богатымъ, пошому что онъ шакъ и ешь. Да, въ моемъ политическомъ Государствѣ, бѣдняки должны

быть миллионщиками. И шочно такъ надлежало бы на самомъ дѣлѣ успроишь. Но мы живемъ въ шакомъ вѣкѣ, въ кошоромъ все понятія на выворотъ. Еще хорошо, что Провидѣніе печенся объ насъ и приводитъ въ порядокъ свѣтъ, вывороченный наизнанку, чипобъ шолько не разрушилса онъ до основанія. Говорятъ: счасніе сѣпо въ раздачѣ благъ: глупцу дастъ сокровища, таланту и заслугамъ нищенскій посохъ. Но я говорю: это Божеская премудрость и насшоющее установленіе равновѣсія въ средствахъ.“

„Что?“ воскликнулъ одинъ изъ слушателей: „я долженъ работашъ ни за что! Да на что жъ мнѣ и силы, когда я не могу приобрѣсти ими славы и богатства!“

— „Это значить“ — сказалъ Энгельбертъ: — „ты хочешь золошою лопатою копашъ песокъ. Эдакъ ты самъ наконецъ посадишь себѣ пулю въ лобъ.“

„Я не ищу славы и богатства!“ сказалъ Казимиръ. „Я держусь мнѣнія Энгельбертова. Пусть буду я самъ по себѣ чего нибудь стоить, и останусь доволенъ, если мом достоинства будутъ признаны.“

— „Нашъ“ — вскричалъ Энгельбертъ: — „ты не моего мнѣнія. Когда я блистаю, какъ солнце, пусть говоришь свѣтъ, что я черне угля — какаа мнѣ до того вужда! Ни-

кто изъ людей не хочеть заботиться о своемъ ближнемъ: они себялюбцы, по слабости своего разсудка. По этому должно любить ихъ изъ жалости, изъ состраданія.“

„Нвшь“ — возразилъ Казимиръ. „Человѣкъ самъ по себѣ добръ, одаренъ возвышенною душою — и я потому люблю его. Нвшь, я не хотѣлъ бы жить въ такомъ свѣтѣ, какой ты себѣ представляешь.“

— „Жалкій Морнъ!“ — сказалъ Энгельбертъ — „такъ ты рожденъ совершеннымъ человѣконенависникомъ.“

Тутъ вступился и я. „Э, братцы,“ — сказалъ я имъ: „вы спорите изъ пусыиковъ. Свѣтъ ни такъ хорошъ, ни такъ худъ, какъ вы хотите его сдѣлать. На все брошены тѣни. Сегодня дождь, а запра ведро. Будьте разсудительны: считайте свѣтъ за то, что онъ есть, а не за то, что вамъ въ немъ чудится. Знайте припомъ всему мѣру. Во всемъ хороша середина.“

Энгельбертъ подошелъ ко мнѣ, смѣючись, погладилъ меня по головѣ, какъ дитя, которое умно промолвилось, взявъ попомъ свой стаканъ пуншу и чокнувшись съ мной, сказалъ: „Редернъ! ты малый хоть куда; ты среднимъ своимъ пушемъ поплывешь съ полною; будешь радоваться чистенькимъ пеленкамъ, будешь плакать надъ разлешив-

шимся мыльнымъ пузыремъ, и вѣрно не увидишь ни много зла, ни много добра.“

Эпопъ разговоръ привожу я только для того, что онъ замѣчательнъ по послѣдствіямъ. Какъ вдохновенный предвѣщатель, Энгельбертъ довольно удачно предсказалъ всѣмъ намъ будущее.

Казимиръ, послѣ побѣга отца своего, получилъ много сожалительныхъ и утѣшительныхъ писемъ. И Каролина старалась утѣшать его. Теперь и она думала, что лучше покориться волѣ Романуса, сдѣлаться лавочникомъ, и осматься такъ, пока спарикъ живъ; а попомъ располагашь собою, какъ угодно.

Возвращаясь въ резиденцію Курфюрста, Казимиръ нашель, что и домъ и все имущество отца его продано, а за всѣмъ тѣмъ еще многіе должники оспались неудовлетворены. Весь городъ браниль легкомысленнаго Банкира, и жалель о сынѣ его, подававшемъ споль большія о себѣ надежды.

Прежде всего, разумѣется, Казимиръ отправился къ лавочнику Романусу, чтобы покориться его волѣ и начать свершывашь бумагу въ его мрачной, провонялой лавкѣ. Такого самоотверженія была достойна злопокудная Каролина, хотя бѣ и не была она наследницею милліона. Для нее рѣшился бы

Казимиръ погребши себя на всю жизнь въ Пошозскихъ рудникахъ, или вѣкъ свой спянушь по Дунаю бечеву.

Но, другія времена, другіе нравы! Романусъ опдѣлалъ смиреннаго жениха самымъ неучпивымъ образомъ. Шушка ли? восемь тысячъ палеровъ потерялъ Романусъ на Банкиръ Морнъ! Все еще упѣшалъ онъ себя надеждою, что Казимиръ, по прїездѣ, возвратитъ ему, можетъ быть, вѣшю капишалъ. Но когда Казимиръ явился и чистосердечно признался ему, что и самъ онъ потерялъ, какъ извѣстно, бѣльшую часть машеринскаго своего наслѣдства, — лавочникъ усмѣхнулся, передвинулъ старый, круглый парикъ на головѣ, и сказалъ: „Нѣтъ, брашъ, меня не проведешь! Вашъ отецъ, я знаю, большая шушка! Хопъ сей часъ объ закладъ, если онъ давно ужъ не порадылъ о себѣ (при этомъ Романусъ горстью правой руки какъ будто ощущивалъ деньги на ладони лѣвой). Вопъ увидимъ, долго ли пройдешь, какъ ваша милость явишесь богачѣйшимъ человѣкомъ въ околошкѣ.“

Казимиръ пожалъ плечами — утверждалъ, что отецъ его совсѣмъ не шакой безсовѣстный обманщикъ, и предлагалъ удовольствоваться г-на Романуса, отдавъ ему свои десяти тысячъ гульденовъ, если онъ

сколько согласится назвать его своимъ зятемъ, и пуспанъ въ помощники въ свою лавку.

Когда Романусъ увѣрился, что Казимиръ точно не можетъ ему возвратить его восьми тысячъ палеровъ, то возымѣлъ охоту прибрать опъ него къ рукамъ по крайней мѣрѣ, что у него есть. Онъ потребовалъ десяти тысячъ гульденовъ, не упоминая однако ни словомъ о сватовствѣ. Возможно ли было Морю такимъ образомъ согласиться?.....

„Чѣмъ же я буду жить?“ сказала Казимиръ.

— „И, мой миленькой!“ закричалъ Романусъ: „вы человекъ ученый. Вы можете тотчасъ найти себѣ мѣсто псаца. А я несчастный, убитый человекъ — если я не получу своихъ денегъ, то разорюсь въ конецъ, долженъ буду съ бѣдняжкой дочерью покинуть домъ и дворъ, искать себѣ хлѣба у чужихъ дверей подаваніемъ!“

„Въ самомъ дѣлѣ?“ воскликнулъ Морь : „О, такъ возьмите мои десять тысячъ гульденовъ, и отдайте мнѣ Каролину. Мы найдемъ себѣ кусокъ хлѣба. Трудомъ и бережливостію приобрьшемъ все пошерянное. Мы будемъ довольны и счастливы.“ Казимиръ говорилъ опъ души и съ такою живо-

стію, что лавочникъ смотрѣлъ на него молча и недвижимо.

„Какъ?“ вскричалъ наконецъ Романусъ : „Да вы, я вижу, радуешесь еще, что вашъ почтенный башюшка такимъ безчестнымъ образомъ очистилъ мои карманы! — Это ужъ слишкомъ! И я же долженъ отдать вамъ дочь свою, и кормить васъ? Слуга покорный! Нѣтъ, сударь: хоть вашъ отецъ и сдѣлалъ меня нищимъ, все таки не хочу я зашѣвать нищенской свадьбы. Не угодно ли вонъ! И, смѣю просить, никогда ко мнѣ ни ногою. Какъ будто я для такихъ оборванныхъ бѣдняковъ готовилъ дочь свою!“

Таковъ былъ конецъ сватовства.

Надежда и утѣшеніе.

Куда ни приходилъ Казимиръ, вездѣ слышалъ онъ проклятія отцу своему. И тѣ, копорые прежде льстили наперерывъ, сдѣлались злѣйшими врагами. При всей горести, и по послужило даже нѣкоторымъ утѣшеніемъ сыну, когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ онъ извѣстіе изъ Антверпена о смерти несчастнаго отца своего. Банкиръ умеръ отъ воспаления, копорымъ вѣроятно пренебрегъ, не радъя о продолже-



ни жизни, споль пнягостной въ бѣдѣ его. Въ самомъ дѣлѣ, съ шѣхъ поръ менѣе по крайней мѣрѣ проклинали имя Банкира Морна, и сынъ его возбуждалъ болѣе состраданія.

Казимиръ не перялся духомъ: онъ неереждалъ, пока гроза пробушуешъ въ городѣ; пошомъ явился онъ къ прежнимъ пріашеламъ своего дома, къ Миниспрамъ, къ значнѣйшимъ барамъ, и никпо изъ нихъ не опказался приняшь его. Обѣщанное мѣсто Референдарія онъ получилъ. „Ведите себя хорошо“ — сказалъ Миниспръ: „учишесь нашимъ законамъ, привыкайте къ порядку службы — при случаѣ, я васъ не забуду. Теперь конечно, какъ молодой Референдарій, вы должны работашъ безъ жалованья. Но черезъ годъ, какъ я надѣюсь, или черезъ два года, приспособимъ васъ лучше. Вѣдь вы еще молоды. Куда вамъ шеперь въ двадцашъ чешыре года?“

Такія слова Миниспра были все равно, что родишельское ушѣшеніе. Казимиръ спалъ устроивашъ свой домашній бышь. Онъ нанялъ кварширу въ порядочномъ домикѣ, прошивъ прежняго великолѣпнаго дома опца своего. Не сполько нравился ему видъ печальнаго памяшника исчезнувшей пышности, какъ сладкое сердцу сосѣдство голубоокой Каролины Романусъ. Пустъ спарый завочъ

никъ запрешилъ ему переступать ногою черезъ порогъ. — но посѣщашъ взорами Каролину всякій могъ невозбранно.

И эти посѣщенія взорами дѣлались очень усердно съ обѣихъ сторонъ. Она часто переселялась въ умъ къ нему въ комнату, кошорую при солнечномъ свѣтѣ легко могла осмотрѣть всю изъ своей небольшой горенки. Скоро сдѣлалось ей знакомо каждое пачъ мѣспечко. Она знала, когда любезный выходилъ изъ дому, когда онъ приходилъ, когда онъ работаешь, когда весель, когда скучень. И онъ зналъ поже о ней: льшомъ спояла или сидѣла она у дверей передъ лавкою; зимой не отходила отъ окна. Спали переговаривашься знаками, и въ печеніе одного года, шакъ усовершенствовались въ этомъ искусствѣ, что могли все пересказать другъ другу, о чемъ думали, чего желали, надѣялись, боялись — и для того успа ихъ ни сколько не были имъ нужны.

Казимиръ все надѣяся, Каролина все ушѣшала. Черезъ годъ времени говорила она: „вѣдь мнѣ еще осмнадцать, а шебѣ шолько двадцать пять лѣшъ.“ Нельзя справедливѣе: время не ушло. — Казимиръ шрудился неусынно; былъ привѣшливъ и услужливъ ко всякому; работалъ съ плеча записки, счешы, отношенія, проэкты и проч. и проч. Не-

рѣдко на его плечахъ выѣзжалъ поппъ или другой изъ безпечныхъ его начальниковъ. За шо всѣ его любили, хвалили его знаенія, совѣщовались съ нимъ, приглашали его къ споу на балы, на вечеринки и пикники. Всѣ хорошенькія дѣвушки ласкали молодого Референдарія; да и можно ли иначе, когда онъ танцовалъ, какъ Сильфъ, пѣлъ какъ самъ Аполлонъ, декламировалъ, какъ — короче, все казалось въ немъ необыкновеннымъ, какъ въ извѣстныя годы извѣстнымъ людямъ въ извѣстныхъ людяхъ все кажется неземнымъ. Наверное получилъ бы Морнъ и на двадцать пятомъ году очень хорошее и прибыльное мѣстечко, если бь онъ имѣлъ уши, чптобы вслушиваться въ нѣкоторыя предложенія, дѣланныя впрочемъ вняшно и вразумительно — или глаза, чптобы всматриваться поближе въ шу или въ другую изъ любезныхъ барышень. Но у него были уши и глаза только для милой сосѣдки. Поэтому-шо и на двадцать шестомъ году остался онъ все Референдаріемъ безъ жалованья. „Ну что жь?“ говорила Каролина: „вѣдь тебѣ еще двадцать шесть лѣтъ, а мнѣ девятнадцать. Намъ еще можно подождать.“ И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ такъ неприхотливъ, чпто довольствовался счастіемъ любить и быть любимымъ.

И нельзя было не довольствоваться. Каролина красовалась въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и не знала подобной себѣ въ миловидности. Городъ и Дворъ говорили о ней. И молодые Князья любили прохаживаться пѣшкомъ мимо лавки, чѣмъ изловить взоръ прелестной лавочницы; и дворяне знакомились съ брюзгливымъ скрягою, ея башюшкой, и старались всшупишь съ нимъ въ пѣсную дружбу. Красота Каролины, съ придаткомъ милліона, заслуживала конечно, чѣмъ бы повергнушь къ ногамъ ея всѣ родословныя и дипломы. Но ни Князья, ни Графы, ни Бароны, ни Ющицкіе, ни Военные, ни Надворные, ни Тишулярные и буде есть еще какіе Совѣтники, не могли пронуть сердца стараго лавочника или пѣвнишельной его наслѣдницы. Съ одной стороны никто изъ нихъ не могъ рѣшишься засѣдать въ мелочной лавкѣ и продавать мыло и ваксу; съ другой стороны Каролина смѣтрѣла шакъ холодно и равнодушно на этихъ господъ, какъ на деревяннаго Арапа, кошорый былъ выставлень у лавки съ длинною трубкою, во всевидѣніе свѣту.

Вся ея красота и любезность, ея внимательность, ея любовь, ея одушевишельная улыбка принадлежали одному, избранно-

му сердцемъ, бѣдному Референдарію, для котораго въ эпоху довольно было утѣшенія!

Д о а д ц а т ь .

Не смотря на такое утѣшеніе, добрый, прилежный Казимиръ все таки хмурился иногда брови, видя, что проходишь годъ за годомъ, а старый Романусъ все пошъ же старый Романусъ, и не даетъ смягчить своего сердца. Не меньше горевалъ онъ и о томъ, что по службѣ никто не хотѣлъ подумать о немъ. Онъ зналъ, что чего нибудь спѣишь, но казалось, другіе ни во что ставили труды его. Правда, что всякій отдавалъ ему полную справедливость. „Морнъ, славный работникъ, превосходный человекъ, умная голова, врядъ ли кому уступишь въ свѣдѣніяхъ!“ Таковъ былъ общій о немъ голосъ. Морну и самому случалось слышать это. Но не смотря на то, какъ скоро очищалось мѣстечко, никто и не думалъ вспомнить о славномъ работникѣ, превосходномъ человекѣ, умной головѣ. Тупъ всякой заботился о сынкѣ, племянникѣ, родшвенникѣ. И каждый семьянинъ помогалъ другому. Молодые люди, не столь долго служившіе и неоплачившіе себя такими знаніями, какъ Казимиръ,

миръ, были ему предпочитаемы. Если Морнъ начиналъ жаловаться, по пожимали плечами, бранили другихъ за непошизмъ (*), за несправедливость, неблагодарность; утѣшали *сльдующимъ разомъ* — шакъ при шомъ и оспавалось. Иные же, слыша его жалобы, удивлялись еще, какъ можешъ онъ дѣлать шполь дерзкія шребованія, какъ будшо бы имъ равный; какъ будшо бы имѣлъ шакое, какъ они, состояніе; какъ будшо бы находился въ шакихъ обширныхъ и почешныхъ связяхъ, какъ они. Когда бывала въ немъ нужда — всякій шель къ нему; его паланшы уважались. Проходила нужда — всѣ о нихъ забывали.

Морнъ, при всемъ своемъ умѣ, принадлежалъ къ числу шѣхъ добросовѣстныхъ людей, съ кошорыми ничего не спомшъ помириться, какъ бы часто ни обижали ихъ. Какъ въ игрѣ человекъ съ завязанными глазами, шакъ они въ свѣшъ для шоекорыстныхъ и пронырливыхъ — даютъ подкулишь себя пожапиемъ руки, ласковымъ словомъ, и

(*) Непошизмъ ошъ Лашинскаго слова пероз — предпочшеніе родствениковъ и друзей въ оказаніи милосшей. Эшо выраженіе взялось ошъ Римскихъ Папъ, кошорыхъ родственики называющся Непошами. *Пр. Пер.*

мечущся на огонь для того, кто смеется надъ ними позадь спины ихъ. Они вовсе не имѣють понятія о безстыдствѣ тонкихъ свѣтскихъ людей, и бездушная низость, которую часто употребляютъ на удачу для самыхъ незначительныхъ мелочей, кажется имъ несбыточною. Морнъ считалъ большую часть людей слабыми, но въ душѣ добрейшими, пошому что они выказывали себя преспрогими судіями добродѣтели. Всему доброму вѣрилъ онъ охотно; во всемъ дурномъ сомнѣвался. Ему необходимо было чувствовать, что живешь въ благонаравномъ свѣтѣ.

Пошому-то онъ и сносилъ перпѣливо жестокій свой жребій. Для него много значила пріятная увѣренность: быть любимымъ и уважаемымъ; онъ судилъ, что въ этомъ отношеніи все таки воздаютъ ему должное. Но что не дають ему хорошаго мѣста, что предпочитаютъ при каждомъ случаѣ другихъ — ну, это казалось ему несправедливымъ; однако онъ слишкомъ внималъ въ томъ и себя. Думая, что заслуги сами будутъ говорить за него, онъ не старался войти въ милость у знатныхъ; приходилъ къ нимъ только что за дѣломъ; бывалъ иногда, при добродушной своей живости, слишкомъ опкровененъ и неоспороженъ въ рѣ-

часть; представлялася богаче, нежели была — чтобы его не меньше уважали: слабость людей в этом отношении была очень ему известна. Таким образом легко могло случиться, что, кто казался победителем или был навязчивее, того повышали, а он все назад оспавался.

И если когда печалился он не на шутку о своем положении, то утешительный взгляд Каролины опять ободрял его. „Что ж такое?“ — говорила она в день его рождения, в Мартовъ мѣсяцъ, когда, какъ обыкновенно, прикалывала къ груди его букетъ принесенныхъ въ даръ подсерьжанныхъ колокольчиковъ: „вѣдь тебѣ еще только двадцать семь лѣтъ, а мнѣ — двадцать.“ Но слово *двадцать* прозвучало очень длинно въ ушахъ ея. Она призадумалась, не много ли сказала. *Двадцать* все таки прегрубое, претяжелое слово для дѣвушки двадцати лѣтъ.

И добраго Морна поразило это слово — можетъ быть пошому, что голосъ Каролины, произнося его, очень понизился и сдѣлался мягокъ. Возвращаясь въ свою комнату, онъ приунылъ. Но что жъ было дѣлать? *Двадцать* оставалось *двадцатью*; и можно было предвидѣть, что старый Романусъ и еще черезъ двадцать лѣтъ не перемѣнитъ своихъ мыслей. „Между швѣи Каролина ош-

цвѣшеть“ — шепшаль Казимиръ со вздохомъ: „а я буду спарымъ холостякомъ.“

Онъ бросился въ уголь своей софы и — заплакалъ горько.

Лучшіе виды.

Постучались у его дверей. Вошелъ слуга Тайнаго Совѣтника Бишперблаша и сказалъ, что господинъ его проситъ къ себѣ г. Морна, для нѣкотораго выгоднаго ему предложенія.

Г. Бишперблашъ былъ довѣренная особа стараго Курфирсша, слѣдовательно такое приглашеніе большая честь для Казимира. Онъ побѣжалъ къ нему съ любопытствомъ и надеждами.

Его приняли очень ласково. Г. Бишперблашъ имѣлъ даръ обходиться чрезвычайно милосщиво и дружески съ подчиненными, когда ему надобно было приманить ихъ, и очень грубо и гордо, когда не слишкомъ передъ нимъ унижались. Естественное послѣствіе того: его боялись и вмѣстѣ презирали. Морнъ же считалъ его опличнымъ сановникомъ, не только всегда умѣющимъ обходиться съ людьми.

Послѣ первыхъ привѣшшвій, г. Бишперблашъ сказалъ ему: „Его Свѣшлосши

угодно, чѣобы въ вновь прибрѣщенныхъ земляхъ финансовая часть успроена была сколько возможно подобно тому, какъ здѣсь. Главное дѣло состоить въ томъ, чѣобы осмопрѣшь и описать различныя имущества, ввести въ нихъ однообразное съ здѣшнимъ управленіе, привести въ извѣстность существующіе тамъ разные сборы, и сдѣлать предположенія на счетъ усиденія нѣкошорыхъ опрасей дохода. Его Свѣшлость извоилъ учредить для того особую Коммисію. Дѣло не легкое! Опредѣленные къ тому два Камерныя Совѣшника люди уже пожилые; они и въ годъ не кончатъ его. Мои предсшавленія прошивъ назначенныхъ лицъ у Его Свѣшлости не подѣиспововали. Это старые, вѣрные слуги, кошорымъ хотяшь оказашъ вѣщимъ честь. Президентомъ Коммисіи — можешь бышь, чѣобы хошь нѣсколько подложить шупъ огня юности — Его Свѣшлости угодно было, прошивъ моей воли, назначить сына моего, Таможеннаго Совѣшника, со званіемъ Камернаго Совѣшника. Вѣдь вы знаете, любезный мой Референдарій, чѣто Курфирсшу никакъ нельзя прошиворѣчить. Мой сынъ плоховашъ здоровьемъ. Дѣло зашянется вдалѣ, а этого не должно бышь. По этому хочешся мнѣ васъ, мой миленькой, посадить въ Коммисію Секретаремъ.

Вамъ полагаю хорошія сподовыя деньги, а если сынъ мой, съ помощію вашею, исполнитъ дѣло къ удовольствію Его Свѣтлости, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, то это послужитъ наилучшимъ поводомъ напомнить Его Свѣтлости о вашихъ многочисленныхъ заслугахъ. У меня же приготовлено уже вамъ въ новомъ краю славное мѣстечко — одно изъ лучшихъ.“

Морнъ, какъ легко себя вообразить, не отказался отъ предложенія. Впрочемъ онъ хорошо его понялъ. Два старичка въ Комисіи были ограниченные люди, которые не могли разумѣть такого дѣла. Имъ надлежало только фигурировать, чтобы выставить во всемъ блескъ г-на Президента. Молодой же Совѣтникъ Бишпербланъ, за два года вышедшій изъ Университета, еще меньше зналъ толку въ дѣлахъ. Слѣдовательно вся надежда полагалась на Секретаря Морна. Онъ былъ и радъ. Счастіе улыбалось ему. Хотя и жаль было оставить на такое долгое время прелестное сосѣдство, но нельзя было упустить столь прекраснаго случая.

И въ обещанныхъ сподовыхъ деньгахъ была не малое для него подспорье. До сихъ поръ служба безъ жалованья, какъ ни ограничивалъ онъ себя, но все однихъ проценшювъ недоставало ему на содержаніе: должно бы-

до каждый годъ ошрывать частинцу отъ капишала, а съ шѣмъ вмѣстѣ уменьшашь проценты и — ситановишься бѣднѣе.

Онъ просился съ Каролиною. Крѣпкій поцѣлуй вдохнулъ въ него крѣпоснѣ своишя мужественно разуку. Онъ отправался съ Коммисією, и лишь только прѣвчалъ на мѣсто, какъ принялся за дѣло, одушевленъ радостнѣйшими надеждами. Разумѣется, заталась опять переписка съ прелестною дочкою жестокосердаго милліонщика. Еще передъ отпѣздомъ сдѣлано было условіе объ адресахъ, потому что папа Романуеъ не долженъ былъ знать о такой перепискѣ. Казимиръ плапиль и на почту: его любезная не могла располагашь ни крейцеромъ безъ вѣдома почтеннаго родителя.

Казимиръ поживалъ въ главномъ городѣ новой провинціи точно также, какъ въ резиденціи Курфюрста. Онъ работалъ усердно, знакомился мало, чтобы не пратишь лишнихъ денегъ; когда же оканчивалъ работу, то ходилъ гулять, а потомъ сидѣлъ въ своей комнашѣ, и читалъ письма своей возлюбленной, или писалъ къ ней.

Случай далъ ему въ пракпирѣ, гдѣ онъ жилъ, прѣдшнаго собесѣдника. Подлѣ его комнашы жилъ иностранецъ, который, садясь за общимъ столомъ, никогда не гово-

*

речь ни слова, и часто въ кварширѣ своей расказывалъ взадъ и впередъ до полуночи. Казимиру казалось иногда, будто онъ самъ съ собою говоритъ вслухъ — въ другое время, будто онъ горько плачетъ. Эпопѣя сосѣда была молодой, стройный, но блѣдный мужчина — всегда очень вѣжливъ, имѣлъ двухъ слугъ и вообще казалось, что онъ знатной породы.

Когда Казимиръ узналъ, что онъ Англичанинъ, по прозванью Дунканъ, живущъ въ городкѣ уже недѣли три, не заботясь впрочемъ ни о городѣ, ни объ его жителяхъ — тогда онъ завелъ однажды съ нимъ рѣчь на Англійскомъ языкѣ. Казимиру пріятно было доставить нѣкоторое развлеченіе иностранцу, вѣроятно несчастному; а при томъ радовался онъ, что есть случай упражняться въ разговорѣ на языкѣ мало употребительномъ.

Британецъ, услыша родные звуки, взглянулъ съ радостнымъ изумленіемъ и ошѣвчалъ очень ласково, а потомъ замолкъ опять. Нарѣдка обращалъ онъ однако испытующіе взоры на Казимира. После же обѣда вдругъ подошелъ, взявъ за руку сосѣда и сказалъ: „Сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ поговорить съ вами одну минушу.“

Казимиръ повелъ его въ свою комнашу. Тушь Дунканъ сказала ему: „Не удивилесь моей навязчивости. Крайность принуждаетъ меня къ странной просьбѣ. Не знаю, почему, но не получаю я денегъ. Вѣроятно, зашерылись письма. Мнѣ надобно ѣхать въ Амстердамъ, а нѣтъмъ заплашуть даже здѣсь въ шракширь. Дорожную коляску свою продавать не хочешся. Не можете ли одолжить мнѣ сто лудировъ. Я заплачу вамъ охотно съ процентами, какъ скоро буду имѣть возможность.“

Казимиръ изумился, однако отвѣчалъ пошчасъ: „Столько нѣтъ у меня шеперь; но много, что черезъ двѣ недѣли, могу вамъ служить этою суммою.“

— „Хорошо, я подожду“ — сказала Англичанинъ: „вы меня выведете изъ самаго непріятнаго затрудненія. Я буду вамъ благодаренъ.“ Тушь Англичанинъ обнялъ его и ушелъ.

Весь разговоръ продолжался не болѣе пяти минушь. Тогда шолько вспомнилъ Морнъ, что послушалъ нѣсколько послѣшмо. Сто лудировъ составляли не менѣе, какъ четвертую часть всего его состоянія. Онъ покачалъ головою и призадумался. Правда, что у этого Англичанина было самое честное лице, и онъ ни мало не былъ по-

тожь на извѣстныхъ промышленниковъ счастіа; но все шаки спо лундоровъ сосставляли четвертую часть его состоянія, и ее отдашь займы незнакомцу — поступокъ довольно легкомысленный! — „Пусть шакъ“ думалъ Казимиръ: „онъ меня не обманеть. А если бь и по — ну! со мной въ первый разъ въ жизни встрѣчаешся вто; въ другой разъ уже не будеть.“

Когда наступила полночь, Англичанинъ опять прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ и плакалъ. „Эпошь человекъ еще несчастливѣе меня!“ думалъ Казимиръ про себя. Онъ плачеть не объ деньгахъ. Я дамъ ему деньги.“

За обѣдомъ былъ Дунканъ, хопя все не шакъ разговорчивъ, однако ласковѣе преняго. Когда онъ молчалъ, въ чертахъ лица его было что-то унылое, но мало выражающее. Когда же начиналъ говорить, лице его оживлялось; онъ становился совсѣмъ не пошь. Умъ и необыкновенная любезность пошчасъ въ немъ обнаруживались. Казимиръ почувствовалъ самую искреннюю, необыкновенную къ нему привязанность. Онъ нѣжно о немъ заботился, не смотря на продолжающуюся холодность его; выдумывалъ всѣ способы его разсвѣтать, и наконецъ удалось ему склонить его ходишь вмѣстѣ на прогулки. То-

гда сблизились сердца обожъ. Дунканъ былъ человекъ тонко-образованный, съ большими свѣдѣніями, и съ большимъ умомъ. Писанія древнихъ и новыхъ мудрецовъ, судьба и законы народовъ были любимѣйшимъ предметомъ ихъ разговоровъ. Тушь же узналъ Казимиръ, что Дунканъ оставилъ свой родимый островъ по какому-то горестному происшествію, и что онъ ѣздитъ по свѣту для разсвѣтленія себя. По вечерамъ, когда Казимиръ оканчивалъ свои занятія, Дунканъ приходилъ къ нему, приказывалъ слугамъ своимъ принести пуншу, и въ разговорахъ просиживалъ до глубокой ночи. Объ извѣстномъ займѣ не было говорено ни слова.

Казимиръ такъ нежно полюбилъ своего новаго знакомаго, что шутъ въ первый разъ позналъ цѣну дружбы. Къ Каролинѣ безпрестанно писалъ онъ только о немъ — даже возбудилъ въ ней маленькую ревность.

По полученіи денегъ, Казимиръ отнесъ ихъ къ Бришанцу. Сей написалъ расписку и при томъ адресъ дома своего въ Англіи. „Это на случай только,“ — сказалъ Дунканъ: „если я умру черезъ нѣсколько недѣль, не успѣвъ заплашить своего долга. Тогда подлиште только въ Лондонъ расписку и вошь это письмо.“ Отдавъ запечатанный пакетъ,

Дунканъ спалъ съ нѣжностію и умиленіемъ обнимать своего помощника въ нуждѣ.

Когда наступила часъ разлуки, оба почувствовали, можешь быть къ немалому ущербу каждаго, какъ шѣсно въ короткое время соединила ихъ дружба.

Разскаваясь, были молчаливы. Со слезами на глазахъ, прижали другъ друга къ сердцу и — такъ разскались.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

II.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Обозрѣніе отличнѣйшихъ сочиненій, появившихся во Франціи въ теченіе 1824 года.

Библиографическій бюджетъ или списокъ нашъ въ 1823 году, состоявшій изъ 5,898 сшашей, на 1824 годъ умножился до 6,974, коихъ примѣрное подраздѣленіе можешь подать понятіе о нашихъ потребностяхъ, вкусъ и умственныхъ произведеніяхъ.

Богословіе	300
Юриспруденція и Права, Записки	400
Воспитаніе	200

Политика, Финансы, Торговля, Поля- пическая Экономія	680
Физика, Химія, Фармацевтика	95
Естественная Исторія	110
Земледѣіе, Домашнее Хозяйство	60
Медицина и Хирургія	240
Математика, Астрономія	70
Ремесла и Изящныя Искусства	360
Землеописаніе, Путешествія	110
Древняя Исторія, священная и свѣтская	165
Новая Исторія	92
Исторія Франціи	265
Изящная Словесность, Риторика, Фило- софія, Философы, Критика и пр.	450
Поэтика и Повѣя	601
Театръ	284
Романы и Повѣсти	320
Періодическія изданія, акты ученыхъ, Общество (*), Біографія, извлеченія, Планы сочиненій, разныя списки	2,172
Итого . 6,974	

(*) Въ словесномъ отчетѣ, представленномъ Королевской Академіи Наукъ 29 Августа 1825 года, о *Всеобщемъ Бюллетенѣ Наукъ и Искусствъ*, Баронъ Карлъ Дюпенъ, поручая сіе новое собраніе благосклонности любительей Наукъ, замѣчаетъ, что въ немъ заключается разборъ 450 періодическихъ сочиненій, или Академическихъ собраній.

Третья доля сихъ статей соешонитъ изъ перепечатанныхъ отборнѣйшихъ сочиненій XVII и XVIII вѣка, и изъ переводовъ. Разсматривая прочія до порядку ихъ подраздѣленій, мы мало находимъ новыхъ сочиненій по части *Богословія*.

Хотя и возникли важныя пренія о предѣлахъ власшей духовной и свѣтской, но досель они появлялись въ свѣтъ въ однихъ только Журналахъ, или подобныхъ имъ мелкихъ сочиненіяхъ. Одно только твореніе, входящее подъ разрядъ Богословія, обратило на себя нѣкоторое вниманіе, и именно сочиненіе Бенжамена-Констана, подъ заглавіемъ : *О Религіи, разсматриваемой въ ея источникахъ, образахъ и развитіи*. (Часть I. Май).

„Занимательно,“ присовокуцляетъ онъ : „знать число сихъ твореній, изданныхъ въ свѣтъ каждымъ народомъ ; это родъ масштаба, коимъ можно измѣришь степень дѣятельности, съ каковою различные народы занимаются Науками и Художествами.“

Франція, Парижъ, 59. Департаменты, 24. Всего 85. — Англія, 69. — Саксонія, 34. — Пруссія, 36. — Данія, 29. — Италія, 30. — Нидерланды, 23. — Сѣверная Америка, 20. — Австрія, 20. — Россія, 20. — Виршембергія, Бадень и Франкфуртъ, 14. — Швеція, 13. — Баварія, 11. — Швейцарія, со включеніемъ Женевы, 8. — Гамбургъ, Ганноверъ, Гессенъ, 8. — Азія (Индія), 6. — Испанія, 2.

Метафизика. Должно отдать справедливость нашему вкусу, чего бы ни говорили клеветники его, чего бы ни дѣлали многіе писатели, желая льстить или покровительствовать выгодамъ или спраснямъ партий: никогда Науки не были въ такомъ уваженіи, никогда съ большимъ постоянствомъ не были направляемы къ истинной цѣли своей, къ усовершенію рода человѣческаго и къ улучшенію его участи. Ученые наши менѣе занимаются созданіемъ или защищеніемъ щещныхъ системъ, нежели изысканіемъ того, что Наука заключаетъ въ себѣ истинно полезнаго для обществія. Метафизическія познанія также уважаемы въ наши времена. Составился между спиритуализмомъ Платона и Декарта, и материализмомъ, выводимымъ, какъ кажется, изъ системы Локка и Кондильяка, посредствомъ употребленныхъ средствъ, родъ эклекцизма или смѣшанной Философіи, коего систему Г. де ла Роминьеръ ясно изложилъ въ своемъ Философическомъ курсѣ. Вообще ревностно ищскываемы были свѣды источниковъ умственныхъ и нравственныхъ нашихъ способностей, равно какъ и нашего физическаго образованія.

Врачебная Наука обогатилась многими изслѣдованіями и новыми наблюденіями Гг.

Жоэруа-Сенш-Илера, Флурана, Аделона, Мажанди, Галлена, Марокешши и пр. касательно Физиологии мозга и нервной системы. Происходили пренія о леченіи водобоязни, о природѣ холеры-морбусъ и желшой лихорадки. Вопросъ, сущъ ли оиѣ болязни прилипчивыя, остался нерѣшеннымъ, не смотря на подробное изложеніе обонхъ противныхъ мнѣній; но между шѣмъ, какъ въ высшихъ частяхъ Науки, спаралсъ такимъ образомъ побѣдишь предрасудки, между шѣмъ, какъ враги искали новыхъ путей и средствъ — благодѣяніе Дженнера, прививаніе оспы, нечувствительнаго перядо уваженіе свое въ низшихъ классахъ народа: съ шодикимъ шрудомъ могутъ укоренишь полезнѣйшя для человечества истины!

Нравственныя и Политическія Науки.
 Къ числу нравственныхъ Писателей во Франціи присоединилась нынѣ еще женщина, Госпожа Ремюза, копорой швореніе, изданное подѣ заглавіемъ: *Опытъ о воспитаніи женщины*, заслуживаетъ бышь пошлавленнымъ на раду съ сочиненіемъ Г-жи Кампанъ; оно наполнено замысловапыми замѣчаніями, въ коихъ числѣйшая нравственность украшена прелестью слога, въ коихъ предшавлены всѣ добродѣтели пола, коего Сочинительница была однимъ изъ совершек.

нѣйшихъ образцовъ... Другое сочиненіе, судя по заглавію (*Объ употребленіи времени*) и имени Азшора (Графини Жанаксь) должно было бы не менѣе быть полезнымъ; но оно не содержитъ въ себѣ того, что заглавіе и имя сіе обѣщаютъ. Находясь, что все сочиненіе сіе есть одна только безконечная тяжба противу вкуса, коего изобрѣшеніа, опкрытія, Литература и Философія въ ономъ жестокѣ окришированы.

Пустыяники на свободу, соч. Гр. Жум и Же, продолженіе *Пустыяничковъ въ темницѣ*, *Шоссе д'Антенкокаго Пустыяника* и пр., картина нравовъ, написанная двумя различными живописцами, но въ одномъ философскомъ и насмѣшливомъ духѣ. Одинъ изъ двухъ пустыяничковъ (Г. Же) безпокоенъ, колодезь, ничѣмъ недоволенъ; другой (Г. Жум), „будучи увѣренъ, что наступаетъ вѣкъ разума,“ снисходительнѣе, ожидаетъ всего отъ ума и нравственнаго юностива, и не опечалывается въ будущемъ. Въ отношеніи къ политическимъ мнѣніямъ, Критика наша для себя въ семъ сочиненіи довольно занята; въ отношеніи къ правиламъ Совественности и слогамъ, она могла лишь хватить оное.

Множество мелкихъ и случайныхъ сочиненій выходила въ свѣтъ, большею частію, не бывъ замѣченными. Каждый поллитическій

или финансовый вопрос, предложенный в Законодательной Палате, каждая мѣра, предпринятая Правительствомъ, были предшесвуемы, сопровождаемы или послѣдуемы нѣсколькими сочиненіями, въ коихъ разсуждали иногда съ дарованіемъ, чаще же всего ни мало не поясняя предмета. Въ семъ полемическомъ наводненіи, общесивенное мнѣніе ошлчило слѣдующія сочиненія:

Европа и Америка въ 1822 и 1823 г. 2 части въ 8, сочиненіе Г. Прадша, въ коемъ Авторъ излагаетъ понятія свои о потребностяхъ и духъ нынѣшняго вѣка; о состояніи Американскихъ областей и о паденіи колониальной системы.

Франція, Эмиграція и Колонія (2 части, въ 8, Декабрь), также сочиненіе Г. Прадша. Новый предметъ, разсматриваемый въ отношеніи къ Государственному и Гражданскому праву. Сочинитель почитаетъ эмиграцію возмущеніемъ, конжакацію правомъ войны, а вознагражденіе, объявленное въ пользу эмигрантовъ, благосклонностію неслуженною, противною законамъ и пагубною какъ для полицики, такъ и для финансовъ. (Чего не напишуть люди, чтобы ошлчились!)

О Французской Монархіи, 1 Января 1824 года, соч. Графа Монлозье; слѣдствіе

феодалной теоріи сего Автора, оспроумно и основательно изложенное, но приспособленію коего происвивающа нынѣшній вѣкъ и нравы.

Возобновленіе Политической Науки или Теорія естественно-общественнаго состоянія въ противоположности съ вымысломъ искусственнаго гражданскаго состоянія, сочиненіе Карла Лудовика Галлера (ч. 1), съ небольшими измѣненіями повворяющее ученія Графа Месюра и Виконша Бональда.

Трактатъ о законности, разсматриваемой какъ основаніе народнаго права Христіанской Европы, соч. Мальшебруна; заглавіе довольно ясно показываетъ предметъ Автора.

Министерство и Франція, соч. Г. Сальванди, написанное противъ системы и дѣйствій нынѣшняго Министерства въ дѣлахъ внутреннихъ и внешнихъ.

Взглядъ на Испанію, соч. Г. Дювержье д'Оранна. Распространеніе мѣзкій, которыя Авторъ (бывшій Депутатомъ) уже прежде обнаружилъ въ Законодательной Палатѣ о походѣ въ Испанію и сиспешъ, по копіи дѣйствовади въ оной. Онъ хвалитъ военную часть похода, и осуждаетъ политическую.

Письма къ одному Перу Франціи, соч. Викенца Шапобріана, письма, кошорыя, по видимому, имѣють предметомъ одно лишь дѣло о вознагражденіяхъ, обѣщанныхъ эмигрантамъ, но въ самомъ дѣлѣ нападають на всю систему нынѣшняго Минисперства. Одно имя знаменнѣшаго Автора могло бы уже доставить благосклонный пріемъ самымъ мелкимъ произведеніямъ его; но званіе, кошорое онъ недавно оставилъ, даетъ сему сочиненію мѣсто между историческими документами нынѣшняго времени. Нѣкошорымъ казалось, что Министру, Перу Франціи не прилично спавовишься на ряду съ Сочиншителями памфлетшвъ; по мнѣнію другихъ, это извинштельно, и даже хорошо. Non omnia om nibus.

Что бы ни было сказано и чего бы ни говорили ежедневно о удивштельномъ множествѣ мелкихъ политическихъ сочиненій, это зло, если оно есть зло, исцѣляется само собою. Сочиншитель, ненаходящій читателей, переставшть пишашь, а одно полезное сочиненіе можешь извиншть еще безполезнымъ. Число ихъ кажешь великимъ въ библиографическомъ листѣ, но оно мало въ сравненіи съ числомъ книгъ Франціи.

Хозяйственная Наука, одна изъ вѣщвей, а можешь бышь и главная отрасль По-

литической Науки, составляет предметъ, коимъ занимающся ежедневно съ большею ревностію. Съ большимъ порядкомъ наблюдають еще малоизвѣстныя пружины общественнаго движенія, источникъ и употребленіе богатствъ, слѣдствія трудовъ чело- вѣка и искусственныхъ способовъ, употребле- мыхъ для умноженія его произведеній, вліяніе системъ свободы или ограниченія торговли на богатство и общее благоден- ствіе націй. Почти во всѣхъ образованныхъ Государствахъ составились общества, ко- ихъ труды клонящся къ одной общей цѣли. Вышли въ свѣтъ ученые диссертаціи Гг. Сисмонди и Ж. Б. Сея, о сравненіи произве- деній съ употребленіемъ оныхъ. Точнѣйшія статистическія свѣдѣнія были собраны въ Англии, Германіи, Италіи и Россіи. Но изъ всѣхъ Писателей, занимавшихся сими предпешами, преимущественно заслужива- ютъ быть упомянуты Карлъ Дюпонъ, Членъ Академіи Наукъ, и Шаброль, Префектъ Сен- скаго Департаментна.

Первый изъ нихъ съ благороднѣйшею ревностію продолжалъ предпріятое имъ об- ширное твореніе (*Путешествія по Велико- британніи*), дабы познакомить насъ, для упо- требленія въ собственную пользу нашу, съ тайнами торговаго и морскаго могущества

Англія. Мы обогатили бы сочиненіе наше сими отрывками, если бы нашли возможность дать имъ проспранспво и мѣсто, ими пребуемое; изъ нихъ увидѣли бы пользу и удивительные успѣхи, происходящіе изъ приспособленія Наукъ къ промышленнымъ искусствамъ, къ человѣческому труду, къ обыкновеннымъ потребностямъ жизни. Г. К. Дюценъ научился у сосѣдей нашихъ всему, что можешь возбудить соревнованіе въ его ошечствѣ. Въ 1 главѣ 4 книги, гдѣ онъ объясняетъ общую систему внутренняго судоходства Англіи, извлекаетъ онъ изъ нея замѣчанія весьма не деспныя для національнаго нашего *тщеславія*.

„Въ Англіи,“ говоритъ онъ: „часть, занятая каналами, превосходитъ часть твердой земли; во Франціи она не составляетъ и пятой части земной поверхности. На равномъ проспранспвѣ земли, занятой каналами, во Франціи шрое менѣ оныхъ, чѣмъ въ Англіи, такъ, что, сравнивъ всю Францію со всею Англіею, соразмѣрно съ проспранспвомъ обонхъ Государствъ, у насъ нѣтъ даже и двадцатой части каналовъ, обладаемыхъ нашею соперницею.

„Въ Англіи, подѣ небомъ не столь яснымъ, въ климатѣ не столь благопворномъ, на почвѣ не столь плодородной, земля, на

квадратномъ мѣрѣи, пишеть, среднимъ числомъ, 8,107 жителей; а Франція на такомъ же пространствѣ, пишеть только 5,680! На части, занимаемой столь многими каналами, число жителей, на квадратномъ мѣрѣи, просиращеться до 10,814; во Франціи, на земли покрытой каналами, число ихъ просиращеться только до 7,221: истинны, изъ коихъ числитель выведеть необходимость усовершенствовати общую систему внутренняго судоходства нашего, какъ естественнаго, такъ и искусственнаго.“

И такъ, продолжая разборъ общепользительныхъ прудовъ, предпринимаемыхъ и болѣею частію совершаемыхъ въ Англіи частными обществами, памятниковъ, въ сравненіи съ коими наши кажутся лишь скудными произведеніями, Г. Карль Дюпенъ выводить изъ сихъ наблюденій и пріобрѣтенныхъ имъ познаній наставленія, котораго, безъ сомнѣнія, не останутся безъ пользы для его отечества. Вотъ превосходнѣйшее употребленіе науки!

Мы упоминали уже объ испанскомъ предпріятіи, провели подземный каналъ подъ Темзою, и о приспособленіи паровыхъ машинъ къ огнесильнымъ орудіямъ, изобрѣтеніи Перкинса, которое произвело бы ве-

*

лякую переменну въ искусствѣ защитанія
кровоности и въ самомъ мореходствѣ. Другой
Англичанинъ (Г. Джонсонъ) сдѣлалъ нѣсколь-
ко опытовъ подводнаго плаванія. Увѣряютъ,
что онъ получилъ значительную сумму ошъ.
Правительсва, съ нѣмъ, чтобы онъ не
проспиралъ сихъ опытовъ далѣе.

Надлежитъ упомянуть о Префектѣ Сен-
скаго Департаментша (Графъ Шаброль-де-
Вольвикъ), коего *статистическія изслѣдо-
ванія*, касающаго сего Департаментша, воз-
будили живѣйшее любопытство Ученыхъ, и
кошорый въ семь году снова показалъ при-
мѣръ, какое добро искусный чловникъ мо-
жеть произвести въ кругу своего вѣдом-
ства. Онъ издалъ *Статистику провинци
Савонской, Онеильской, Аквйской и частк
провинци Мондовиской, составляющихъ
прежній Монтептскій Департаментъ*
(2 части въ 4. Парижъ, 1824.)

Г. Шаброль, воспитанникъ Политехни-
ческой школы, находилса въ Египетскомъ
походѣ, и юный льшамн, былъ уже силенъ
въ познаніяхъ, богатъ зрѣлою опытностію,
когда ему поручено было управленіе Монте-
птскимъ Департаментомъ: трудъ, совер-
шенный имъ въ ономъ, можеть послужить
образцемъ для всѣхъ сего рода сочиненій.

Топографическое описаніе страны, метеорологическія наблюденія, особенное описаніе уздовъ, карпина народонаселенія въ отношеніи къ полу, сословію и различнымъ классамъ людей, занятія сего народа, богатства, нравы, обычаи, исторія страны, улучшенія, учиненныя, или имѣющія бытъ сдѣланными (улучшенія, къ коимъ наипаче причислить должно проектъ судоходнаго канала между Адриатическимъ и Средиземнымъ морями сквозь Аппенинскія горы), все сіе Сочинитель объемлетъ, и на самыя сухіе предметы изливаетъ занимательность, поддерживаемую всегда испицинымъ выраженіемъ слога, приуровненнаго къ предметамъ, имъ описываемымъ.

Путешествія. По нѣкоторымъ отношеніямъ, можно включить въ число творений по части Наукъ, Хозяйства или Статистики, описаніе путешествій. Но Французы рѣдко путешествуютъ, и въ семь родъ богаты одними только богатствами своихъ сосѣдей. Между тѣмъ, должно отдать первое мѣсто путешествію около свѣща Капитана Лудовика Фрейсине, коего первыя іедриды напечатаны въ семь году въ Королевской типографіи, съ роскошью въ писаніи и гравировкѣ, достойною творенія и Ко-

роленскаго заведенія, коему поручено изданіе онаго (*).

Въ 1817 году, Король поручилъ корабельному Капитану Лудовику Фрейсине начальство надъ экспедиціею около свѣша, коей главною цѣлію было опредѣленіе вида земли въ южномъ полушаріи и свойствъ земнаго магнетизма. Академія Наукъ предложила при семъ случаѣ нѣсколько метеорологическихкихъ вопросовъ, также весьма достойными вниманія.

Снабженный инструкціями, коими ему надлежало руководствоваться въ штурдахъ своихъ, и кои должны были сообщитъ ему свѣдѣнія и опытность, и нѣмъ способствовать успѣхамъ Наукъ во время его плаванія, Г. Фрейсине отправился изъ Тулона 17 Сентября 1817 года на корветшѣ *Ураніи*.

Посѣдивъ Гибралтарскую и Санта-Крусскую гавани, онъ прибылъ въ Ріо-Жанейро. Тамъ сдѣлавъ онъ множество магнетиче-

(*) *Путешествіе около свѣта*, предпринятое по Королевскому повелѣнію, въ печеніе 1817, 1818, 1819 и 1820 годовъ, на корветшахъ Е. В., *Ураніи* и *Физісіеннѣ*, подъ начальствомъ Г. Лудовика Фрейсине, и пр. Восемь частей въ 4, съ присовокупленіемъ 4 атласовъ, состоящихъ изъ 348 листовъ, нарисованныхъ и выгравированныхъ лучшими Художниками, изъ коихъ 117 расбращены.

скихъ наблюдений и опышовъ надъ маешникомъ. Еспешивое спышашели собрали множество промзведеній изъ шрехъ царшвъ природы. Изъ Рио-Жанейро направили путь къ Иль-де-Франсу, кошорый оставили 16 Июли и присшавъ, на нѣсколько времени къ Бурбону, пустились къ Тюленьему заливу, въ коемъ свали на якорь 12 Сентября. Тамъ Капитанъ посшавилъ два куба, одинъ на палубѣ, другой на землѣ, дабы перегонкою добыть прѣсную воду изъ морской. Экипажъ, состоявшій изъ 120 человекъ, въ шеченіе мѣсяца пилъ одну перегнанную воду; никто не жаловался на шо и не чувшвовалъ никакихъ неудобствъ. За Капитанскимъ ешоломъ подавали оную при мѣсяца сряду, безъ малѣйшихъ другихъ послѣдствій и даже послѣ шого, Г. Фрейсине предпочиншалъ перегнанную морскую воду добытой на землѣ,

Изъ Тюленьяго залива опправились къ ошрову Тимору, кошораго Капитанъ Фрейсине не нашелъ уже въ томъ цвѣшущемъ состояніи, въ кошоромъ видѣлъ его во время пушешествія Бодена въ южныя страны. Онъ былъ принужденъ удалиться изъ онаго, по причинѣ чрезмѣрныхъ жаровъ (сшоградусный термометръ показывалъ на солнцѣ и на свободномъ воздухѣ 45, а въ шѣни 34 градуса), и болѣзней, угрожавшихъ экипажу.

Посѣдивъ островъ Равакъ и нѣсколько другихъ, неозначенныхъ на картахъ, острова Адмиралтейства, проѣхавъ сподъ мало извѣстный Каролинскій Архипелагъ, *Урнія* достигла Маріанскихъ острововъ, на коихъ Г. Фрейсине собралъ драгоценныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи страны, о нравахъ древнихъ Маріанскихъ народовъ, о языкѣ, законахъ и странномъ правденіи ихъ, въ коемъ женщины играли важную роль.

Съ острова Гвама экспедиція отправадась къ Сандвичевымъ островамъ, и спала на якорь въ заливъ Каа-Кауа, на островѣ Овайги 8 Мая 1819 года. Тамъ нѣкогда было главное мѣстопробываніе Тасеамен, Короля сихъ острововъ, который тогда умеръ. Сынъ и наследникъ его (который скончался въ Лондонѣ въ 1824 году), жившій тогда съ дворомъ своимъ въ Кохай-хай, пріѣхалъ на кораблицу *Уранію* съ женами и многочисленною свитою, по случаю крещенія одного изъ главнѣйшихъ начальниковъ острова духовникомъ экспедиціи, Аббапомъ Келеномъ. Церемонія была блистательна.

Потомъ *Уранія* отправадась къ Портъ-Джаксону, куда она прибыла 18 Ноября 1819 года, и отсюда, проѣхавъ между островами земли Фанъ-Димена и Новою Зеландією, достигла береговъ Огненной земли, а потомъ

дыса Добраго Успѣха въ Лемановомъ проливѣ, гдѣ она претерпѣла двѣ ужасныя бури. Спасшись отъ крушенія въ первую, она сдѣлалась жертвою второй, 15 Февраля 1820 года; послѣ ужасной борьбы, въ кошорую, не смотря на всѣ усилія, весь экипажъ едва не былъ поглощенъ волнами, успѣли поставить корветшу на мель въ заливѣ Малуинскихъ острововъ и приведши въ безопасность плоды путешествія.

Уже готовились построить новое судно изъ обломковъ *Ураніи*, какъ Американскій корабль случайно зашелъ въ заливъ. Капитанъ Фрейсине купилъ его и, давъ ему имя *Физисіенъ*, отправилъ съ экипажемъ и собраніями своими, подъ собственнымъ своимъ флагомъ, въ Моцтевидео, а потомъ въ Ріо-Жанейро. Тамъ занятія, касающіяся до Наукъ, предпріяты были съ новымъ рвеніемъ и способствовали къ приобрѣтенію новыхъ богатствъ. Оставивъ Ріо-Жанейро, корветша *Физисіенъ* возвратилась во Францію, и 13 Ноября 1820 года, высадила въ Гаврской гавани экипажъ, находившійся въ отсутствіи 3 года и почти 2 мѣсяца.

(Окончаніе впрѣдъ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОВЪ АРМІИ МЕГМЕДА-АЛИ ПАШИ ЕГИПЕТСКАГО.

Соч. Гюберта Ловерна (*).

(Продолженіе.)

По тому, что я до сихъ поръ говорилъ о полкинкѣ Паши Египетскаго, можно судить о семъ человекѣ, коего достоинства нѣкошорые путешественники чрезвычайно преувеличили, представивъ его въ глазахъ Европы новымъ законодателемъ, другомъ Наукъ и людей, кошорому небо предонредѣяло возродить просвѣщеніе въ нѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ оно пріяло свое начало. Храбрость въ сраженіяхъ есть единственная его добродѣтель.

(*) Со времени напечатанія начала сшати сей, Г. Ловернь издалъ *Воспомнанія о Греціи, или Историческія и біографическія Записки о Ибрагимѣ, его войскѣ, Хуршидѣ, Севѣ, Маркѣ* и проч. Мы извлекли изъ сей книги нѣкошорыя подробности, и присоединили ихъ къ нѣмъ, кошорыя прежде досшавилъ намъ самъ Сочинитель. *Пр. Фр. Изд.*

Невозможно выразишь снелени нищеты, въ кошорой народъ живеть въ спранъ сей. Вирочемъ эшо не удивить шѣхъ, кому извѣстно, что корабли всѣхъ націй прѣзжають въ Египеть шолько за шѣмъ, чтобы класъть огромныя суммы въ сундуки Мегмеда и получать произведенія памошней почвы, принадлежащія одному ему. Исключая дома нѣсколькихъ Турецкихъ и Европейскихъ купцевъ, вездѣ видны шолько нищета и бѣдность. Кажеться, шеперь вижу я многочисленныя хижины, развалившіяся и нечистыя, находящіяся въ крайнихъ частяхъ Александрии, гдѣ шомашся и умирають несчастныя Арабы. Иностранецъ, пораженный сею ужасною бѣдностью, съ шрудомъ превозмогаемъ опасеніе заразы, и съ горестію полагаемъ приношеніе свое за десятъ шаговъ оцъ обшелаи несчащія. Въ Египеть всякій, кто не имѣеть какой нибудь промышленности, кошорую бы Паша могъ употребить въ свою пользу, осужденъ на сосшояніе нарія. Безчисленныя сокровища, собираемыя Мегмедомъ посредшвомъ шорговли, подають ему возможность содержать войско, строить укрѣвленія, окружаныя себя учеными людьми, кошорые соглаешся служашъ ему и обращашъ Египеть въ колыбель раздающагося просвѣщенія. Всѣ его поддан-

ные могутъ располагать прудами рукъ своихъ только до тѣхъ поръ, когда произведенія ихъ достигнутъ нѣкотораго совершенства; они могутъ дѣлать опыты, садить, заводятъ фабрики и проч.; но когда польза прудовъ ихъ сдѣлается очевидною, они должны уведомить объ этомъ Пану, который покупаетъ повары ихъ по цѣнѣ, имъ самимъ назначенной. Жена рай, сопкаявъ себя платье, обязана продать его Мегмеду, и пошомъ, если хочеть, можетъ купить въ его магазинахъ, по цѣнѣ произвольной, шкань, ея руками произведенную.

Сынъ его Ибрагимъ, Генералиссимусъ армій, росшомъ малъ, физиономію имѣеть веселую, безъ малѣйшаго признака жестокости; онъ ласковъ, предупредителенъ и не сколько не имѣеть надменной важности ревностнаго Мусульманина. Онъ очень любитъ Европейское обхожденіе, и такъ хорошо ему подражаетъ, что кажешся, тщательнѣе его изучиваетъ. Онъ также мало свѣдущъ, какъ и отецъ его, и всегда былъ отдаваемъ отъ занятія Науками несчастною склонностію къ женщинамъ. Смертоубійства, задѣлавшія первые годы его возмужадости, должно приписатьъ именно ревности и желанію достать тѣхъ женъ, которыхъ добродѣтель отъ него удаляла. Ибрагимъ вспыльчивъ,

неперпѣливъ ; любить , чтобы ему повиновались съ быспрошою молніи . Онъ показываешь большую довѣренность къ Европейцамъ , находящимся въ Турецкой службѣ , и клялся вести себя въ Моревъ по совѣтамъ , которыхъ въ правѣ ожидать отъ ихъ опытности . Духъ великодушія и пріязненія , ознаменовавшій первые шаги его въ Греціи , былъ сдѣлованъ мнѣнію его , что Эллина ; упомянутые безплоднымъ сопрошивленіемъ ; повѣрялъ обманамъ и предавался милосердію Турка , окруженнаго людьми , имѣющими отвращеніе отъ смертѣубійствъ и пожаровъ . Отъ развратнаго поведенія въ молодости , Ибрагимъ получилъ нервическую болѣзнь , которой припадки , сопровождаемые конвульсіями и неистовыми криками , возбуждаются малѣйшею неприятностію . Въ этомъ состояніи гошовъ онъ на ужаснѣйшія пресшудленія , и проливаетъ кровь человѣческую съ варварскимъ наслажденіемъ ! Не трудно было предвидѣть , какимъ образомъ человекъ съ такимъ расположеніемъ будешь вести себя въ несчастной Моревъ , которую онъ опустошилъ огнемъ и мечемъ .

Хуршидъ-Бей , первый Генераль Ибрагима , сынъ Черкашенки ; красота лица и всего тѣла соотвѣстствуетъ его происхожденію .

Въ молодости игралъ онъ глусную ролю при Дворѣ Мегмеда; послѣ былъ въ числѣ его Мамелюковъ и ошачился въ войнѣ Меккской; онъ былъ намъ раненъ въ руку, и такимъ образомъ приобрѣлъ права на признашельность своего Государя. Принявъ намъреніе образоватъ войско по образцу Европейскаго, Мегмедъ не забылъ юнаго своего любимца, и въ доказательство довѣренности своей, далъ ему одно изъ вѣнчійскихъ въ арміи мѣстъ. Хуршидъ ни сколько не образованъ; онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о воинской дисциплинѣ, ни объ ученѣ солдатъ. *Бекиръ-Ага*, иначе Г. Мари, Корсиканецъ, бывший Французскій офицеръ и не заколѣвшій опречья отъ своей Религии, учинилъ его корпусъ, и своими познаніями даетъ Хуршиду возможность оправдать довѣренность Паши.

Севъ, вѣпорой начальникъ Арабской арміи. Вошъ исторія его жизни, какъ онъ самъ мнѣ ее рассказывалъ. „Я,“ говорилъ онъ мнѣ: „сынъ Мюнскаго мельника. Осмнадцати лѣтъ увидѣлъ я, что отецъ мой едва можешь пропитать себя, почему я отправился изъ нашего города и записался во вѣпорой полкъ морской артиллеріи въ Тулонъ. Я выбралъ корпусъ сей, совсѣмъ не знавши его, и послѣ раскаялся въ своей опро-

менчивости. Производство въ немъ было очень пуго; я долго бы оставался солдатомъ; товарищи мои, прослужавши осьмнадцать лѣтъ, только что Капшаны. Меня сдѣлали фурьеромъ, но я въ добрый часъ пустился въ путь и убѣжалъ въ Италію; тамъ прибѣгнулъ я къ покровительству одного Генерала, который зналъ наше семейство; онъ принялъ меня въ службу, и заспавилъ уничтожить приговоръ, которымъ осудили меня за побѣгъ. Меня постепенно повышали, и во время паденія Наполеона, я былъ эскадроннымъ командиромъ и имѣлъ нѣсколько орденовъ. Тогда меня опсспавили и дали мнѣ половинное жалованье; я прѣехалъ въ Парижъ просить мѣста. Привыкнувъ въ послѣднее время къ изобилію, я надѣлалъ долговъ, чтобы вести мою обыкновенную жизнь, и чтобы содержать отца и мать. Они еще живы, и получая отъ меня двѣ тысячи франковъ пенсіона, наслаждающіяся нѣкопорымъ довольствомъ.

„Въ 1815 году, встрѣтилъ я Бонапарта, когда онъ возвращался въ Парижъ съ Эльбы. Я пошчасъ вснунилъ къ нему въ службу и посланъ былъ въ Тулонъ, поднявъ тамъ новое знамя. Тушъ встрѣтилъ я прежнихъ своихъ товарищей, которые, удивляясь моему повышенію, просили моего покровитель-

ства. Потомъ возвратился въ Парижъ, произведенъ былъ въ Подполковники и сдѣлавъ Адъютантомъ Маршала Груши. Я былъ свидѣтелемъ битвы Ваперлооской, паденія человека необычайнаго и несчастныхъ происшествій, ознаменовавшихъ сію роковую эпоху нашихъ льпописей. Въ дѣлѣ Нея на меня возложили важную роль, но я не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Не ожидая болѣе ничего отъ Франціи и спрашась Уголовнаго Суда, котораго приговоръ угадашь было не трудно, я уѣхалъ изъ столицы въ Марсель, а оттуда отправился въ Александрію.

„По пріѣздѣ въ Египетъ, все мое богатство состояло изъ поношенное черное платье, двадцать семь франковъ и надежда: Я изобразилъ бѣдность мою Г***, который сказалъ обо мнѣ Паша; онъ призвалъ меня къ себѣ и потребовалъ отъ меня доказательствъ чина, который имѣлъ я во Французской арміи. „Я не имѣю въ тебѣ нужды, сказалъ мнѣ Мегемедъ, но ты несчастливъ, и я долженъ обходиться съ тобою, какъ съ жертвою злополучія. Остаешься въ Александріи, я удовлетворю всѣмъ твоимъ нуждамъ. Можешь быть, придетъ время, когда мнѣ можно будетъ поправить твое положеніе.“ Десныя слова сіи не сдѣлали бы на меня никакого впечатлѣнія, если

бы ихъ говорилъ человекъ придворный, но я заранѣе зналъ, что Турки не щедры на общанія, и что они сохраняють принятыя ими обязательства. На другой день послѣ сего свиданія, узналъ я, что Паша назначилъ мнѣ на содержаніе по двадцати семи піаспровъ въ день, и я даже получилъ приказъ его казначею выдать мнѣ деньги за мѣсяцъ впередъ. Я жилъ въ Александріи въ совершенномъ ничтожествѣ. Французскій Консуль, человекъ превосходнаго характера и неиспоимой доброшы, всячески ушѣшала меня. Я въ этомъ имѣлъ большую нужду: оставивъ навсегда Францію, нельзя безъ горькихъ слезъ воспоминашь о ней. Новый покровитель мой пользовался полною довѣренностію Пашы Египетскаго и, можетъ быть, его покровительству обязанъ я тѣмъ, что былъ нѣсколько разъ допущенъ къ Мегмеду, чтобы изложить ему мои нужды и получить что нибудь, что бы могло улучшить участь изгнанника. Но надобно было чѣмъ нибудь заняться, и я просилъ Пашу, чтобы онъ упощребилъ меня на службу. Онъ нѣсколько времени не отвѣчалъ мнѣ; наконецъ однажды прислалъ за мною и спросилъ меня, понимаю ли я что нибудь въ разработкѣ каменнаго угля, которъй, какъ ему сказывали, находится въ окрестностяхъ Мекки.

Я отвѣчалъ отрицательно, не открывая однако же совершеннаго моего невѣжества; онъ ударилъ меня по плечу и сказалъ, смѣясь, что Европейцы знаютъ все, и что онъ не сомнѣвается въ моихъ дарованіяхъ. Онъ предписалъ мнѣ только имѣть строгій надзоръ за работниками; потомъ прибавилъ, что я долженъ скрыпно присматривать за однимъ Беємъ, кошораго онъ мнѣ назвалъ, и котораго сношенія съ Портою казались ему подозрительными. Я отправился, осыпанный его благодѣяніями, и чрезъ нѣсколько дней пуши прибылъ на мѣсто моего назначенія. Добыча угля была вздоръ; негодные Неаполитанцы представили Мегмеду важность такого сокровища въ его Государствѣ, и онъ сдѣлалъ большія издержки, которыя не принесли никакой пользы. Я уведомилъ Пашу объ ошибкѣ мнимыхъ ученыхъ нашихъ; онъ только посмѣялся надъ этимъ, но снова приказалъ мнѣ остаться для присмотра.

„Тогда узналъ я истинную причину беспокойствъ Паша: какъ непокорный подданный, онъ подвергся опалѣ Султана и даже оштрафилъ силою роковой шнурокъ, приеланный для того, чтобы удавить его. Но среди своего могущества, онъ долженъ былъ спрашивать тайныхъ посланныхъ изъ Константинополя, а тѣ, кошорые жили въ

Египтяне только по нуждѣ, ради были уступать главѣ Имперіи, жадясь оиъ того большихъ выгодъ. Между тѣмъ, какъ я старался охранить Мегмеду оиъ козней враговъ его я узналъ, что противъ меня самого сдѣланы были ужасный заговоры: меня собирались убить; я безспрашно встрѣпнулъ опасностей, я пошелъ въ армию къ царю, вызвавъ коварнаго Бей на дуэль; угроза моя шакъ испугала его, что оиъ самъ рѣшился ухватить изъ Египта, не надѣясь уже исполнить своего намеренія. Мегмедъ былъ такимъ очетъ доволенъ оиъ опоздалъ меня оиъ моего шества, и я нѣсколько времени оиъ оспаваясь въ бездѣйствіи. Возстаніе Грековъ обратило на себя взоры всѣхъ Государей. Пана Енципелскій, коварнаго поліпическіе виды, совершенно оиъ видоу Визавійскихъ Турокъ, не раздѣлая слѣднаго негодованія Турецкихъ Министровъ, которые въ башенствѣ своемъ кричали о совершенномъ испребленіи Грековъ, не подумавъ о томъ, что шакое ищеніе будетъ не безъ опасности для шѣхъ, которые вздумаютъ исполнить его. Между тѣмъ, какъ Порша шенючала всѣ свои способности, Мегмедъ ослаблялъ свои отношенія съ шенрополіемъ и безмолвно притомлялся къ защите; тогда рѣшился оиъ исполнить давнишнее намереніе свое, создать армию и

образовашь ее по примѣру шой, компаніи, на казахъ его, производила на Восшекъ столь вѣдкія дѣла.

„Сначала образовалъ я баталіонъ изъ Арабовъ, вольно опредѣлившіхся; успѣхъ оспившествовалъ моему ожиданію, и когда чрезъ два мѣсяца послѣ шего, Мегмедъ вздумала посмошрѣшь моихъ новобранцевъ, шо былъ восхищенъ новыми образоиъ сраженія и велѣлъ мнѣ предсавить ему счашъ издержекъ, нужныхъ для сформированія двухъ полковъ. Оружіе и одежду шолпчасть потребовади ошъ Марсельскихъ поставщиковаъ; шо и другое скоро было доставлено, и Паша въ первый разъ въ жизни увидѣлъ работъ своихъ, вооруженныхъ для сохраненія спокойствія ихъ владѣнія. Но я бралъ только учителей людей сихъ, а надобны были начальники, чтобы командовашъ ими и поддерживать раздающуюся дисциплину. Законы Восшека не позволяють Христіанину повѣдывашъ Мусульманами, и пошому въ шогдашнемъ моемъ состояніи, я никакъ не могъ возвыситься. Паша Египетскій опировашио мнѣ въ шомъ признася, и предсавилъ на мой выборъ, или ошказашъ ошъ моей религіи, и шогда ошъ сдѣлаешъ меня Беемъ, или оспавишиъ Христіаниномъ, сохранитъ шолько нишло перваго учителя арміи, шиншо

дочешное, но которое не дало бы мнѣ ни малѣйшей военной власти. Я поспребовавъ времени на размышленіе и почти уже рѣшился отказатьсь омиъ великой милости, какъ одна почтенная (?) особа поспребала швердосць моего намѣренія. „Франція васъ отшвергнула,“ сказала она мнѣ: „вы не можете уже льшмись надеждою шуда возвратиться, а Король Египетскій васъ принимаетъ къ себѣ; повѣрьте мнѣ, новое отшечество — сшрана млодоносная и покровищель — могущестшвенный государь, лучше всего шого, чего вы льшились.“ Черезъ нѣсколько дней послѣ шого, Мегмедъ спросиль меня, пригошвилъ ли я ему отшвѣтъ, и потомъ продолжалъ: „знаю, что шедя мучишь перемиѣна Религій; если бы я могъ избавишь шедя отъ нее, то сдѣлалъ бы шо съ охотою, но я не могу нарушишь предписанія, отшъ котораго, по словамъ Пророка (*), зависишь сущестшвованіе нашей Имперіи; и если бы мнѣ случилось случишь Французскому Королю, то я бы шопчасъ отшрекса отъ Магомеша и принялъ Религію новаго моего отшечества(**); случай доспавиль

(*) То естъ Лжепророка Магомеша.

(**) Если бы въ семь случаевъ отшреченіе отъ Магомеша было чистшосердечно: шдъ перемиѣна сія была бы весьма отшпачна отшъ шой, на которою по гнуснымъ видамъ борышши и влашполюбія согласился Севъ.

тебѣ въ Египтѣ новое опеченство и друзей, долгъ и благодарностъ заставляють тебя принимать наши обычаи (*); сохрани въ душѣ свое собственное понятіе о Богѣ, и завтра же объяви начальнику молитвы, что ты намѣренъ сдѣлаться Мусульманиноуъ.“ Паша улыбнулся и сказалъ мнѣ на ухо: „Что касается до извѣстной церемоніи, то объ ней будемъ знать только ты да я.“ Эти слова меня убѣдили, и почитая все новое мое сошпаніе пустнымъ истребованіемъ приличія, я говорилъ и дѣлалъ все, чего отъ меня хотѣли, для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ милосердія, соединенныхъ съ притворнымъ моимъ отреченіемъ. Не подумайте, чтобы я пересталъ быть Христіаниномъ; сердце всегда отвергало то, что говорили уста (**), и какъ я еще не лишился надежды со временемъ возвратиться во Францію, то желаю,

(*) Но симъ мнимымъ долгомъ и благодарностію къ Магомешанину нарушаются священнѣйшія обязанности сына Христіанской Вѣры и опеченства: пожертвованіе слишкомъ тяжкое для совѣсти, кошораго ни одинъ честный и здравомыслящій человекъ извинить не можеть.

(**) Напрасно старается Севъ притворствомъ извинить свое наружное вѣроопшсупленіе: онъ знаетъ, что Христіанинъ долженъ вездѣ и всегда исповѣдовать Христа Богомъ, исповѣдовать Его сердцемъ и устами; измѣна Богу есть пресупитѣйшая изъ измѣнъ.

чтобы все мои соотечественники, кошо-
рыхъ встрѣчу, знали истинныя мои чув-
ства. Я сдѣлался новообращеннымъ. Иманъ
началъ открывать мнѣ тайны новой вѣ-
ры, какъ вдругъ получаю я повелѣніе Паша
не выходить изъ дому, пошому, что я про-
гнѣвалъ Его Свѣшлость Ибрагима. Эпа
спросить меня взбѣсила; я почувствовала
страхъ новыхъ узъ моихъ, и начиналъ уже
ропсать, какъ Г*** убѣдительно совѣшо-
валъ мнѣ бытъ покойнымъ и послушнымъ,
пошому, что подъ видомъ наказанія, Паша
хочетъ испытать мою покорность; я пре-
дался судьбѣ своей, и оспался подъ арешкомъ.
Три дня протекли такимъ образомъ; на чем-
вершый, Мегмедъ приехалъ за мною Яныча-
ра. Я явился къ нему, не зная, что гово-
рить, пошому, что не зналъ, за что былъ
наказанъ, но онъ вывелъ меня изъ запрудне-
нія, сказавъ, что повиновеніе мое увѣрило
его въ привязанности моей къ нему; онъ
спросилъ, чѣмъ хочу я бытъ въ его арміи,
и я хотѣлъ предоставить это его выбору,
какъ вдругъ офицеры Двора его набросали
мнѣ на плеча богатый костюмъ *Бая* (*), и

(*) При другомъ случаѣ Солиманъ показывалъ Г.
Доверну богатую одежду Египетскаго Бая, подарен-
ную ему Пашею въ день пожалованія. Онъ долженъ
былъ надѣсть ее, чтобы итти на приступъ Наварина.

Мегмедъ въ восторгѣ провозгласилъ меня, въ присущствіи всѣхъ своихъ Генераловъ, Солиманомъ, Египетскимъ Беемъ. Съ сего времени принялъ я Турецкія обыкновенія: съ лицемѣрствомъ присущствую при церемоніяхъ въ мечети, вино пью только съ друзьями, и въ Каирѣ завелъ гаремъ, въ которомъ у меня три жены, и ошъ двухъ изъ нихъ ешъ уже дѣши (*).“

Солиманъ человекъ не безъ образованія, но понъ и пріемы его часпо солдатскіе; онъ любитъ говорить о себѣ и о томъ, что сдѣлалъ въ старыхъ Французскихъ арміяхъ. Онъ всегда помышляетъ о прежнемъ своемъ ошечествѣ. Роспомъ онъ выше обыкновеннаго, формы имѣетъ ашлещическія, ли-

Бенисъ, родъ шерпука или маншіи, сдѣланъ былъ изъ краснаго сукна и вышитъ золопомъ съ богатыми рубиновыми и золопными засшежками. *Сальта* или куршка, украшена двумя изображеніями луны, пришитыми на передней часпи плеча и составленными изъ брилліаншовъ, расположенныхъ полукругомъ. Средній камень спощъ 8,000 франковъ. Вообще все платье спощо Пашѣ болѣе 100,000 піасшровъ.

Пр. Фр. Изд.

(*) Это послѣднее признаніе доказываетъ уже, что Севъ сдѣлался настоящимъ Магомешаниномъ, и что лицемѣрныя изъясненія ошскупника, который покушаетсѣ обмануть своихъ соощечественниковъ словами.

не его широко и красно, голубые глаза живы и пронзительны; онъ ходишь съ большими усами, которые непрерывно поправляетъ. Онъ ничего не ожидаетъ отъ восстанія Грековъ, и твердо увѣренъ, что ихъ легко покорить. Такимъ образомъ рассуждалъ онъ въ 1825 году. Теперь онъ, конечно, говоришь не то уже. Впрочемъ онъ съ большимъ уваженіемъ опшывается о ихъ дѣлахъ; если бы благодарность не привязала его къ Пашѣ Египетскому прежде, нежели онъ вздумалъ покорить Грецію, то Солиманъ никогда не сражался бы прошивъ Воспощимыхъ Хрисціанъ; по крайней мѣрѣ такъ говоришь онъ мнѣ. И шеперь, казался, вижу, какъ онъ однажды, засучивъ рукавъ и сильно ударивъ рукою по столу, сказалъ мнѣ: „я бы ошдалъ вшу руку, чтобы шолько Греція воспоржешствовала . . . но невозможно . . . Арабы шущь.“

Я спрашивалъ Солимана, кто шакое вшое Армянинъ, кошораго зовущъ Абро, и кошорый пользуется полною довѣренностію Паши.— „Эшое челоувкъ,“ сказалъ онъ мнѣ: „негодяй, кошорый своею хишростію и смѣшлivosшію въ шорговыхъ предпріятіяхъ некогда обрашналъ на себя вниманіе Мегмедъ; онъ взялъ его къ себѣ въ секретари; и какъ съ шѣхъ поръ могущешво господина его

безпрерывно возрастало, но и онъ сдѣлался несравненно сильнѣе, чѣмъ былъ прежде. Онъ, если вы хошите, управитель огромнаго помѣстья. Онъ жаденъ, себялюбивъ и низокъ. Ему не нравится присутствіе Европейцевъ, служащихъ Мегмеду; однако жъ онъ льститъ мнѣ для того, чтобы я хвалилъ его Пашъ, у котораго онъ боится впасть въ подозрѣніе. Онъ и не воображаетъ, что я знаю привязанность его къ Англичанамъ, и думаю, что онъ подкуленъ. Всякой разъ, какъ мы спарались у Паша улучшить сословіе Французской торговли въ Египтъ, онъ всегда разстривалъ наши планы и удерживалъ перевѣсъ на сторонѣ всегдашнихъ нашихъ соперниковъ. Онъ говоритъ, однако же, что любитъ Францію и особенно Французовъ, которые въ Греціи утверждаютъ могущество Мегмеда; мы теперь его пріехали только потому, что онъ надѣется раздѣлить съ нами выгоды, которыя мы получили въ Моревъ. Временныя пособія, которыя теперь Египетъ получаетъ изъ Франціи, суть непрочное основаніе, на которомъ утверждается наша торговля.“

Последнія слова Салмана напомнили мнѣ то, что я видѣлъ въ Александріи. Тридцать или сорокъ Французскихъ судовъ сползла уже мѣсяца по два въ портъ, ожидая

груза хлопчатой бумаги, а корабли Англійскіе, прибывшіе наканунѣ, потчасъ получали ошъ благосклонности Г. Арбо то, чего соопечешвенники наши давно уже съ неперпвнїемъ шребовали. Сборъ хлопчатой бумаги можешъ бышь иногда и нехорошимъ, но Англичанамъ ее всегда достанешъ. Впрочемъ, самъ Паша Египетскій стараешся сохранишь дружбу Англии, надвась на заступленіе ея, въ случаѣ войны съ Портою.

Изъ Jour. des Voy. — нъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

П у т е ш е с т в і я.

137. *Путешествіе Московскаго Купца Трифона Коробейникова съ товарищи, во Іерусалимъ, Египетъ и къ Синайской горѣ, предпріяшое по особливому соиз-*

вдленію Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи, въ 1583 году, и описанное имъ Коробейниковымъ на Славянскомъ языкѣ, съ кошораго нынѣ, для удобнѣйшаго понанія, переложено на чистый Россійскій, съ присовокупленіемъ объясненій на мѣста, подлежація сомнѣнію, *Иваномъ Михайловымъ*. Изданіе второе. М. въ тип. П. Кузнецова. 1826. 142 и X с. въ м. 8.

Я з ы к о з н а н і е.

138. *Краткое изложеніе правилъ для составленія ручнаго Словаря нынѣшняго языка Русскаго, съ приложеніемъ пробныхъ листовъ Словаря.* (Чтано въ Моск. Общ. Люб. Рос. Слов. Апрѣля 3 дня 1826 года). М. въ Унив. тип. 1826. (И. О. Калайдовича) 28 с. въ 8.
(См. No 75 и 76 Сѣв. Пч.)

И з я щ н а я С л о в е с н о с т ь.

139. Edouard, par l'auteur d'Ourika. Съ внигр. *Brama assai, poco spera, e nulla chiede* (Le Tasso). à Paris. Chez l'Advocat, Libraire. Réimprimé à Saint-Pétersbourg, chez A. Pluchart. 1826. Ч. I, 164 с., Ч. II, 151 с. въ 6. 12. (2 р.).

140. *Павелъ и Виргинія.* Сочиненіе Г. де Сень-Пьера. Переводъ съ иносѣрачнаго (?). Изданіе третіе. М. въ тип. М. Пономарева. 1826. 246 с. въ 12.

Исторія.

141. *Magazin für Rußland's Geschichte, Länder- und Völkertunde; zusammengetragen, von Dr. Benjamin Bergmann, Prediger zu Rügen.* Zweiten Bandes, erster Heft. Mitau, gedruckt bei J. H. Steffenhagen und Sohn. 1826. 158 с. въ 8.
142. *C. C. Tacitus.* Von der Lage, den Sitten und Völkerschaften Germaniens. Einladungsschrift zu den an 13 April 1826, Vormittags in der Kreis-Nachmittags in der Elementar- und an 14 Vormittags, in der Stadtdöchter Schule zu Habsal gützlich zu haltenden Prüfungen von Heinrich Rens, der Schulen zu Habsal Inspector. Reval, gedruckt bei Carl Dullro. 59 с. въ 12.

Правосудіе.

143. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung dargestellt von Joh. Phil. Gust. Ewers, Ritter d. O. des H. Wladimir 3ten Classe und der h. Anna 2ter Classe, Staatsrath, ordentlichem Professor an der K. Universität Dorpat, Mitglied mehrerer

gelehrten Gesellschaften. Съ вѣнгр. Quid nescit, primam esse historię legem, ne quid falsi dicere audeat? deinde ne quid veri non audeat? Сжс. de orat. II, 15. Dorpat, bei A. Sticinsky. Hamburg, bei Fr. Perthes. 1826. XVI и 548 с. въ 8.

Рѣчи и стихи.

144. *Рѣчь на кончину Юок. Лазар. Лазарева (на Армянскомъ языкѣ), и стихи, по щому же случаю, на Армянскомъ языкѣ сочиненныя.* П. въ тип. Юс. Юаннесова. 1826.

Стихотворенія.

145. *Nachruf an die Höchstseelige Kaiserinn Elisabeth. Von Dr. Söderholm. Moskau, gedruckt bei S. Selimanowfky. 1826. 7 с. въ 8.*
146. *Canto elegiaco di cento versi in morte di Elisabetta Alexiewna Imperatrice di Russia. Del Cavaliere Arrighi. П. въ тип. Ден. Н. П. 4 р. во 2.*

Государственное Хозяйство.

147. *Considérations sur les principes fondamentaux de l'économie politique et privée par N. Demidoff. St. Pétersbourg, de l'imprimerie du Département de l'instruction publique. 1826. 24 с. въ 8 и 1 таблица.*

У с т а в ы .

148. Statuten für den Hülfs- Vertrag zum Besten seiner franken und verarmten Mitglieder, deren Wittwen und Kinder. Riga, bei W. F. Häcker. 1826. 36 с. въ м. 8, съ алфавитнымъ спискомъ Членовъ на 4 л. во 2. Подписано: *A. Tunzelmann*, Ober-Secretair.

С м л е н и я .

149. *Игры и занятія дѣтей въ первыхъ лѣтахъ*, или собраніе занимательныхъ Повѣстей, съ Словаремъ. Украшенное 18 карпинками иллюминированными. М. въ шип. А. Семена, при И. Мед.-Хир. Академіи. 1826. 295 и II с. въ м. 12.
150. *Астрологъ или новый Оракулъ*, содержащій въ себѣ: новѣйшій, обильнѣйшій и легчайшій способъ гаданія, и пр. и пр. съ приобщеніемъ науки гадать картами, бобами и кофеемъ, для препровожденія празднаго времени. Изд. 5. Издивеніемъ М. Глазунова. М. въ шип. А. Семена. 1826. VI и 369 с. въ 8.
151. *Письма объ образованіи ума и сердца*, писанныя въ 1823 году, изъ Москвы въ Коспрому къ двумъ брашьямъ, воспоминающимся въ Московскомъ Кадеш-

скомъ Корпусъ. М. въ шип. С. Селивановскаго. 1826. 80 с. въ б. 12.

152. *Описание новаго способа приготовлять цикорный кофе.* М. въ шип. Ръшешникова. 1826. 2 с. во 2.
153. *Mittheilung an Jünglinge die sich der Wissenschaft, ins besondern der Theologie, widmen. In Abhandlungen, Reden u. s. w. meist practisch wissenschaftlichen Inhaltes. Herausgegeben von Dr. Friedrich Busch, Russisch Kaiserl. Hofrath und ordentl. Professor der Theologie an der Kaiserlichen Universität Dorpat, wie auch ordentl. Mitglied der Großherzogl. Lateinischen Gesellschaft in Jena. 1te Sammlung. Riga- und Dorpat. 1826. bei C. J. G. Hartmann. 136 с въ 8.*
-

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

М И Л Л И О Н Ш И К Ъ.

(Продолженіе.)

Именины Его Свѣтлости.

Все опустѣло вокругъ Казимира, когда онъ осмался одинъ, безъ Дункана. Онъ дѣйствительно потерялъ человѣка, котораго любилъ ошъ всей души; друга, съ которымъ былъ въ швенѣйшемъ, самомъ искреннемъ союзѣ, потому именно, что при различныхъ отношеніяхъ въ свѣтѣ, оба имѣли одинаковыя о немъ понятія.

Тогда работа сдѣлалась почти единственной его потребностію: въ ней находилъ онъ ошраду и развлеченіе. Но истинно наслаждался онъ только, мечшая о Дунканѣ и Каролинѣ. „Какъ я счастливъ!“ восклицалъ онъ въ самомъ себѣ: „я могу любить благороднѣйшихъ людей и испытать въ себѣ жадное чувство взаимной любви ихъ.“



По испеченіи семи мѣсяцевъ неусыпной работы, порученіе Тайнаго Совѣтника Бишперблаша было кончено. Коммисія возвратилась въ резиденцію и осыпана была похвалами. Въ ознаменованіе полного своего удовольствія Курфиршъ вознаградилъ Президентша орденомъ *за заслуги*, а обоимъ Совѣщикамъ пожаловалъ прибавку жалованья.

Только о бѣдномъ Секретарѣ Морнѣ никто не подумалъ; о немъ даже и не упоминали, не смолря на то, что онъ былъ причиною успѣховъ.

Благодарны были ему и Президентъ Бишперблашъ, и отецъ его, Тайный Совѣтникъ. Оба часто приглашали его къ столу. Сестрица Президентша очень нравилась молодой человѣкъ, и если бъ онъ только былъ изъ дворянъ, то конечно бы на цѣлый вѣкъ успѣлъ обезпечить свое счастіе. Но какъ скоро Тайный Совѣтникъ замѣнилъ, что молодецъ Морнъ занимаетъ дочку его больше, нежели сколько можешь допустить спокойствіе сердца его, то спалъ приглашать его рѣже къ столу, а попомъ и совсѣмъ пересталъ. Морнъ еще разъ съ робостію напомнилъ ему о шѣхъ надеждахъ, съ какими его отправили. „Положишься на меня!“ сказалъ ему Бишперблашъ: „Ужъ я не разъ заговаривалъ Его Свѣшлости о вашихъ оплач-

ныхъ способностяхъ. Подождемъ вменить Его Свяшлости — шупъ обыкновенно дающа награды. Ваше имя навѣрное будетъ одно изъ первыхъ въ числѣ награжденныхъ.“ Успокоивъ Морна такиивъ увѣришельнымъ пономъ, Г. Тайный Совѣтникъ предложилъ даже вопросъ, какое мѣсто будетъ для него всего пріятнѣе, и Морнъ ошвѣчалъ непри-
нужденно, что желаетъ служишь въ резиденціи. Онъ помышлялъ о Каролинѣ, съ которою не хотѣлось ему опять разставаться. „Это мы какъ нибудь успроимъ“ — сказала Бишперблать: „правда, что таково, какъ вы, человека желалъ бы я видѣшь на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ пріобрѣщенной провинціи; но если вы предпочишаете оставаться у насъ, то я и объ этомъ постараюсь. Конечно здѣсь ужъ прудновато найши такое выгодное, доходное мѣстечко, какое бы можно было выбрать шамъ. А вошь можете бышь, дадутъ пенсіонъ старому Камерному Совѣтнику Балдерсу, такъ на его мѣсто. Какъ вы объ этомъ думаете?“

— „Больше я ничего не желаю!“ сказалъ Морнъ, съ пылающимъ ошь радости лицемъ. „Хорошо! хорошо!“ примолвила Бишперблать съ честною, увѣришельною миною.

Зима прошла въ пріятныхъ ожиданіяхъ. Красота Каролины и вѣрность ея оставались неизмѣнны. Если когда и случалось, что уныніе прескользнетъ въ душу Казимира — поцѣлуй, улыбка, взоръ возлюбленной проясняли опять лице его и вливали надежды въ сердце.

Наконецъ наступилъ желанный мѣсяць, а съ нимъ и день именинъ Его Свяшлости. Явились указы о повышеніяхъ; стали раздаваться папешны; поздравители развѣзжали по улицамъ. Морнъ цѣлый день оставался въ своей комнашѣ, чтобъ курьеръ изъ Канцеляріи Курфиршта непременно засталъ его дома. Подарочекъ за шруды посланному лежалъ уже, завернутый въ бумагу, на письменномъ столѣ. Наступилъ полдень, наступилъ вечеръ. Служившій Казимира сбѣгалъ въ придворную печатню и доставилъ указъ о повышеніяхъ — но въ числѣ большаго ряда именъ не было имени Морнова. Не пріѣзжалъ и курьеръ изъ Канцеляріи, чтобъ поправить опечатку. Наступила мрачная ночь. Начались пиры, балы, вечеринки по цѣлому городу. Казимиръ былъ всѣми забытъ, какъ и прежде. Онъ сидѣлъ уединенно въ горько-пріюшномъ углу софы своей, и плакалъ.

П л о х и е в и д ы .

Въ горести провелъ онъ цѣлую ночь. Надежды, по видимому, самыя вѣрныя, обманули его. Шестъ лѣтъ принужденъ онъ былъ служить усердно и вѣрно безъ всякаго жалованья: только одними надеждами подчивали его за это. Изъ-за него выбрались въ чины люди, ничего незначащія, и получили состояніе. Такъ, напримѣръ, сынъ Тайнаго Совѣтника Бишперблата сдѣлался Камеръ-Президентомъ; онъ же долженъ былъ прожить большую часть своего капиталла, и теперь оставалось не болѣе двухъ тысячъ гульденовъ — не болѣе, какъ на два года жизни, а память хошь по міру ипши. Онъ видѣлъ, что ни его трудолюбіе, ни таланты, ни услужливость не ведутъ ни къ чему. Невѣжды или даже негодяи перебили у него дорогу, если только имѣли деньги и покровительство, — если были искусны въ интригахъ и коварствѣ, — если умѣли ласкательствовашь и ползашь.

Моръ поступалъ честно, и былъ достоинъ счастья, но счастье казалось ему недостижимо. Мысль, что добродѣтель и честное поведеніе ведутъ его только къ нищенскому посоху, была для него ужасна.

И на то не могъ онъ надѣяться, чтобы получить руку Каролины. Судьба, казалось, предоставила ему вѣрную любовь, чтобы нѣмъ чувствительнѣе перзати его.

Все его гражданское бытіе облеклось шуманомъ неизвѣстности. Эгоизмъ людей, шолько все для себя пребующій и насмѣхающійся надъ правою души, представился ему во всей гнусности. Воспоминанія о льстивыхъ ласкахъ, обѣщаніяхъ и обо всѣхъ лживыхъ поступкахъ большихъ людей, какіе испыталъ онъ въ теченіе шести лѣтъ, приводили его въ бѣшенство. Все, что прежде прощаль онъ въ другихъ: духъ нарцій, своекорыстіе, мелочная гордость, зависть, хулы на лучшихъ или болѣе выигрывавшихъ людей — все это представало, какъ день, глазамъ его, во всей ненавистной своей ясности.

Во всю ночь эти мрачныя размышленія не давали ему покою. При наступленіи утра, еще не рѣшилъ онъ ничего положительнаго на счетъ будущей своей жизни. Нѣчего было и думать о томъ, чтобы ожидать еще хорошаго мѣста при его разспроенномъ состояніи; а въ низкомъ канцелярскомъ быту, едва дающемъ пропитаніе чловѣку, не хотѣлъ онъ бытъ, спыдась того и по своимъ отношеніямъ въ резиденціи, и по чувству

собственнаго достоинства. Скорѣе готовъ онъ былъ удалиться въ какое нибудь уединенное мѣсто, въ бѣдную деревеньку, гдѣ бы его никто не зналъ — гдѣ бы онъ могъ потратить прудами рукъ своихъ. Сладостно было ему мечтать, какъ на цѣлую жизнь избѣгалъ бы онъ людей, и думалъ бы только о Дунканѣ и Каролинѣ — двухъ лучшихъ существахъ между милліонами жалкихъ жертвъ самыхъ поспыдивѣйшихъ стращей.

По введенному обычаю, ему же должно было теперь идти и поздравлять получившихъ награды, и просить ихъ дальнѣйшаго покровительства. Но его презрѣніе къ людямъ и досада были слишкомъ велики. Онъ написалъ новому Камеръ-Президенту, что довольно уже служилъ Государству, что, посылая къ нему теперь всѣ дѣла и бумаги, у него остававшіяся, считаетъ себя совершенно свободнымъ.

Сдѣлавъ это, бросился онъ на постель и уснулъ крѣпкимъ, продолжительнымъ сномъ.

День рожденія.

Когда онъ проснулся, было уже за полдень. Ему подали двѣ записки и букетъ подсыжныхъ колокольчиковъ. Теперь только

ко пришло ему въ голову, что шо была день его рожденія. Онъ глубоко вздохнулъ.

Одна записка была отъ г. Президентша, другая отъ Каролины. Онъ зналъ почеркъ обоихъ. „Напередъ горькое!“ сказалъ онъ, и развернулъ записку Президентша. Вспайвъ прокрадывалась въ немъ все еще надежда, что потеря его будешь чувствительна; что будешь просишь не спишишь; что подадешь ему новыя и болѣе прочныя надежды — и вспайвъ прощаль уже онъ неблагодарнымъ. Онъ спшалъ чипашъ, и не нашель ничего изъ ожидааннаго. Президентшъ въ учпивыхъ выраженіяхъ изъявлялъ сожалѣніе, что Морнъ осшавляешь службу, удосщовѣрялъ въ полученіи бумагъ, и осшавался его покорнѣйшимъ слугою.

„Такъ вошь награда шестиплѣтней службы!“ сказалъ Морнъ, и смядъ маранье Президентша въ рукъ своей. Тупъ взялъ онъ и развернулъ записку Каролины. Въ ней заключалась пара спрокъ: „Надѣйся на Бога, мой Казимиръ. Сегодня шебъ двадцашъ вошь семь лѣшъ, а мнѣ ужъ двадцашъ одинъ годъ. Но вошь не ослабишь въ насъ швердосши, любви и вѣрносши.“

Словечко ужъ, кошорое прибавила возлюбленная къ числу двадцашъ одинъ, возмутило въ Казимирѣ всю душу. Эщимъ испол-

нилась мѣра его печали. Онъ плакалъ и рыдалъ громко. Бужень цвѣшовъ прижималъ онъ къ губамъ своимъ и къ сердцу. Мрачно лежалъ онъ на софѣ, какъ оппавшій ошъ свѣша и брошенный судьбою. Въ этомъ городѣ не могъ онъ долѣе оспаваться. Надобно было въ другомъ мѣстѣ искашь себѣ хлѣба. Много дѣлалъ онъ плановъ. Одно шолько огорчало его, что должно разстаться съ подругою своего дѣшства. Онъ придумывалъ длинныя рѣчи на прощанье съ нею.

Насупилъ вечеръ. Онъ сидѣлъ еще и размышлялъ въ сумеркахъ, какъ поступались у дверей его. Онъ слышалъ голоса многихъ людей. Оппираешъ дверь. Четыре носильщика спрашиваюшь, гдѣ поставилишъ принесенные ими два большіе сундука. На вопросъ, кому они принадлежатъ, было ошвѣщено: господину, прѣхавшему на почтовыхъ. Морнъ изумился. Первая мысль его была о Дунканѣ.

Едва шолько поставили сундуки, какъ явился дорожный. Дѣшшительно впо былъ Дунканъ. Онъ бросился на шею Морна. „Долго я пробылъ безъ васъ!“ сказалъ Дунканъ; „Позвольте же, чшобъ я прямо у васъ ошановился. Вамъ вѣрно можно усшупишь доброму прѣшелю комнашы двѣ.“

Ничшо не могло болѣе кшати случишься для Казимира, какъ радоспное по-

взненіе друга его. Онъ почти оцѣмъль онъ восторга. Когда же всѣ посторонніе удалились, онъ бросился снова въ объятія Англичанина и сказалъ: „У меня только одна комната съ перегородкой, но и шу я охотно раздѣлю съ вами. Располагайте мною.“

— „Только одна комната съ перегородкой?“ сказалъ удивленный Бришанецъ. „Опъ чего же шакъ мало?“

„Онъ шого, что я не богашъ.“

— „Не богашы? а я счелъ васъ очень богашымъ, когда вы могли мнѣ дашь заемъ спо луидоровъ, почти безъ всякаго вида.“

„Для друга нѣшь ничего завѣшнаго. Я далъ вамъ чешвершую часть шого, что имѣлъ. Если бъ вы больше потребоваши, я не могъ бы опказать и шогда. Вы были въ нуждѣ.“

Дунканъ, молча, смощрѣлъ на него въ удивленіи. Помощъ заключилъ его еще разъ въ свои объятія, позвалъ слугъ и приказалъ имъ ипши въ ближайшій шракширъ, и тамъ ожидать его приказаній. „Я же“ — сказалъ онъ Морну „останусь здѣсь. Мнѣ довольно будетъ угла за перегородкою.“

Тотъ же часъ все устроили. Для гоща сдѣлана была опряшная постеля, а между шѣмъ Казимиръ заказалъ хорошій ужинъ и велѣлъ пригошовать пуаншу.

Дунканъ былъ гораздо веселѣе, нежели въ то время, когда познакомился съ нимъ Казимиръ. За пуншемъ въ часъ полуночи, заключили оба союзъ брашства. Обоихъ сердца открылись другъ для друга. Англичанинъ имѣлъ въ своемъ опечесствѣ возлюбленную, которая была ему предана съ непоколебимою вѣрностію, не смотря на то, что родители, по старой фамиліи ненависти, не соглашались на бракъ ихъ. Молодой человекъ познакомилъ съ любезною своею искренняго и единственнаго своего друга знашной фамиліи, кошорый только что ворошился изъ чужихъ краевъ. Предашель, давъ обшчаніе склоняшь въ его пользу враждующихъ родителей, полюбилъ самъ дѣвушку и спашъ за нее свашашься. Она презирала его, но рука ея была ему опдана. Несчастливая наканунѣ свадьбы внезапно умерла: говорили, что опправилась. Дунканъ былъ въ опчаяніи. Онъ сдѣлалъ вызовъ лжилому другу. Опправился въ Кале. Тамъ дрались. Дунканъ искалъ опщениа и собственной смерти. Едва не нашель онъ послѣдней. Онъ былъ опасно раненъ и близокъ ко гробу. Соперникъ его убѣжалъ въ Америку. Опасность раны Дункана миновалась, но при немъ опшалось глубокое уныніе. Докшора посовѣшоваши ему пушешествовашь для перемѣны воздуха и

разсѣянїя. Онъ уложилъ свои вещи и пустился спранспровашь по свѣту.

Казимиръ расказалъ и свою испорїю. Дунканъ слушалъ съ большимъ участїемъ.

„Ты обманушь только обыкновенными, бездушными эгонстами“ — сказала Дунканъ: „а меня обмануль единственнй другъ, котораго имѣлъ я съ младенчества. Твоя любезная жива; моя поперяна навѣкъ. Тебѣ еще можно помочь; мнѣ уже нельзя. Хотя бы ты удалился въ пустыню — и я за шобою послѣдую, если увижу швердую рѣшимость. Но тебѣ еще можно помочь — мнѣ уже нельзя.“

„Мнѣ помочь!“ сказала Казимиръ со вздохомъ, смотря на небо и сложа руки на груди. „Ахъ любезнй Дунканъ! ты мало знаешь людей здѣшняго края.“

— „Люди здѣшняго края таковы же, какъ люди въ моемъ краю. Даю тебѣ слово: если не будешь мнѣ препяшспровашь, помогу во всемъ. Скрыга лавочникъ отдастъ тебѣ свою милую дочку, а при томъ и свой милїонъ. Все это можно сдѣлать безъ колдовства. Но чшобъ получишь прекрасную дѣвушку, не должно бышь молодцемъ; чшобъ получишь милїонъ, не должно бышь скуднымъ; чшобъ получишь чмы и званїя, не

всегда должно быть умнымъ, знающимъ, дѣлательнымъ.“

„Какъ же ты думаешь все это упростить, Дунканъ?“

— „Очень просто. Давай, чокнемся спаннаками. Общай не мѣняй мнѣ, когда я проведу весь городъ, какъ бы въ первое Апрѣля. Все будетъ сдѣлано честнымъ образомъ.“

„Хорошо, Дунканъ; но скажи мнѣ свои мысли.“

— „Мнѣ надобно немножко развѣдать о народѣ, который тебя окружаетъ; надобно осмотрѣть поле, на которомъ буду за тебя сражаться. Тогда все дастся само собою. Прежде же всего сдѣлай одолженіе, возьми себѣ мою прекрасную Вискую коляску и слугу моего Нямца; пару лошадей куплю я для тебя завтра. Тогда ѣзди каждый день непременно гулять, но безъ меня, чтобы не подумали, что ѣздить мнѣ принадлежитъ. Твоей милой сосѣдкѣ объяви, въ объясненіе загадки, что ты получила значительное имѣніе въ Англіи. Туда все пойдешь своимъ чередомъ!“

Морнъ нахмурилъ брови; всѣ уши затѣи не могли не заславить его усмѣхнувшейся. Онъ уже далъ слово Дункану предоставивъ ему располагать собою; а имѣніе о

немъ въ городѣ нимаю не было для него важно. Будешь ли удача, или нѣтъ, онъ безъ того не намѣренъ былъ оспаваться ни въ городѣ, ни даже во владѣніяхъ Курфюрста. И пуншевой спиртъ не мало способствовалъ къ тому, что ему легко было на все соглашаться.

Э к и п а ж ъ.

На другой день, рано поутру Дунканъ былъ уже одѣтъ. „Я долженъ позаботиться“ — говорилъ онъ: „чтобы ты сегодня же послѣ обѣда могъ вѣшать гуляшь. Ахъ, Морнъ! ты еще можешь быть счастливъ, а я нѣтъ!“ — воскликнулъ онъ, обнимая друга, и глаза его снова помрачались слезами. „Но ты другъ мой. Въ этомъ нахожу большое утѣшеніе. Съ шобою надѣюсь быть, если не счастливымъ, то утѣшеннымъ и успокоеннымъ.“

Морнъ хотѣлъ опровергнуть его ошъспранныхъ заштѣй на счетъ себя; но Дунканъ оспался швердъ въ своемъ намѣреніи. Между шѣмъ появилась Каролина Романусъ въ окнѣ насупротивъ. Морнъ пошчасъ взялъ друга своего за руку, подвелъ его къ окну и, показавъ ему дочь мнлліонщика, бросился

обнимашь и цѣловашь его. Очень знакомое ей имя Дунканъ пошчась передано было черезъ улицу, посредствомъ письменныхъ знаковъ. Въ слѣдъ за тѣмъ повѣщенъ былъ на окнѣ Каролины розоваго цвѣта ридикюль, что на ихъ языкѣ значило: „сердечно радуюсь.“

— „Въ самомъ дѣлѣ“ — вскричалъ Дунканъ, увидѣвъ прелестное личико соседки: „наши запѣи не могутъ оспавашься пуншевою выдумкою!“ И пошчась пошелъ онъ, и не являлся цѣлое ушро. Въ-сто него векорѣ пришелъ Феликсъ, слуга Дункана, рекомендовашься въ милостивое расположеніе своего новаго барина, и объявишь о всѣхъ знаніяхъ и достоинствахъ, какія въ немъ вмѣщаются.

„Не забудь главнѣйшихъ: преданности и честности!“ сказалъ Морнъ.

— „Честности свою я докажу вамъ“ — ошвѣчалъ Феликсъ: „а преданность вы должны внушить мнѣ, милостивый государь!“

Ошвѣшь понравилася; Феликсъ былъ принятъ на шѣхъ же условіяхъ, съ какими служилъ у Дункана.

Около полудня доложили о посѣщеніи Графа Кребса.

„Прежде всего поздравляю васъ съ парюю монхъ пѣгихъ, любезнѣйшій другъ!“ вскри-

чалъ Графъ, входя: „О! вы сдѣлали славное приобрѣтеніе. Скажу, что молодецъ вашъ homme d'affaire! онъ знаешь полкъ въ лошадахъ, какъ наешной барынякъ. Но извините, мой почтеннѣйшій, если я въ вашемъ присутствіи буду горько плакать. Съ этою парюю пѣгихъ жилъ я душа въ душу. Если бы на всю ночь разъ не разспроисво моихъ финансовъ, то я не взялъ бы за нихъ цѣлой колюши Курфиршта.“

— „Но заплашили ль вамъ, Графъ, или домень я . . .“ прошептала Моръ и покраснѣла до ушей.

„Все въ порядкъ, все въ порядкъ!“ перебилъ его Графъ. „Не о томъ рѣчь. Я пріѣхалъ собственно не за шѣмъ, а съ другимъ намѣреніемъ. Что вамъ вздумалось покупать имѣніе Барона Вольперна — это жалкое Дрейлебенъ? Увѣряю васъ, что не получите на немъ и полушора проценша. И онъ шребуенъ полушорасна шмечъ гульденовъ! Вы видѣли ужъ это имѣніе?“

— „Нѣтъ, Графъ!“

— „Посмотрите только, закливаю васъ всѣмъ, что для васъ свято, посмотрите только. Какая это пустыня! Въ окружности на большое пространство ни одной деревни, передъ окнами ничего, кромѣ Рейна, сзда только горы и лѣса. Если вы намѣрены,

мой сердечный другъ, посадишь себя со временемъ пулю въ лобъ, по совѣщую вамъ — купите Дрейлебенъ. Но я надѣюсь, при шомъ состояніи, какимъ надѣлало васъ шеперь счастье, вы будете жедать чего нибудь лучшаго. Я принимаю душевное участие въ вашемъ благополучіи. Для шого-шо и явился къ вамъ шощасъ. Извольте видѣть, я могу вамъ уступитъ свое прекрасное имѣніе — настоящій рай земной — среди огромныхъ полей — почва, какъ въ саду — дѣсь, виноградники, дуга, устройство — извольте видѣть, все это уступаю я вамъ за 90,000 гульденовъ на чистыя деньги. Подумайте, въдъ шолько четверть часа оцъ резиденціи! На оди строенія промощалъ я — позволите, у меня естъ описаніе — фу, какая досада! Я оставилъ его дома на своемъ бюро. Извольте видѣть, мой почтеннѣйшій, всего бы лучше, если бъ вы меня посѣщали — съѣздитъ, право, ко мнѣ въ деревню!“

Кребсъ продолжалъ болтать въ штомъ шонѣ, и Морнъ не могъ не замѣтитъ, что Дунканъ уже началъ свою Апрельскую шушку. Онъ обѣщаль прѣхашъ къ Графу шомъ же часъ послѣ обѣда, если будете имѣть время. Графъ просшилъ, съ клятвами и увѣреніями въ вѣчной дружбѣ.

За столомъ Дунканъ былъ очень веселъ: Морнъ совсѣмъ нѣтъ. „Ты заставишь меня только еще больше презирать людей!“ сказалъ онъ Дункану: „Именно эпопѣ же Графъ не удоспоявалъ меня прежде взгляда. Я изумился, когда онъ прѣхалъ ко мнѣ.“

— „Вина людей, а не моя, если они такъ мелочны и бездушны“ сказалъ Дунканъ: „мнѣ все равно, если только я ближе буду къ своему сердцу. Въ пракширѣ, гдѣ поселились мои слуги, на первый мой вопросъ о лошадяхъ, адресовалъ меня хозяинъ къ Графу Кребсу. Эти лошади точно стоятъ того, что я заплашилъ за нихъ. Хозяинъ пракшира, какъ скоро услышалъ, что пара пѣгихъ куплена для тебя, что ты сдѣлался богатымъ — не могъ довольно нахвалиться своими достоинствами и добродѣтелями. Я спалъ освѣдомляясь о продажномъ имѣннѣ для тебя; пошчасъ позвали маклера, который предложилъ мнѣ ихъ десять. Графъ Кребсъ превозносилъ тебя до небесъ, утверждалъ, что давно бы тебѣ слѣдовало быть первымъ Министромъ; что тогда бы все иначе пошло во владѣнняхъ Курфирста. Меня очень забавляешь эта шушка. Она развлекаетъ меня. Я пойду дальше, и увѣренъ, что она вынесетъ намъ.“

Послѣ обѣда подвѣхалъ къ крыльцу Морновъ экипажъ — превосходно оштѣванная коляска послѣдняго вкуса. Графъ Кребсъ не даромъ собирався горько плакать о своихъ пѣвгихъ, потому, что это была пара прекраснѣйшихъ коней. Морнъ сѣлъ; его Феликсъ въ желтой ливреѣ, почтительно вспрыгнулъ на запяжки.

По всей улицѣ закипѣлъ народъ; у того дома, гдѣ жилъ нашъ Эксереферендарій, никогда не видали такого великолѣпнаго экипажа. Всѣ сосѣди сбѣжались и ожидали, кто въ немъ сядетъ. Когда же появился Морнъ, когда захлопнулись за нимъ дверцы и быспрмеконцъ помчали его, какъ въ шріумѣв — шумъ начался шолкъ со всѣхъ сторонъ. Само собою разумѣется, что и Каролина высунула въ окно свою бѣлокурую голову.

„Я бы далъ шому шесть крейцеровъ“ — сказала спарикъ Романусъ прелестной своей дочкѣ — шесть крейцеровъ онъ держалъ въ рукѣ, шолько что получивъ ихъ за селедку, — „кшо бы сказала мнѣ, чья это коляска и слуга.“

— „Вамъ легко узнать“ — отвѣчала Каролина: „спросите шолько у г-жи Веберъ, у кошорой живетъ Морнъ. Она еще споитъ у вѣроть.“

*

„Правда твоя; не за чѣмъ и платишь!“ сказалъ онъ, сунуль въ карманъ свои шесть крейцеровъ и пошелъ къ сосѣдкѣ.

— „Ахъ, Господи Боже мой!“ воскликнула г-жа Веберъ: „кому жъ принадлежать, какъ не господину Референдарію самому! Развѣ не знаете вы, какъ онъ разбогатѣлъ. Ну, да дай ему Господи! Онъ предобрѣйшій и прелюбезнѣйшій человекъ! Цѣлыми возами привезли къ нему денегъ изъ Англіи. Онъ сдѣлался теперь богачѣйшимъ человекомъ нашего края. Спаль шорговать — ему и по-счастливилось. Слуга его мнѣ рассказывалъ, а онъ слышалъ отъ Англійскаго купца, который теперь живетъ у г-на Референдарія.“

Романусъ бросилъ на г-жу Веберъ изъ подлобья проницательный взглядъ, и не могъ уже выговорить ни слова, какъ будто бы судорога свела ему челюсть. Онъ пошелъ въ лавку и бросился шамъ, въ задумчивости, на кожаный сшуть свой. Вдругъ сбѣжала по лѣшницѣ Каролина и подпрыгнувъ къ нему, спросила, что узналъ онъ новаго. Долго не отвѣчалъ онъ, потому что о Морнѣ не говорилъ никогда — развѣ въ крайней нуждѣ. Наконецъ вскричалъ съ глубокимъ вздохомъ: „шакому негодю, уличному бродягъ, сыну мошенника, меня разорившаго, валился счастье; а я, честнымъ образомъ добывая хлѣбъ,

долженъ мучиться день и ночь, дрожать надъ каждымъ крейцеромъ! Гдѣ же шушь справедливосшь? Чѣмъ я заслужилъ это?" Онъ гошовъ былъ плакашь. „Но“ — вскричалъ вдругъ оцашъ: „Богъ знаешь, еще правда ли? Возьми деньги! хми! изъ Ангаин! хми! шорговаалъ! хми! Нышь, г-жа Веберъ, меня не вдругъ проведешь!“ Тушь перевернулъ онъ свой маленькій, чернй парикъ при раза во-кругъ головы, и шакъ спашъ шерешъ руки, что онъ чушь не загорѣлся.

Новый, модный вкипашъ Референдарія Мора подалъ поводъ ко многимъ подобнымъ разговорамъ въ резиденци. Самъ Курфирсшъ обратилъ на него вниманіе, когда Референдарій проѣхалъ мимо дворца. На вопросъ, чей вкипашъ, Тайный Совѣшникъ Бишшерблашь ошъзначалъ, что ему показалось, будто въ немъ сидѣлъ Эксреферендарій Моръ. Пошолковали о шомъ, а цошомъ вскорѣ и забыли.

М и л л и о н щ и к и в.

На другой же день шолки возобновились повсюду. Хелш Дунканъ сказалъ шолко не-многимъ, съ конторами вошудилъ въ шенше-ніе по хановламъ для своего друга, что Моръ получилъ въ Ангаин значительное

имѣніе; но когда развѣдываютъ о самыхъ лучшихъ деревняхъ, когда развѣзжаютъ барски въ вкисажахъ, по это слово: *значительное* получаешь гораздо значительнѣйшій вѣсъ. Графъ Кребсъ, привыкшій обо всемъ говорить въ превосходной степени, каялся и боялся, что Морнъ богачѣйшій человекъ во владѣніяхъ Курфиршта, что онъ милліонщикъ, что ему сошни тысячь бездѣлка, что въ Западной или Восточной Индіи есть у него цѣлая провинція.

Ничему шакъ легко не вѣрятъ люди, какъ невѣрояшному. Простаго, добросовѣстнаго человека презираешь, при вѣсхъ его добродѣтеляхъ, ни для кого ничего не считаешь, но шакже легко гошовой они считаешь мечшашгеля или гаупца за справедливѣйшаго человека въ мірѣ. Насмѣхаются надъ учеными людьми, и гурьбою щанушоя, большіе и малые, за уличнымъ призывашелемъ духовъ, за какимъ нибудь Калиоспро, совершающимъ мнимыя чудеса. Если бь сказали, что у Мерна явилось сто тысячь гульденовъ, это показалось бы сомнительно; но милліоны — нельзя не повѣришь!

„Вопшь виднше ли, папѣ?“ — говорилъ Камеръ-Президентъ ошцу своему, Тайному Совѣщнику Бшншербаадту: „шелерь ясно, за чѣмъ онъ выщелъ изъ Референдаріевъ. Я ду-

малъ сначала: вѣрно онъ обидѣлся, что его забыли при общихъ наградахъ.“

— „Въ самомъ дѣлѣ это глупо, что его обошли“ — сказала Тайный Совѣтникъ. „Но кто же могъ предвидѣть? А не дурно было бы повысить его, хотя бы и для своей сестры. Миѣ кажется, она къ нему равнодушна. А припомъ и льша — худо, если внесуть ее въ реестръ пожилыхъ. Ужъ вѣрно не найми ей лучшей парши, какъ милліонщика.“

„Да и для всѣхъ насъ, папъ. Нельзя ли какъ нибудь поцсправить этого дѣла?“

Просовѣтовались. Тайный Совѣтникъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ доложить Курфюрсту о рѣдкихъ шаланшахъ и достоинствахъ бывшаго Референдарія; говорилъ, что такого чловѣка надобно удержанъ въ Государствѣ, особливо потому, что Морнъ приобрѣлъ огромное состояніе посредствомъ банкирскихъ спекуляцій и торга акціями — что рассказываютъ о милліонахъ — что дѣль было бы, если бы такія суммы не остались въ Государствѣ и спрашивался видъ, онаго.

„Удивляюсь, право“ — сказала Курфюрстъ: „что намъ дадся эшоунъ Морнъ, и съ чего гнакъ вдругъ спали выхвалять его достоин-

ешва. Ужь и Министръ Финансовъ Рабе говорять мнѣ объ немъ съ воспоргомъ.“

Эти слова сразили Вишперблаша: онъ зналъ, что и у Министра Финансовъ есть пожилая дочка, и что ему нужны деньги.

„Рабе увѣрять даже“ — продолжала Курфиршь: „что Морнъ, бывши Секретаремъ Комисіи въ новопріобрѣщенныхъ провинціяхъ, все безъ исключенія дѣлалъ одинъ, а другіе присвоили себѣ честь и награды.“

Вишперблашъ не перемѣнилъ принужденной улыбки на лицѣ своемъ, но чужь было не сдѣлалось ему дурно отъ страха и злобы: онъ въ душѣ покаялся смертельной враждою Министру Рабе.

Между тѣмъ къ Морну послано уже было отъ Министра Финансовъ приглашеніе. Морнъ явился:

„Какъ я радуюсь“ — сказалъ Министръ: „что наконецъ самыя искреннія желанія мои совершились. Вы имѣете враговъ, мой милый. Долго дѣйствовали противъ васъ. Съ удивленіемъ узналъ я, что и при послѣднихъ наградахъ васъ обошли. Я бросился къ Его Свяшлости, доложилъ ему о нашихъ достоинствахъ, сказалъ напрохвиль, что вы собственно заслужили мѣсто Камеръ-Президента, которое вырвалъ у васъ сынъ Вишперблаша, и я побѣдилъ всѣ каверзы. По моему

представленію, Его Свяшествомъ благоугедно было опредѣнить васъ въ мой Департаментъ. Господинъ Финансовый Совѣтникъ! имѣю честь вручить вамъ дипломъ на это званіе.“

Меръ, не развертывая диплома, положилъ его, молча, на столъ, поблагодарилъ Министра за его благосклонное вниманіе и, не безъ горькой улыбки, отклонила отъ себя новое званіе жодъ разными предлогами.

Едва только воротился онъ домой, какъ завкая изъ нему Тайный Совѣтникъ Бишперблашъ: „Пришлось мнѣ самому искать васъ, любезный другъ!“ — сказалъ онъ, обнимая Казимира: „мнѣ кажется, Богъ знаетъ, сколько цѣль вы у насъ не были. Неужли вы забыли другъ друга? Величайшая мнѣ досада, что Рабе перебилъ васъ у меня опредѣленіемъ въ Финансовый Совѣтъ. Я въ жизнь свою не прощу ему этого. А пропусъ, дѣчь мой! даешь завтра балъ своимъ друзьямъ и пріятельницамъ. Она требовала, чтобы я самъ приглашалъ васъ, и чтобы вы непременно пожаловали. Надѣюсь, вы намъ не откажете.“

Но ему было таки отказано. Казимиръ отвѣчалъ на извѣстіи Бишперблаша холодною учтивостію, и оставилъ его полуотчужденнымъ; но две совѣсти безъ надежды. Отъ подобнаго поступка возрасла въ

Казниръ и ненависть къ людям. Онь спалъ презирающъ всѣхъ, и желалъ удалиться въ пустыню, чшобъ не бытъ ежедневно свидѣтелемъ споль многообразной развращенности. Ласкашательства досаждали ему еще болѣе, и чѣмъ усердїе возвышала его, шимъ болше считалъ онъ себя униженнымъ.

„О, мажїе!“ говорилъ онъ Дункану: „неужли думаютъ они, чшо я шакже подаю и презришелемъ, какъ они? Мое шесшидцашне шруды и усердїе не спомли ничего, а: прашной слухъ о шомъ, чшо я разбогатѣлъ, севсѣмъ пережвннелъ обшешельства. Пусть бы я глупцемъ, злымъ негоднемъ — но меня считающъ за миллионщика, и славнелъ человекомъ почтеннымъ, исполненнымъ заслугъ, достоинствомъ, ума и благородства. Эша комедїа спановнелъ мнѣ гнуею, Дунканъ!“

— „Меня она забавляетъ. Еще впо не все, любезный Морнъ. Надобно, чшобъ намъ доставалась прелесшная Романушь!“ — сказашъ Дунканъ.

П о б ѣ д а.

Прежде, нежели воображали друзья, уже прелесшная Романушь въ половину принадле-

жала имъ. Спарикъ, ошець ея, ни слова неговорившій прежде о Морнѣ, съ нѣкотораго времени не спускалъ его съ языка. О миліонѣ не осмѣвалось никакого сомнѣнія съ тѣхъ поръ, какъ прокричали по городу, что Морнѣ отказался отъ предложенной ему важной должности, и что изъ-за него Рабе и Бишперблашъ сдѣлались смертельными врагами, желая, каждый, залучить его въ язьпья.

„И онъ вѣрно женился на двѣцѣ Бишперблашъ?“ — сказала Каролина съ припворною горестью, чтобы только вывѣдать мысли отца.

Спарикъ не отвѣчалъ ни слова, а смѣрлялъ только на свои пальцы, какъ бы дѣлая трудное вычисленіе. „Сколько же могушь за нею дать?“ началъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи: „Вздоръ! что у нихъ есть? Все промотано. Одно мнѣ нравится въ Морнѣ, что онъ все пріобрѣлъ честнымъ торгомъ. А все таки ошець его былъ мощенникъ — сдѣлалъ меня нищимъ. Теперь и тридцати крейцеровъ назадъ не получишь.“

Между тѣмъ постукались у дверей. Вошелъ Дунканъ. Каролина вся вскинула. Романусъ выпянулъ шею и выпучилъ глаза.

„Мнѣ бы нужно было поговорить съ вами объ одномъ двѣцѣ, г. Романусъ!“ —

сказала Дунканъ: „Надѣюсь, что вы будете стоворчивы. Тутъ была бы для васъ не малая прибыль.“

— „Дальше? къ какимъ услугамъ, къ какимъ услугамъ, государь мой! Прошу садиться.“

„Г. Морнъ, каторгае дѣлами имѣя и честь до сихъ поръ завѣдывать въ Англии, желаетъ войны шею на покой, имѣя уже столько, сколько нужно ему въ жизни.“

— „На покой! ай! ай!“

„Онъ осматривалъ имѣніе Дрейлебенъ на Рейнѣ, и хочется ему купить его.“

— „Дрейлебенъ? ай! ай! Зачѣмъ же Дрейлебенъ? Большое имѣніе — будетъ дорого, дороже сконш.“

„Я полагаю, что названіе очень понравилось г-ну Морну. Живите для шреикъ! Онъ сказалъ однажды, что вѣчно желалъ бы шунъ лишь шреикъ. И въ числѣ шреикъ онъ разумѣлъ себя, свою будущую супругу и добраго шреика — ему угодно было, назвать меня.“

Королева онянь вспыхнула; она должна была опворочиваться къ окну.

„Но ваша правда, г. Романусъ. Баронъ Велькеръ назначаетъ большую цѣну. Онъ шребуетъ коштораша шмилъ тульденовъ; если же малыми денгами, то оно шреид“

наше тысячь. Хотя г-ну Морву угодно купить за наличныя....“

— „Наличныя? ай! ай!“

„Но за всеъ шель цена чрезвычайная. Ему бы хотѣлось, чтобы кто нибудь, уязвительнѣе торговаться лучше, нежели онъ, сдѣлалъ для него эту покупку. Онъ общается посреднику за каждую вышоргованную тысячу по спу гульденовъ. А какъ онъ утверждаетъ, что въ цѣломъ городѣ не найдется на это человека способнаго васъ, г. Романусъ...“

— „Слуга вашъ покорный! Я не люблю комплиментовъ.“

„То если вы сдѣлаете милость, возьмется...“

— „Съ удовольствіемъ.“

„Онъ содѣлаетъ припомъ, что вы уже нѣсколько лѣтъ живете съ нимъ не въ ладу.“

— „Да, были маленькія неудовольствія.“

„Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ хотѣлъ сначала присоединить свой небольшой капиталъ къ вашимъ торговымъ оборотамъ, вмѣсто того, чтобы послать въ Англію; какъ думалъ попомъ взять васъ въ долю при своихъ спекуляціяхъ въ Британніи — но ваша къ нему холодность...“

— „Чортъ возьми! говорю вамъ, самыя мелочи!...“

„А вы бы славный барышъ ошъ того получили.“

— „То-шо и есть, сударь! — что жъ мнѣ дѣлать, когда г. Морнъ не удостоилъ меня, бѣдняка, ни словечкомъ? Хоть бы шо пришло ему на умъ, что покойникъ опецъ его сдѣлалъ меня совершенно несчастнымъ.“

„Но поговоримъ еще о Дрейлебенъ и о томъ, какъ вы примешь за дѣло.“

Романусъ въ досадѣ ходилъ взадъ и впередъ. „Какъ ни малы шупъ барыши“ — сказалъ онъ: „но чесный купецъ въ нынѣшнѣя ннжелыя времена, не долженъ ничего выпускашь изъ рукъ.“

Черезъ недѣлю покупка состоялась. На долю Романуса досталось гульденовъ съ тысячу. Онъ радовался ошъ души, и пошелъ самъ къ Казимиру объявить ему о покупкѣ.

„Ну!“ сказалъ онъ: „будемъ же ошъ добрыми друзьями!“ и улыбался при томъ съ въкоторымъ смущеніемъ.

— „Я ничего шакъ не желаю;“ — ошвѣчалъ Казимиръ съ живосцію: „исполните только мою просьбу. Осчастливьте меня и Каролину.“

„Нѣшъ, г. Морнъ, еще до эшого далеко! развѣ я не говорилъ вамъ, что вашъ башюшка довелъ меня до нищенскаго посоха?“

— „Ну, все же вы не шакъ еще бѣдны!“

„До нищенства, говорю вамъ, до нищенства! Вы сдѣлались теперь богачемъ — если бѣ въ васъ была хоть иогра благородства, хоть капля состраданія, то вы бы вѣрно возвратили мнѣ то, чего лишили меня ваша опець.“

— „И тогда?“

„Ну, тогда я бы на колынахъ благодарилъ васъ.“

— „А дочь ваша?“

„Да, а проценшы за семь лѣтъ?“

— „Если же бы вамъ и ихъ опдали?“

„О, тогда бы я разгласилъ по цѣлому городу, какой вы добрый, благородный человекъ!“

— „А Каролина?“

„Да, да, этого не должно забывать — я далъ вѣдь нѣ восемь тысячъ шалеровъ вашему бапюнкъ золотомъ. Все были полновѣсные лундоры и каролины! О, если бѣ вы ихъ видѣли! Господи! прости мое согрѣшеніе — кляшъ имя покойника не могу, а душа пренецешъ, какъ о шомъ вепомню.“

— „Если же я вамъ дамъ тысячю каролинъ за одну Каролину?“

„Какую?“

— „Дочь вашу.“

„Извините, сударь, мнѣ кажется, съ проценшми придется около 2000 каролинъ.“

— „Если я не пожалю и двухъ пмслячъ, какъ скоро вы опдадите мнѣ Каролину и...“

„Вы шупните, г. Морнъ. Вѣдь, право, мнѣ не много надобно. Я долженъ былъ войти въ долги. О! банкротство батюшки вашего много меня распронило. Я вѣдь не могу дать за дочерью ничего, кромѣ шрянья, которое на ней.“

— „А если я и швъ ршпанусъ дозель?“

„То мнѣ остаешся только... спросить напередъ у дочери.“

Рожанусъ ушелъ. Морнъ запрыгалъ въ восторгъ. Онъ бросился, какъ сумасшедшій, на шею Дункана, и плакалъ отъ радости. Дунканъ тоже плакалъ.

Имънне Дрейлебенъ было куплено; свадебный контрактъ написанъ, и прежде испеченія медъян, прелестная Рожанусъ сдѣлалась еще прелестнѣйшею г-жею Морнъ. Разумѣется, что Дунканъ заранѣе пригото-вилъ для нихъ удобнѣйшую квартиру въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ резиденціи.

Первое Апрѣля.

„Надобно, чтобъ шушка сдѣлана была вполнѣ!“ сказалъ Англичанинъ: „Теперь гнеш-

ся передъ тѣбою цѣлый городъ, любезный Морнъ. Надобно перевернуть листокъ. Я выдамъ тебя за бѣдняка. Помоги мнѣ. Тутъ-по насмотримся новыхъ гримасъ! Когда же наглядимся досыща — тогда въ Дрейлебенъ, и будемъ жить уединенно. Барона Велькерна ужъ я подговорилъ къ своему плану. И стараго скрягу, своего шестя, надобно немножко наказашъ за его жидовскіе барыши. Онъ по заслуживаетъ.“

Въ самомъ дѣлѣ вся резиденція гнулаась передъ новымъ милліонщикомъ, какъ выразилась Англичанинъ. Да и кто бы могъ изъ людей, привыкшихъ съ дѣтства предпочиташъ всему золото и пышность, устоять передъ достойнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ съ милліономъ гульденовъ, съ прекраснымъ помѣщьемъ и прелестнѣйшею женою, безъ того, чѣмъ не изогнувшись отъ тягости уваженія и благоговѣнія, хотя бѣ кто имѣлъ и желѣзную спину? — Всякой пѣснился къ г-ну фонъ-Морну; изъ всѣхъ успѣ слышалась эта благородная частіица, хотя онъ и не былъ еще облагороженъ дипломомъ. Министры, Камергеры, Графы приглашали его на свои празднества, на которыхъ бывало и семейство Курфирста. Казимиръ съ своею молодою, прелестною женою, удостоился чести быть представленнымъ Ихъ Свѣшало-

спямя и говоришь съ ними. Во всѣхъ вѣщихъ мочеспяхъ Казимиръ конечно не находилъ ничего для себя деспнаго, вида, что онъ относнся не къ нему, а къ мннмому его богатству. Такія ласкашедьспва казались ему полько подлоспю, самою унизительною, людей, которые уважающъ и любнщъ челошвѣка не пошому, что онъ еспъ, а пошому, что онъ имѣешъ. Но ему должно было непремѣнно принуднщъ себя на нѣкошорое время: шакъ шребовалъ другъ его, Дунканъ.

„У меня, право, недоспаешъ ужъ шерпѣнья!“ — говорнлъ ему Морнъ, и шогда-шо Дунканъ обрашнлся къ нему съ сказанными выше словами: „Надобно, чтошбъ шупка сдѣлана была вполнѣ. Я выдамъ шебя за бѣдняка!“

Еще въ послѣдннхъ числахъ Марша, Дунканъ намѣкалъ шамъ и сямъ, съ задумчивою мнною, о непрншннхъ пнсьмахъ нзъ Англн. Пошомъ спалъ онъ говоришь, что бѣльшая часть огромной прнбылн, полученной Морномъ, совершешно уничтожнлась пошерею въ другомъ дѣлѣ; что ему надобно какъ возможно себя ограничншь; что онъ еще очень счасшлнвъ, нмѣя въ резнденцн шакъ много смнльныхъ друзей. Баронъ Велькернъ съ своей спшороны проговарнвалъ, что продажа по-

мѣстѣя идешь худо — Морну нѣчьмъ плащись. Между швѣмъ изъ большой, великодапной кварширы молодые переселились въ другую. Все это распроспранилось по городу въ самое короткое время, съ разными прибавками злыхъ языковъ. Но когда наступило *первое Апрелья*, то какъ ни мало въряшь обыкновенно въ вшопъ день всѣмъ неожиданнымъ извѣстіямъ, однако въ обвдѣнціи Морна никшо уже не сомнѣвался, попому, что самъ онъ, ранехонько поуштру, развѣзжалъ къ друзьямъ своимъ и просилъ, кого объ деньгахъ, кого о поручительствѣ, кого объ ходатайствѣ за него у Курфирста для полученія хорошенькаго мѣстечка. Всѣ тѣ, кошорые за сущки передъ симъ осыпали его ласками и уврѣніями въ дружбѣ, почти душили въ нѣжныхъ своихъ объятіяхъ — тецерь изумлялись, пугались шакой внезапной церемьны обспояшельствѣ. Иной сожалѣлъ уншиво, другой холодно извинялся, нѣкоторые съ колкимъ остроуміемъ насмѣхались надъ исчезнувшимъ волшебнымъ его міромъ — и, ни одинъ не пособилъ ни деньгами, ни поручительствомъ, ни ходатайствомъ. Въ домѣ Бишперблаша ошмѣнили даже большой ужинъ, къ которому въ тошъ день приглашенъ былъ Морнъ съ его супругою.

Всего горше было шарому Романусу. Къ нему зашелъ Баронъ Велькернъ, въ сопровожденіи одного изъ первыхъ адвокатовъ резиденціи, и поспребовалъ ошъ него, какъ ошъ посредника въ покупкѣ помѣстья Дрейлебенъ, удостовѣренія въ плашеѣ. Хоши Романусъ и не давалъ письменнаго поручительства за Морна, но все, чшобъ ускоришь сдѣлку и получить свои барыши, довольно увѣришельно опзывался, что въ нужной случаѣ будетъ самъ порукою и плашельщикомъ. Но конечно онъ и не мечшалъ, чшобъ вшо когда нибудъ могло случишься. Уже и неприятные слухи о неудачахъ Морна въ Англїи, нагнали на него большую шоску, а неположительные опвѣщны, копорые получалъ онъ ошъ Морна на свои освѣдомленія, никакъ не могли уменьшитъ его заботы. Теперь же, когда пришелъ къ нему Велькернъ съ адвокатомъ, когда уже не оставалось никакого сомнѣнїя въ бѣдности зятя, когда поспребовали ошъ него даже обшцаннаго плашежа, онъ совсѣмъ пошерялся. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ посвщенїя Велькерна посвпшалъ его параличъ. Вечеромъ жалкїи скряга переселился въ вѣчность, пошому что никакъ не хошѣлъ взятьъ лекаря.

Дрейлебенъ.

Эта внезапная смерть совсемъ перемѣнила ходъ вещей. Романусъ оставилъ ограниченное имѣніе — какого и не предполагали. Морнъ сдѣлался пеньеръ дѣйствительно милліонщикомъ, каковы до того выдавалъ его только Дунканъ. Хотя помѣстье Дрейлебенъ и было куплено на имя Морна, но деньги шли на погребъ Дункана, и между друзьями заключена была особая сдѣлка, по которой покупка обращалась въ себелюбовность Англичанина. Дунканъ, бывшая почтенію не независимъ къ людямъ, какъ и Морнъ, рѣшился провести всю жизнь свою вдалекѣ отъ никъ, вмѣстѣ съ другомъ, среди пріятнаго уединенія въ купленномъ помѣстьѣ. Морнъ хотѣлъ бытъ только уравновѣсена жизнью, не желая и отъ друга принимать безвозмездно благодѣнія. Теперь Морнъ сдѣлался богаче Брипанца. Впрочемъ на отношенія друзей между собою это не имѣло никакого вліянія.

Напротивъ того, какъ бы волшебнымъ жезломъ, измѣнило это снова образъ мыслей всей резиденціи. „Онъ хотѣлъ сыграть съ нами Анрѣльскую шпунку!“ говорили малые и большіе, и спали опять посѣщать его, навезли ему денегъ, предлагали поручиться

ешва и ходатайства — словесно и письменно, съ пыхачею заклинаний и увѣреній въ менарушимой, самой горячей дружбѣ, — спали опять давать для него пиры, и были неиспощимы въ своей благосклонности.

Тогда сказала Морнъ: „Я уже довольно наглядыся на всѣ эти низости! Удалимся, Каролина, удалимся, Дунканъ, въ наше уединеніе, прочь отъ этого лицемернаго, суешнаго народа. Я не могу здѣсь оставаться долго. Довольно меня обманывали. Чего мнѣ еще ждать отъ людей? Къ чему бышь еще свидѣстелемъ ихъ подлости и своекорыстія? Будь уменъ, какъ Соломонъ, добръ какъ Ангелъ, жершуй для свѣта собою, будь самый полезный, самый благотворительный человекъ — но будь при томъ бѣденъ, и ты будешь лишній между людьми. Всякая безмозглая голова, всякій зловредный, безсовѣстный человекъ будетъ тебѣ предпочтенъ, всякій бездушный эгоистъ выставишься изъ за тебѣ, если только у него есть деньги.“

Какъ скоро дѣла по наслѣдству были устроены, домъ и оставшіеся послѣ покойнаго Романуса шовары проданы, Морнъ съ женою и другомъ своимъ отправился немедленно въ Дрейлебенъ, и съ тѣхъ поръ уже не появлялись въ резиденціи.

Спустила лишь шесть послѣ того, прѣхала я въ ту резиденцію. Уже я знала давно, что Морнъ былъ иушь опредѣленъ Референдаріемъ. Меня очень радовадо, что увижу сшараго Университетскаго собрата. Тотчасъ по прѣздѣ спшала я о немъ освѣдомаятсья. Немногіе могли вспомнитсь его даже по имени. Наконецъ сказали мнѣ, что онъ подоумный — живешъ въ Дрейлебенѣ, корпитсь надъ золошымъ своимъ мѣшкомъ, какъ явкогда Романусъ, при всемъ богашствѣ, ничего не издерживаетсь и ни съ кѣмъ не знаетсья.

Лишь только, позволивши мнѣ обстоятельство, бросился я въ повозку и повхала въ Дрейлебенъ. Упря было прекрасное. Я радовадся, что удивлю чудака, и жалела шолько о томъ, что онъ съ деньгами лавочника наследовалъ и его скряжничешиво.

Я вхала чрезъ длинный рядъ плодоносныхъ полей къ лѣсу, въ кошоромъ, какъ говорили поселане, расположенъ замокъ на Рейнѣ. Но доѣхавши до лѣсу, я увидѣла, что это не настоящій лѣсъ, а обрабошанная въ видѣ сада обширная роща съ водопадами, цвѣтниками, шпалерниками, лабиринтами, храмиками, бесѣдками, развалинами и мраморными сшашуами — что все это конечно спшло огромнаго капишала. Замокъ, или дя подобіе замка построенный деревенскій

домъ съ большими сангелями для хозяйственныхъ заведеній, появился предо мною между каштановыми деревьями и Ломбардійскими гибкими ипофеями. Повсюду, и на большое расплощеніе кругомъ, во всеи, начинала съ подкошенныхъ зеленымъ ковромъ лужковъ до галлерей, обсаженныхъ померанцовыми деревьями и украшенныхъ мраморными статуями, царствовала изящнѣйшій вкусъ въ соединеніи съ самою утонченною роскошью. Тутъ не было слѣда скупости.

Я подвѣхалъ къ крыльцу. Тотчасъ прибѣжалъ богато-одѣтый слуга, и на вопросъ мой о г-нѣ Морнѣ, пожалъ, что я лишнего опоздалъ: господъ поутру уѣхали, и возвращеніе не прежде, какъ черезъ нѣсколько дней. Я съ досадою повхалъ назадъ. Черезъ недѣлю отправился шуда опять, и опять понапрасну. Господъ шже не было дома. Въ городѣ, въ одномъ обществѣ жаловался я на свою неудачу. „Създите еще двадцать разъ, и все будетъ шже“ — отвѣчали мнѣ. „Мы бы могли вамъ што предвѣщать напередъ. Тамъ никого не допускають, кто бы ни пріѣхалъ. Еще издали замѣчаютъ посѣщенія въ зрительныя шрубы, и велють ошказывають. Впрочемъ и слуги шакъ уже пріучены. Кшо шолько завидитъ посщоромнаго, шощасъ звѣщаетъ господъ.“

Услышавъ это, написалъ я къ Морну, что желаю видѣть его и бытъ исключеніемъ изъ принятыхъ имъ правилъ. Вскорѣ получила и учинившій оповѣсть, съ увѣреніемъ, что для меня онъ будетъ дома. Однако и тушь назначилъ день и часъ, когда я долженъ прѣхашь въ Дрейлебенъ.

Еще въ саду встрѣтилъ онъ меня объ руку съ своею женою. Оба приняли меня съ такимъ радушіемъ, какого, послѣ всего случившагося, я не ожидалъ. Тушь же представила мнѣ и друга своего Дукана. Не прошло четверти часа, какъ мы сдѣлались самими искренними между собою людьми. Меня угощали, какъ въ царскихъ палатахъ да и самый домъ убранъ былъ внутри съ царскимъ великолѣніемъ. Въ одномъ мѣстѣ блистали драгоценныя переплеты избранной библіотеки древнихъ и новыхъ лучшихъ писателей; въ другомъ рядъ комнатъ, украшенныхъ маеверскими произведеніями отличнѣйшихъ Художниковъ; тамъ далѣе музыкальная зала. Въ честь мнѣ данъ былъ концертъ — верою лучший, нежели обыкновенно бывають концерты любителей. Большая часть служителей въ домъ, отъ секретаря до садовника, занимались музыкою. Молодые хозяева дѣлали пару цвѣтущихъ дѣшей. Дуканъ

же оспазался неженатымъ, рѣцась цѣлымъ
вѣкъ провессти холосыякомъ.

„Точно ли вы счастливы въ вашемъ
прекрасномъ уединеніи?“ спросилъ я однаж-
ды вечеромъ, когда мы вѣспѣ сидѣли въ
саду.

Моризъ улыбулся и сказалъ: „почему жъ
нѣтъ? Мы создали себѣ особый свѣтъ, и
счастливы тѣмъ, что о прочемъ свѣтѣ,
который называють большимъ, ничего не
знаемъ. Мы и дѣла наши соснаваемъ самое
неразрывное цѣлое; что видъ насъ, до того намъ
и дѣла нѣтъ. Довольно и того, что изъ Га-
зетъ узнаемъ о людскихъ дѣлахъ и глупосыяхъ.
Но за то услаждаешь духъ нашъ чтеніе
произведеній ошличвѣйшихъ умовъ, чтеніе
того, что они думали, мечтали и чувство-
вали. Все, что Природа, Искусство и Наука
можеть представить самаго прекраснаго и
возвышеннаго, окружаетъ насъ. Чего же еще
недостаешь къ нашему благополучію? Сооб-
щество искаженныхъ, распушныхъ, бездуш-
ныхъ, своекорыстныхъ людей нарушило бы
шолько священныи миръ нашъ, и сдѣлало бы
насъ учаспниками ихъ жалкаго положенія.
Благо тому, кто можеть оторваться отъ
свѣта, и живучи въ уединеніи, смопрѣшь на
его превращеніи издали, какъ бы въ шее-
шрѣ!“

Такой ошзывъ привелъ насъ къ нескреннему разговору о настоящихъ отношеніяхъ мудраго къ человѣческому обществу; и шушъ Морнъ расказалъ мнѣ свою и Дунканову исторію, какъ вы ее отъ меня слышали.

„Но съ такими обильными средствами, каковы у васъ“ — сказала я Морну: „какъ благодѣтельно могли бы вы дѣйствовать на все, васъ окружающее! И неужели не увеличилось бы ваше счастье, если бѣ вы, на мѣсто того, чшобъ только для себя создавать земный рай изъ своего богатства, предославили и другимъ отъ него пользоваться?“

Онъ покачалъ угрюмо головою и сказалъ: „Чего хоните вы? Деньгами нельзя никого сдѣлать счастливымъ, а только дѣлательностію, избыткомъ умственныхъ силъ. Но этого никто не требуетъ. Не я ли самъ пожертвовалъ лучшими годами своей жизни, въ надеждѣ пріобрѣсти уваженіе и любовь? Не часто ли, въ палатахъ и въ хижинахъ, находите вы царство низкаго сластолюбія, тщеславія и корыстолюбія? Чего болѣе спрашиваютъ въ свѣтъ: того ли, чшобъ чловѣкъ былъ честенъ, чшобъ онъ имѣлъ способности къ дѣлу? Нѣтъ! спрашиваютъ болѣе всего денегъ, имени и дворянства. Не часто ли самые презрительные

нириганты достигаютъ у насъ (*) почестей, а достойнѣйшіе люди понижаются въ пражѣ? Не искони ли вѣка преслѣдуются бездушными народами общепользѣйшія и добродѣтельнѣйшія особы? Неужели я долженъ, для такого скардства, отдать свой покой, свое крѣпкое счастье за пустыми мечтами? Нѣтъ, я люблю человека, но онъ всей душой презираю пороки людей."

Морнъ разгорчался все болѣе. Къ нему присоединилась Дунканъ и г-жа Морнъ. Я не могъ оспорить троихъ человеконенавидцевъ, и пошолъ замолокъ. Эти люди не совсѣмъ были неправы, но воображали себя, что они правы совершенно. Обращеніе ихъ я не могъ, а только бы огорчилъ противорѣченіемъ: очень было замѣтно, что все они елишкомъ раздражительны. Если бы Руссо былъ милліонщикъ, онъ также бы съ расперзаннымъ своимъ сердцемъ, съ мрачными понятіями о свѣтѣ, жилъ во Франціи, какъ Морнъ на Рейнѣ, и все богатство въ его рукахъ было бы только средствомъ удобнѣе предаваться бреднямъ его воображенія.

(Второе отдѣленіе Повѣсти до слѣдующей книжки.)

(*) Это пишешь иностранецъ о чужихъ краяхъ.

К Р И Т И К А

РАЗСМОТРѢНІЕ КНИГИ: ОПЫТЪ НАУКИ ИЗЯЩНАГО, НАЧЕРТАННЫЙ А. ГАЛИЧЕМЪ.

(*Продолженіе статьи II.*)

Глава вторая сего ошдѣленія посвящена *Художествамъ тоническимъ, или Музыкѣ, Искусству*, гдѣ Изящное проявляется во времени. Сочинитель говоритъ, что „шоянъ „связывающъ непосредственно души, тогда, „какъ образующее Художество и очерта- „тельное говорящъ только при помощи ра- „зумнѣя, кошорое созлаещъ впечатлѣнія и „можешъ даващъ въ нихъ опчещъ.“ Если въ Ваяніи и Живописи мы не прежде можемъ ошдащъ себѣ опчещъ во впечатлѣніяхъ, произведенныхъ въ насъ прекрасною спашуей или прекрасною картиной, какъ тогда, когда окинемъ взоромъ сіе образцовое швореніе искусства; но, слушаая музыку, такимъ же образомъ мы не приходимъ въ восшоргъ опъ каждаго ошдѣльнаго шоянъ, но выслушиваемъ цѣлый рядъ шоновъ и восхищаемся уже или спройными ихъ возвышеніями и пониженіями, или быспрыми переходами, или

сладостными ихъ переливами, или удачными повтореніями. Слѣдовательно, какъ въ *пространствѣ* зрѣніе сливается разные предметы, цвѣта и пѣвнн въ одну точку, такъ во *времени* слухъ сливается разные тоны, ихъ постепенности и переходы, въ одинъ моментъ: а посему причины и дѣйствія, при разныхъ внутреннихъ и внешнихъ орудіяхъ, одинаковы.

Въ § 126, Сочинитель слишкомъ безусловно исключаетъ звукоподражаніе изъ музыки. „Изъ общаго уже закона Художества „понятно,“ говоритъ онъ: „что и Музыка, „для произведеній Изыщнаго, должна въ собственной области своей находить достъточные знаки и способы. Почему, изображая только движенія во времени, вышняя „для слуха, но сокрытая опъ глаза, она не „болѣе можешь рисовать видимые предметы „звуками, какъ и Живописецъ производить „звуки посредствомъ разцвѣчиванія. Но и „шамъ, гдѣ она позволяетъ себѣ выражать „слышимыя въ природѣ явленія, Изыщное, и „сдѣственно идеальное и совершенное твореніе музыки, ш. е. цѣлостъ стройныхъ „звуковъ, подражая несовершенному и нестройному, каковъ каждый звукъ въ опдѣальности, унижается до мелочнаго и несвободнаго. Почему музыка не-комическая.

„совершенно отвергаетъ всѣ звукоподражанія.“ Подивившись, какимъ образомъ *звукоподражаніе* перешло изъ области *звуковъ* въ область *Искусствъ начертательныхъ*, (ябо здѣсь Сочинитель говоритъ о немъ, какъ о *рисованіи*), — я снова повторю, что исключеніе звукоподражанія изъ музыки слышкомъ безусловно. Нашянушая, принужденная *Ономатонія* не годится ни въ музыкѣ, ни въ Поэзіи, потому, что въ ней видно мелкое усиліе людей безъ дарованій, а не печать генія; но чѣмъ же музыка и пробуждаетъ въ насъ разныя ощущенія души, если не тѣмъ, что она звуками напоминаетъ намъ разныя явленія въ природѣ, или, по аналогіи съ ними, спрашши и даже понятія умшвенныя? — Не входя въ дальнѣйшія доказательства, я позволю себѣ только одинъ вопросъ Г. Сочинителю: неужели онъ не слышалъ ударовъ грома и рева бури въ ораторіяхъ, увертюрахъ и другихъ большихъ музыкальныхъ сочиненій? Неужели не слышалъ палбы, барабаннаго боя и пр. въ военной музыкѣ? — Силь однимъ уже доказываешся, что музыка, вовсе не-комическая, не отвергаетъ совершенно звукоподражанія.

Далѣе, Сочинитель смѣшиваетъ *ладъ* (le mode) съ *размѣромъ* (le rithme); а это два понятія совершенно различныя. *Ладъ*

Относится собственно къ выраженію музыки; имъ опредѣляется настроеніе композиціи, распространяется посредствомъ звуковъ нѣтъ или другія ощущенія нашей души; онъ бываетъ или веселый, или печальный, или возвышенный, или воинственный (бравурный) и т. д. Размѣръ же просто опредѣляется быстротой или медленностью въ постановкѣ звуковъ, и вообще есть то, что Сочинитель Опыта, въ § 127, приписываетъ музыкальному ладу.

Наконецъ, Сочинитель говоритъ о *мелодіи и гармоніи*. Здѣсь снова встрѣчается мечтательное примѣненіе гармоніи звуковъ къ гармоніи міровъ. Вотъ собственныя слова Сочинителя: „она (гармонія музыки) называется *ощутительный* своей первообразъ (*) „въ стройномъ движеніи пѣлъ небесныхъ.“ На сіе можно согласиться, если Сочинитель докажетъ, что звуки могутъ служить эмблемою иныиамъ, а скоропечное и измѣняющееся — эмблемою вѣчнаго и непремѣннаго.

Отъ Музыки, Сочинитель переходитъ къ *Художествамъ театральнымъ или сценическимъ*, принимая рубежною чертою се-

(*) Это слово у Сочинителя Опыта замѣняетъ иностранное: *идеаль*.

то перехода — Ораторію и Оперу. „Въ
 „природѣ масса,“ говоритъ она: „образуемая
 „движущимъ ее началомъ, и движение, обра-
 „зующее свою массу, даетъ явленіе органи-
 „ческаго живаго существа, которое само
 „для себя цѣль и средство, само для себя
 „причина и дѣйствіе. Точно такимъ же об-
 „разомъ соединяется пластика и музыка въ
 „театральномъ лицѣ, которое на самомъ
 „себѣ, являетъ и Художника и живое его
 „произведеніе, и котораго органическое шле-
 „ло, выщаваясь въ пространство, дѣйствуетъ
 „или производитъ выдѣлы перемѣны во вре-
 „мени посредствомъ членовъ и органовъ. По-
 „чему Художество Актера необходимо раз-
 „дѣлено между пантомимическими и живописны-
 „ми малополюженіями пантомима; между
 „музыкальными иллюдвиженіями танцовщи-
 „цы и между одушевленной рѣчью деклама-
 „тора... Пантомимическія положенія а) или
 „подражаютъ даннымъ картинамъ и сцѣнка-
 „мъ: ибо что идеальная природа для Важа-
 „шеля и Живописца, то прекрасное ихъ
 „твореніе для пантомима; или б) представляютъ
 „смыслъ картины, т. е. то, что
 „въ ней содержится; или с) избираютъ сво-
 „ей темой какъ историческій, такъ и вы-
 „мышленный характеръ цѣлаго класса явле-
 „ній, либо художественныхъ произведеній

„известнаго времени...“ Пантомимныя по-
двѣдїя должны изображать данный харак-
теръ дѣйствующаго лица, или данныя его
спрасни; и будучи ошсвѣтломъ сего характе-
ра или сихъ спрасщей на живомъ существѣ,
самъ служатъ *темою* для Искусствъ изобра-
зительныхъ (Ваянїя и Живописи), а на оныхъ
нихъ замѣщаются образцами, такъ какъ
не природа естъ съемокъ съ картины, а
картина естъ изображеніе предметодъ, въ
природѣ находящихся.

„Но гдѣ одушевленная спашуа сходитъ
„съ подножія, или живая картина ошсваляетъ
„свою раму и спрого музыкальною поступью
„движенїа въ кругахъ свободныхъ, тамъ про-
„исходитъ *пляска*, которая игру ошсва-
„ляюща членовъ подчиняетъ нрѣ благоу-
„да, и которая преимущественно принадле-
„житъ времени, такъ какъ пантомимное
„положеніе преимущественно просираетъ
„спву. Какъ *естественное* выраженіе движен-
„ннхъ, случайныхъ чувствъ радости и сво-
„боды, пляска естъ такая же *приятная за-
„бава*, какъ и пѣніе, и споль же мало имѣетъ
„аспешическаго достоинствва сама по себѣ,
„какъ и сіе послѣднее. Право на *танцованье*,
„какъ изящное Художество, получаетъ она
„шогда, когда, съ *одной* спорозы, плащен-
„ческія формы шѣла, иравящїяся уже самъ

„по себѣ, или по приближенію ихъ къ иде-
 „альнымъ, съ *другой*, свободное управленіе
 „всѣми часами и движеніями ихъ, легкими,
 „разнообразными и строго раздѣренными,
 „въ состояніи бываетъ, съ *третьей* спо-
 „роны, для чувствъ и фантазій вразуми-
 „тельно изображать *цѣлость* опредѣленныхъ,
 „другъ за другомъ послѣдующихъ, ишперас-
 „ныхъ состояній или чувствованій, съ усмра-
 „неніемъ какъ всѣхъ мучительныхъ и опас-
 „ныхъ напряженій, искажающихъ образъ че-
 „ловѣческой, такъ и всего того, что мо-
 „жетъ возбуждать или питать нечестныя
 „пожеланія.“ Здесь опять находимъ произ-
 „вольное различіе между словомъ Русскимъ и
 „иностраннымъ, изображающимъ по же самое
 „понятіе. Если же, что Сочинитель ска-
 „залъ здѣсь о пляскѣ, должно разумѣть про-
 „сто о прыжкахъ, какіе человекъ дѣлаетъ въ
 „радости — особливо, когда молодые его ор-
 „ганы, всѣ омущенія души выражаются плѣ-
 „сными движеніями; но конечно въ нихъ
 „нѣтъ никакого вешешческаго достоинства;
 „но *пляска* (la danse), какъ искусство, имѣетъ
 „разныя: сіемяныя красоты, и посему имѣетъ
 „большее или меньшее право: быти отношен-
 „къ произведеніямъ Изыщнымъ, подчиняемымъ
 „правиламъ Эстетикки. Многое можно бы ста-
 „зать на счетъ *устраненія* *всѣхъ* *мучи-*

*

твѣльныхъ и опасныхъ напряженій, и пр.; но сіе подлежало бы за собою такіа изслѣдованія о причинахъ и цѣли пляски, которыя не могутъ имѣть мѣста въ нашемъ разсмотрѣніи.

„Противоположность, которая въ плясущей *part* выражаетъ смыслъ пляски, довершается разностию пола.... Самое отношеніе между обоими полами есть, по природѣ уже своей, исторія любви, кошотвѣра, по причинѣ сложности сего чувствованія, можетъ быть представляема въ безчисленныхъ формахъ, и однако жъ, для всѣхъ, вразумительно. Почему пляска въ полномъ своемъ развитіи есть Романъ.“ Какъ не всякій Романъ исключительно основанъ на любви, такъ и въ пляскѣ (принимая ее въ высшемъ ея значеніи, ш. е. въ Балетѣ) выражается не одна только любовь, но часто гнѣвъ, ненависть, ищненіе и другія страсти; часто даже любовь вовсе не имѣетъ въ ней мѣста, напр. въ пляскѣ военной. Посему пляску можно называть одушевленною картиною страстей. „Если пляска, какъ Романъ, раздѣляется между двумя полами, и если въ семъ раздѣленіи имѣетъ двоякую форму, — движущуюся прямолинейно и вращающуюся; то она и уничтожаетъ опять все ошвошеніе къ полу. Лица мѣшаются

, безъ разбору, какъ простыя фигуры, и все
 , это смыкается въ торжественный кругъ,
 , движущійся вращательно, ш. е. въ *хоро-*
 , *бодъ*, который охотно располагается
 , окрестъ памятниковъ, сближающихъ народ-
 , ное участіе, и находишь свой идеалъ въ
 , празднованіи благоговѣйной любви земныхъ
 , существъ къ небеснымъ.“ Это бывало у
 древнихъ язычниковъ, а теперь осталось
 еще у нѣкоторыхъ племенъ дикарей; но на-
 роды просвѣщенные не чтящъ уже памят-
 никовъ своей славы, любви или благоговѣнія
 сими роскошными увеселеніями. Спросимъ у
 Сочинителя: какимъ образомъ *пляска уни-*
чтожаетъ всякое отношеніе къ полу, и
 когда *лица мѣшаются въ ней безъ разбо-*
ру? Этого до сихъ поръ не удалось намъ
 замѣнить. Въ бальныхъ танцахъ; или каж-
 дая пара, ш. е. *кавалеръ и дама*, танцуютъ
 вмѣстѣ, или оба пола встрѣчаются въ *ше-*
ить (la chaîne), или всѣ пары сцѣпляются въ
 кругъ, но вовсе не *безъ разбору*, ибо мѣсто
 cadaго пола назначено, равно какъ и опи-
 сываемыя имъ дуги, или линіи. То же самое
 и въ балетѣ: начиная отъ характерныхъ
 лицъ, танцующихъ *pas de deux*, *pas de trois*,
pas de cinq и пр., до *фигураншовъ* и *спани-*
стовъ, каждый полъ имѣетъ свое мѣсто и
 свое назначеніе.

„Гдѣ же наконецъ прекрасная спашуд
 „Мемнонова освѣщается живописными лу-
 „чами Геліоса, памъ языкъ ея разрѣшается.
 „Другими словами, Поршь для своихъ про-
 „рицаній воздвигаетъ *Актера*, который для
 „шого и служиць шечкою соединенія между
 „натуральною спорною образовательныхъ
 „и рисовальныхъ Художествъ, и между иде-
 „альной областью Искусства поэтического.“
 „Мнѣ кажется, што можно было бы пря-
 „мо сказать другими словами, безъ всякихъ
 „пѣщическихъ уподобленій, которые могутъ
 „изъ теоріи ученой сдѣлать какую-то напы-
 „щенную *амплификацію*. Всеу есть свое
 „время и мѣсто; вошь напр., если бы Г. Со-
 „чинитель дѣлалъ не Опытъ Науки, а какую
 „нибудь Академическую Рѣчь, или тому по-
 „добное, тогда бы сравненіе Актера съ Мем-
 „ноновоу спашуей было кшати. — Даже и
 „другими словами могъ бы онъ выразиться
 „повняннѣе,

„Искусство *Актера* есть *декламация*,
 „которая съ одной стороны подходитъ къ
 „чтенію, съ другой — речешашивомъ — къ
 „пѣнію. Но сіи при понятія весьма различ-
 „ны. *Чтець* даетъ шолько правильный смыслъ
 „читаемаго шворенія, *декламаторъ* или ра-
 „дощидишь, сверхъ правильного смысла, ав-
 „ляетъ жаръ и чувство, съ какими слово

„выдавало изъ груди Спихотворца, а плеще, выражая мысль и душевное движеніе, даешь чувствовать еще и тонъ съ музыкою, каковымъ его разбиромъ. Прочія совершенно, сства Актеръ раздѣляетъ съ движущеюся, карпивною.“ Декламация и речепативъ Опера — двѣ вещи, совершенно разныхъ. Декламаторъ, естественнымъ своимъ голосомъ, передаетъ мысль Спихотворца и даешь ей, повышеніемъ или пониженіемъ звуковъ, желаемое выраженіе; но онъ самъ опшвываетъ сирасни, и, въ минуту вдохновенія, скрадываетъ или смягчаетъ одну, и выспаваетъ въ полной игрѣ, въ полномъ блескѣ другую. Онъ самъ, почти можно сказать, шворитъ. Певецъ же въ речепативѣ есть рабочій исполнитель воли Сочинителя музыки: онъ съ точностію дѣлаетъ то, что ему указано; и не смѣетъ опшвывать мысль или слово по собственному произволу. Послѣ сего Сочинитель слегка напоминаетъ, что Актеръ долженъ *входить въ свою роль*; оправдываетъ его въ томъ, что будто бы, представляя другія лица, онъ долженъ самъ, какъ кажется, „не имѣть нравственнаго характера,“ и пр. Но ни слова о сирасняхъ и движеніяхъ душевныхъ, составляющихъ главнѣйшій предметъ Искусства Театральнаго; ни слова о томъ, что Актеръ долженъ со-

гласовать выраженіе ихъ голосомъ, измѣненіями лица, положеніями и движеніями шизла; ни слова о различіи игры прагматической отъ комической, и мадо ли о чемъ еще ни слова не сказано Сочинишедемъ.

„Говоримъ объ *Олимпійскомъ празднествѣ* есть *Искусствѣ театральномъ* значеніи — говоримъ объ *Оперѣ*, составляющей для сценки вообще но же самое, чини для послѣдняя составляющей для *Художества* первыхъ двухъ степеней, ш. е. *органическую цѣлостъ*. Опера преходитъ тамъ, гдѣ съ пантомимнымъ дѣйствіемъ павешеческаго и живописнаго балета соетавляетъ, гдѣ слова, а съ ирными движеніями его пляски — музыка, и приномъ соетавляется шакъ, чини, оставая сн *равно существенныя* чини при натуральномъ ихъ назначеніи, не даетъ ни одной первенства, а *согласуетъ* каждую съ дѣлами и думамъ прочимъ. Отъ того рать въ *Оперѣ* приближается къ пвию, а музыка живымъ выраженіемъ чувствованій и характеровъ лицъ къ *Повзи*.“ Вообще признано, чини Опера ещѣ *выродекъ* драматическихъ сочиненій; здѣсь же о ней говоримъ, какъ о высшемъ пронаведеніи *Повзи* драматической, ибо она названа *Олимпійскимъ празднествомъ* есть *Искусствѣ театральномъ*,

и Сочинитель о ней только одной заблаговременно распространиться. Что составляет *сверх искусства* в области Искусства Изящных? бесспорно то, что более всего приближается к природе. Когда же человек, в жару обладающих им спрасней, говорил речитативомъ, панцовалъ или распевалъ арии? Скажемъ болѣе: почему Сочинитель не сказала ни слова о Комедіи и Трагедіи, изъ которыхъ первая есть скользя случай въ жизни человеческой въ обыкновенномъ быту, а вторая представляеть постепенное развитіе и игру сирасней благородныхъ? Не выходя изъ обыкновеннаго круга сущесствъ разумныхъ, и. е. неловковъ, (хотя изъ разныхъ вѣковъ и званий), сіи два рода твореній драматическихъ — Комедія и Трагедія — составляютъ ближайшій переходъ отъ Природы къ Искусству, и потому требуютъ необыкновенныхъ усилій гениа, который долженъ изгнать все слишкомъ низкое, слишкомъ обыкновенное въ природѣ и въ быту житейскомъ, и забывая все это, что слишкомъ махнуто или сверхъестественно въ Искусствахъ. Оперу же можно скорѣе назвать торжественномъ Музыки, нежели Поэзіи: въ ней не *речь* приближается къ пѣнію, какъ угодно было сказать Сочинителю Омына, а пѣніе, въ ре-

чуждашцахъ , болѣ или менѣе приближающа къ рѣчи. Арія , хоры , финалы , дуэты , мерцесы , квинтесы и ш. п. , равно какъ увертюры , интродукціи , ризорнеан и пр. принадлежатъ уже совершенно музыкѣ.

„Само по себѣ разувѣется , что дѣйствія , пребывающія усилій геройской воли , въ бореніи со вѣдшимъ могуществомъ , снѣмъ же чужды Оперѣ , какъ и шѣ , кои въ постепенномъ своемъ развитіи достигаются болѣе разумнѣемъ , нежели фантазіей , какковы , напр. всѣ сюжеты , запутанные и комическіе...“ Въ ошвѣтъ на это можно было бы Сочинителю представить цѣлый каталогъ Италіанскихъ , Французскихъ и Нѣмецкихъ. Почти всѣ Оперы Монаспазіо , Кинко (Quinault) и Жун суть героическія , такъ какъ и многія изъ новѣйшихъ ; Il Barbieri di Seviglia , Le Nozze di Figaro , Il matrimonio segreto , Le Cantatrice villane и множество другихъ , извѣстныхъ у Италіанцевъ (изобрѣтателей Оперы) , подъ именемъ Opera Buffa — суть Оперы Комическія. Спросимъ : на чемъ же основываясь , Сочинитель Опыта соснавилъ свое ограниченіе предмета Оперы ? — Онъ говоритъ далѣе , что Опера „шѣмъ охотнѣе заимствуетъ свои идеалы изъ романтическаго міра боговъ и геніевъ ;“ а сихъ-ицѣ именно Оперѣ такъ мало , что онъ даже

не могутъ итти въ счетъ. Въ теоріи Изыч-ныхъ Искусствъ, большинство голосовъ или мнѣній должно замѣняться большинствомъ отличныхъ произведеній; следовательно, малое число единицъ не можетъ имѣть перевѣса надъ сотнями и даже тысячами.

„Поэзія въ Оперѣ назначаетъ дѣйствіе, которое, совершаясь когда либо, совершаешься и гдѣ либо...“ Какъ будто въ одной Оперѣ! Не то ли же самое должно разумѣть и вообще о всѣхъ драматическихъ сочиненіяхъ? „Перемѣщать Оперу изъ края чудеса въ отношенія *гражданской* жизни, всегда прозаическія, значить изъ родины переселять ее на чужбину. Опъ того самое пѣніе здѣсь, *кажется*, не у мѣста: ибо гармонія и мѣра сославляютъ существенный языкъ такихъ вѣрныхъ существъ, каковы боги, высшіе духи и жители Золотога вѣка.“ Кажется! Но на что снова должно отвѣчать цѣлымъ каталогомъ Оперъ: пусть бы Сочинитель Опыта самъ ошмѣнилъ въ немъ, во многихъ ли Операхъ дѣйствующи баснословные боги, духи и жители Золотога вѣка?

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)



ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Обозрѣніе отличнѣйшихъ сочиненій, появившихся во Франціи въ теченіе 1824 года.

(*Продолженіе.*)

Вопы краткій *маршрутъ* путешествія, предпринимаго для открытій, перваго, въ коемъ всѣ наблюденія и изслѣдованія по части Наукъ поручены были однимъ морскимъ офицерамъ.

Чтобы почувствовать всю цѣну сего сочиненія, надлежитъ обратить вниманіе на то, что въ различныхъ его отдѣленіяхъ заключаются замѣчанія о *видѣ Земнаго Шара*, изслѣдованномъ съ помощію четырехъ неизмѣнныхъ стѣнныхъ часовъ, сдѣланныхъ Гг. Брегешомъ и Форшеномъ; о законахъ *магнетическихъ явленій*, конхъ теорія, по увѣренію Академіи, весьма усовершенствована экспедиціею; о *мореплаваніи* и *Гидрографіи*, обогащенныхъ значительными поправками и любопытными открытіями; о *Метеорологіи*, поясненной множествомъ новыхъ наблюденій; о *Зоологіи*, которой атласъ будетъ содержать рисунки 254 живошныхъ и ана-

шомическихъ частей, въ числѣ коихъ 227 новыхъ породъ; о *Ботаникѣ*, которая также приобрѣла около 1800 новыхъ породъ; наконецъ о *норрчіялахъ дикарей*, коихъ знаніе столь важно для совершенія большихъ историческихъ трудовъ.

Исторія путешествія содержилъ въ себѣ вмѣстѣ и исторію странъ, посвященныхъ экспедиціею; картами и живописные рисунки украшающъ сей совершенно національный памятникъ; ибо все сдѣлано въ немъ одними Французскими Художниками.

На ряду съ описаніемъ сего путешествія должно поставитъ переводъ съ Англійскаго двухъ *Путешествій*, предпринятыхъ по повелѣнію Англійскаго Правительства, одного на сухомъ пути, подъ управленіемъ Капитана Франклина, другаго моремъ, подъ начальствомъ Капитана Парри, для обширнаго проѣзда изъ Атлантическаго Океана въ Тихое море.

Успѣхъ экспедиціи Капитана Парри въ 1819 году извѣстенъ. Хотя путешествіе сіе было безуспѣшно въ отношеніи къ обширнѣе значащаго проѣзда, но оно не осталось безъ пользы для Англій, распространявъ рыбную ловлю ея и познакомивъ ее съ полярными странами; и хотя казалось, что она завалилась въ успѣхъ, по ея, въ опи-

крѣпкимъ провозда, но Англійское Министер-
 ство, говоришь въкоторый Писатель, съ
 уиорешивомъ, весьма рѣдкимъ, когда предпрія-
 ния спобѣить большихъ издержекъ, повелѣло
 не только предпринять новую экспедицію,
 но и двѣ, долженствовавшія спремившася къ
 одной цѣли. Одна, на сухоиъ пуши, была
 поручена Капитану Франклину, другая, по-
 ремь, вѣрена была управленію Капитана
 Парри, едва лишь окончившаго пушеше-
 ствіе, служившее вѣрнымъ доказательствомъ
 мужества и способностей его. Капитанъ
 Франклинъ, доплывъ до западнаго берега Гуд-
 сенова залива, направилъ пушь свой къ той
 точкѣ сѣвернаго берега, гдѣ Гирнъ открылъ
 въ 1772 году устье рѣки *Мѣдныхъ рудъ*;
 онъ увѣрился, что сіе устье находится
 почти въ морѣ, а не въ озерѣ, и посѣщилъ
 часть берега на плохомъ суднишкѣ. Если бы
 крайняя суровость климата и еще жесто-
 чайшій голодъ не понудили его къ возвраще-
 нію, по ему надежало, сухимъ ли пушемъ,
 или моремъ, слѣдовать по сему берегу, от-
 клоняясь къ востоку, и искать прохода къ
 Атлантическому Океану; между тѣмъ какъ
 Капитанъ Парри, плавя съ проливной сно-
 ромъ, долженъ былъ искать пути къ запад-
 нымъ морямъ и слѣдовать вдоль того же
 берега до точки, открытой Гирномъ или

даже, если взмемши, и до морей Азійскихъ. Но въ то самое время, какъ два бѣдствія обращали вспять Капитана Франклина, Капитанъ Парри, пробывъ 29 мѣсяцевъ въ моряхъ, гдѣ льдины никогда не плаваютъ и движущаяся только въ теченіе 7 или 8 мѣсяцевъ, возвратился въ Англію, не найдя ни пуха ни морю, въ коцоромъ находилась устье рѣки *Мѣдныхъ рудъ*.

Сочиненіе сіе, плодъ двухъ экспедицій, не упоминаетъ еще ни о разрѣшеніи великой задачи, ни объ открытіи омысливаемаго проѣзда; но содержишь въ себѣ множество подробностей любопытныхъ для людей свѣдѣющихъ и занимаемыхъ для ученыхъ. Повѣствованіе пѣсеходства Капитана Франклина содержишь въ себѣ рассказъ о бѣдствіяхъ, ушомленіи и опчаяніи, едва воображаемыхъ. Капитану Парри впрочемъ не удалось проникнуть въ Подлярное море; но онъ учинилъ столь важныя открытія, что по нимъ можемъ начертывать новую карту онаго; Геодезію и царство животныхъ обогатилъ онъ новыми замѣчаніями; нашелъ на горѣ, на возвышеніи ста фушовъ отъ поверхности моря, цѣлый островъ кнѣжа. Наконецъ онъ сообщилъ важныя для Исторіи рода человеческого свѣдѣнія о неизвѣстныхъ еще народахъ Эскимосовъ.

Сколь ни занимательны сѣ путешествіи, но они не столько, можешь быть, обращали на себя вниманіе, какъ путешествія Г. Молліена, Капишана Галла и пр., и по весьма естественной причинѣ. Вся любознательность познакомится съ зрѣлищемъ сей великой борьбы, окончаніе коей должно вѣнчать столь значительное вліяніе на судьбу свѣта. . . . Первое изъ нихъ (*Путешествіе въ Колумбію*, 2 части въ 8) наполнено любопытными подробностями, новыми извѣстіями и важными документами. Оно обнимаетъ слишкомъ много предметовъ, чтобы возможно было предсказать здѣсь разборъ оныхъ. Вышедъ на берегъ въ Карпагенъ, Г. Молліенъ поднялся вверхъ по долинѣ Св. Маргалиты; онъ провелъ изсловако времени въ Санша-Фе-де-Воготъ, столицѣ Колумбіи; подивившись Теквендамскому водопаду, одному изъ удивительнѣйшихъ въ мірѣ, онъ посѣтилъ Сокорро и древнее Кондинамарское Королевство, стоило извѣстнее въ Мексикѣ; оттуда возвратился въ Боготу; путешествовалъ въ Попаянъ, входилъ на Пирассейскую реку, плавалъ по быстрой Каудѣ и по опаснѣйшей ездѣ Дагъ, посѣтилъ Санъ-Вувнавеншуру, гавань Тахаго моря, находящуюся въ пренебреженіи, хотя

она весьма важна для торговли; попомъ она описываетъ область Шоко, изобилующую золотыми рудниками, и обитаемую бѣднѣйшими жителями; достигаясь Панама, которой одно имя возбуждаетъ любопытство; перѣзжаешь чрезъ перешеекъ; изъ Шагреса отправляешься въ Ямайку, и возвращаешься во Францію, коснувшись Фальмута.

Описание климатовъ, странъ, различныхъ поколѣній, въ оныхъ обитающихъ, вліянія революціи на нравы, весьма поучительно и представляетъ картину богатую, разнообразную и свободную отъ всякаго пристрастія, отъ всякаго предубѣжденія, качество драгоценное въ путешественникъ!

Путешествіе (переведенное) Капитана Галла въ Хили, Перу и Мексику, въ теченіе 1820, 1821 и 1822 годовъ, предпринятое по повелѣнію Правительсва, сообщаетъ о Хилійской, Перуанской и Мексиканской революціи и о начальникахъ оной историческія свѣдѣнія, съ политическими и торговыми докуменшами. Капитанъ Галль, человекъ умный и хорошій наблюдатель, говоритъ, что народы сіи не имѣютъ никакого понятія о гражданской свободѣ. Впрочемъ онъ сожалеетъ о несчастіи Испанцевъ, замѣшанныхъ въ сію борьбу, и почиаетъ ихъ, въ нравственномъ отношеніи, сполна-

ни гораздо выше природныхъ тамошнихъ жителей. Сіе сочиненіе умножитъ гидрографическія свѣдѣнія любопытными спашьями о берегахъ Южной Америки, начиная съ мыса Горна до Мексики. Въ печеніе одного года, оно имѣло въ Англіи, при изданіи.

Исторія. — Число произведеній въ семь родѣ, изданныхъ въ 1824 году, превзошло число историческихъ швореній, вышедшихъ въ свѣтъ въ предъидущіе годы, и ревность Писателей едва могла удовлетворить жаждности читателей. Нѣсколько обширныхъ сочиненій, *Собраніе записокъ, касающихся Исторіи Франціи*, начашое Г. Пепишомъ, таковое же *Собраніе* Г. Гизо, *Національнныя описанія*, собранныя Г. Бюшономъ, *Записки, относящіяся къ Исторіи Революціи*, изданныя Гг. Барриеромъ и Бервильемъ, свидѣтельствуютъ, что любовь къ изслѣдованіямъ историческимъ и преимущественно относящимся къ Исторіи Франціи, (что доказывается большимъ числомъ (265) относящихся къ оной швореній), ежедневно увеличивается; но люди, занимающіеся Исторіею, не все согласуются въ образѣ изложенія оной. Здѣсь, какъ и въ Поезіи, мнѣнія различны: одинъ утверждаетъ, что Исторія должна быть проста, безъ украшеній, какъ Иродотовъ; другой предпочитаетъ

Подробность и красноречивый слог Титъ Ливіа; претій желалъ бы ограничить ее одними сухими происшествіями, какъ у Свешонія и льшописцевъ среднихъ вѣковъ; четвертый говоритъ, что Тацитъ и Моншескье кажутся образцами; отъ конхъ писатель съ дарованіемъ не долженъ отступать ни на шагъ: подобно имъ, онъ долженъ изображать и времена и людей, изыскивать причины происшествій, выводить изъ оныхъ заключенія, извлекать наставленія и озарять путь читателя свѣтильникомъ крипки исторической. Что до насъ касается, то намъ кажется, что въ Исторіи, какъ и въ Поэзіи, есть одинъ только хорошій способъ, шить, который поучаетъ, занимаетъ и шрогаетъ. Все знаменитые Историки, древніе и новѣйшіе, имѣютъ особенный характеръ свой: Иродотъ и Фукидидъ, Титъ Ливій и Саллустій, Тацитъ и Плутархъ, Юмъ и Робертсонъ, Ричардсонъ и Маріана, Фруассаръ и Мезере, Боссюэтъ и Ролленъ, Вершо, Вольтеръ и Моншескье отличаются одинъ отъ другаго образомъ изложенія и слогомъ своимъ: Порядокъ и ясность, истина происшествій и выраженія, точность сужденій и добросовѣстность — вотъ качества, необходимыя для каждаго Историка. Что касается до способа изложенія, то пусть каждый Писатель

избереть особенный, ему одному свойственный, — нѣмъ богаче будетъ историческая Литераатура. Если смотрѣшь съ сей точки зрѣнія, то она никогда не была столь богата, какъ нынѣ. Важнѣйшія произведенія сего года представляющъ разнообразіе въ выраженіи, вкусѣ, слога и мнѣніяхъ; примѣровъ сему не найдемъ ни въ какой другой книгѣ. Довольно упомянушь о заглавіяхъ нѣкоторыхъ изъ сихъ произведеній.

Исторія Италіи съ 1789 до 1814 года, соч. К. Бошмы (5 частей). Обширная картина, написанная широкою кистію. Писатель краснорѣчивымъ слога описываетъ походы Французовъ въ Италіи: онъ доказываетъ, что изъ всѣхъ нововведеній, замысленныхъ или совершенныхъ духомъ революціи или побѣды, для сей прекрасной страны произошло одно пришествіе и бѣдствіе народовъ. Сочинителя упрекають въ томъ, что онъ слишкомъ распространяется въ рѣчахъ, въ разсужденіяхъ, въ ошступленіяхъ. Но это образъ изложенія Фукидида и Тита Ливія.

Исторія преобразованія новой Греціи, соч. Пукевля, Автора *Путешествія по Греціи* (4 части въ 8. Пармѣ, Май). — Занимательное описаніе первыхъ покушеній въ пользу независимости Греціи. Любопыт-

ныя извѣстія о дѣйствовавшихъ лицахъ и ихъ дѣяніяхъ. Но послѣднія провѣщенія представляють столько опущеній и немотивности, что цѣлое сочиненіе не имѣетъ историческаго достоинства.

Исторія Национальнаго Конвента, соч. К. Ла Крепеля (IV часть *Исторіи Французской революціи*.) — Образецъ классическаго слога, но сильно окришкованный за совершенно невыгодное мнѣніе о революціи.

Исторія Французской революціи, съ 1789 до 1824 года, соч. Г. Минье (1 часть въ 8).

Исторія Французской революціи, соч. Г. Тирса, (часть III и IV),

Сія два сочиненія написаны въ духѣ совершенно противномъ тому, который водилъ перомъ Лакрешеля. Но мнѣнію перваго изъ сихъ двухъ Писателей, революція была необходима: опъ того-то онъ часпа смѣшиваесть революцію съ мажежниками, ошибки, проступки и преступленія съ временными потребностями. Но онъ сильными и высокими чертами изобразилъ нѣкоторыя характеры, какъ-то Робеспьера, котораго можно назвать представителемъ ужаса. По словамъ Г. Минье, революція кончилась 18 Брюмера, и онъ едва наполнилъ нѣсколько страницъ повѣствованіемъ о походахъ, ко-

нхъ слава столь многихъ ослабила, ушѣшила и обманула. Новая черта благоразумія: онъ предоставилъ шрудъ сей Писателю, каковы Генералы Дюмаъ и Жомини; его дѣло было соразмѣрить сію частъ съ цѣлымъ твореніемъ, дабы сохранилъ характеръ онаго и соотвѣтственность частей.

Исторія Г. Тіера, написанная въ помятѣ духъ, но просираніе Исторіи Г. Миье. Здѣсь находимъ живость въ разказъ, силу въ изображеніи, разнообразіе въ картинахъ; Сочинитель перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому съ рѣдкою гибкостью. Онъ не одобряетъ ужасовъ, которые вредили дѣлу Франціи. Говоритъ, что должно предоставить молодымъ людямъ писать Исторію революціи; но найдутъ ли они въ запискахъ или словесныхъ преданіяхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на театрѣ революціи, нѣ чувства, нѣ впечатлѣнія, которыя она оставила въ душахъ людей, кои были или жертвами, или свидѣтелями оной?

Исторія Герцоговъ Бургундскихъ изъ дома Валоа, съ 1364 до 1477 г. (Часть I, II, III и IV.) — Вошь одна изъ книгъ, которыя составляютъ эпоху и даже революцію въ Литературѣ! Въ предисловіи, которое само собою составило бы превосходное сочиненіе, Авторъ распространяется о

предметъ, котораго мы касаемся здѣсь въраща-
 цѣ. Онъ замѣчаетъ, что Французскіе Истори-
 ки не умѣли придашь довольно привлека-
 тельности повѣствованіямъ, сочиненнымъ
 ими на основаніи подлинныхъ документовъ,
 между тѣмъ, какъ въ сихъ самыхъ докумен-
 тахъ находится такая особенная прелесть
 простодушія и искренности, которая цѣплетъ
 любопытство читателя. Ему кажется, что
 большая часть Писателей двухъ последнихъ
 столѣтій изказили Исторію непопулярною
 снисхожденіемъ или излагали свои мнѣнія,
 вмѣсто того, чтобы рассказывать проис-
 шествія, и представляли историческія ли-
 ца, съ обычаями и нравами ихъ времени.
 Всеобщее предпочтеніе, являясь, съ кото-
 рою публика принимаетъ собранія записокъ
 и древнія рукописи Франціи убѣдили его,
 что Исторія, сочиненная по симъ матеріа-
 ламъ, съ простотою современныхъ изданій,
 будетъ заключать въ себѣ картины вѣр-
 нѣе, живѣе изображаемыхъ сухою крипикою
 и орашорскою пышностью подъ перомъ Пи-
 сателя, который выходитъ на сцену самъ
 вмѣсто своего героя. Самъ Г. Барантъ на-
 чалъ писать свою Исторію по симъ прави-
 ламъ, и она отъ того получила совершенно
 новый видъ: блистательный успѣхъ увѣчалъ
 его предпріятіе.

Предметъ его, благоразумно избранный, объемяетъ эпоху, можетъ быть, занимающую въ нашей Исторіи. Онъ заключается между двумя сраженіями, при Пуатье, въ которомъ сражался и былъ раненъ подлѣ лица своего Филиппъ Смѣлый, первый Герцогъ Бургундскій изъ дома Валоа, и бисповоу три Нанси, въ которой былъ убитъ Карлъ Дерзкій, послѣдній Герцогъ сего поколѣнія. Сія Исторія начинается и оканчивается, какъ эпическая Повесть; она вся наполнена удивительными приключеніями и лицами, пріобрѣтшими романтическую извѣстность. Въ ней по порядку выходятъ на поприще, Карлъ V и Дюгекленъ, Эдуардъ III и Черный Принцъ, Карлъ VI и Изабелла Баварская, Генрихъ V и братья его, Карлъ VII, Агнеса Сорель и Дѣва Орлеанская, Ричмондъ, Таальбошъ, Лагиръ, Сенпраль и Дюнуа. Она начинается прекращеніемъ феодальной системы, послѣдними временами рыцарства, рожденіемъ промышленности, первыми лучшими просвѣщенія, первыми и донынѣ продолжающимися борьбами демократіи съ аристократіею. Она ведетъ читателя вслѣдъ за войнами Фламандцевъ съ ихъ Герцогами, за такими важными междуособными войнами, за возмущеніями, убійствами и тысячами бѣдствій, происшедшими отъ соперничества

Бургундскаго и Орлеанскаго домовъ, и воста-
навливаетъ его въ ту минушу, въ которую
Французская Монархія, слити расприами при-
веденная на край гибели, встанетъ въ но-
вомъ блескѣ и съ новою силою; и когда вео-
длиннѣ упадетъ къ емонимъ единствен-
наго лица въ нашихъ лѣтописяхъ, Людовика
XI; здѣсь, по словамъ благоразумнаго Писа-
теля, у котораго мы заняли сію картину,
„Исторія Герцоговъ Бургундскихъ остав-
ляетъ читателя на предвѣяхъ новаго міра.“

Ни одна эпоха не представляетъ болѣе
пределии и занимательности, а къ болѣе-
му счастью Писателя, избраннаго оную, ни
одна не изобилуетъ такими множествомъ
драгоценныхъ документовъ. Какое богатство
современныхъ записокъ! Авторъ снѣло под-
держиваетъ впередъ, опираясь съ одной сторо-
ны на Фруассара, съ другой на Филиппа де
Комина: они съ престою и вѣрностію
изобразили великія происшествія; какъ
были свидѣтелями.

На нихъ-же, кажется, Г. Барантъ пре-
внуцественно обратилъ свое вниманіе, раз-
смащивая сей столь занимательный пері-
одъ нашей Исторіи. Не пользуясь легкимъ
искусствомъ употреблѣнныи устарѣлыми рѣче-
ніи древнихъ вѣковъ, онъ умѣлъ сохранить
въ светлѣй расказъ словъ, въ свохъ лицахъ

характеръ того времени. Онъ не шокуешь, а рассказываетъ, и изъ его повѣствованія происекаютъ шкъ не менше разительныя политическiе и нравственныя уроки для Правителей и народовъ. Въ четырехъ первыхъ частяхъ особенно достойны удивленiя повѣсти о Фламандскихъ войнахъ между дворянствомъ и гражданами, окончившихся или по крайней мѣрѣ, на время прекращенныхъ Разбекскою битвою, Ваперлооскимъ сраженiемъ для Фламандскихъ гражданъ; рассказъ о сумасшествiи Карла VI, къ коему Авторъ умѣешь вселить въ читателя участiе и сопереживанiе, и описанiе двухъ убiйствъ, истощающихъ подожку ужасовъ и бѣдствiй. Правда, что рассказъ подлинниковъ представляемый въ Исторiи въ сокращенномъ видѣ, мѣстами слишкомъ длиненъ; но цѣлое, лучше всякой диссертацiи, служиши къ показанiю происшествiй, нравовъ и лицъ того времени. Удовольствiе, ощущаемое при чтенiи сей книги, есть сильнѣйшее одобренiе новой или возобновленной метода, которую Г. Баранцъ хочешь ввести въ нашу Словенность.

Исторiя Англiйской революцiи 1688 года соч. Г. Мазюра, главнаго Инспектора училищъ (3 части, въ 8). Въ предварительномъ разсужденiи Авторъ объявляетъ, что

онъ вознамѣрился написать сіе сочиненіе на такую эпоху, когда, какъ никогда во времена Директоріи, Консульства и Имперіи, слова начали высказывать сравненія между Англійскою и Французскою революціями, дабы изъ оныхъ вывести бѣдственное заключеніе, „что оба преобразованія будутъ имѣть одинаковый конецъ.“ Ошибочность сего сравненія и заключенія Г. Мазюръ старается доказать въ своемъ сочиненіи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ ясно показываетъ различіе между обѣими революціями и обѣими возстановленіями. Онъ замѣчаетъ, что Король, братъ Лудовика XVI, началъ возстановленіе тамъ, гдѣ оно окончилось въ Англии. „Французская Хартія не пережила бы Ватерлооскаго сраженія,“ говоритъ онъ: „если бы она была бѣдственнымъ обманомъ, подобно постановленію, изданному въ Бредѣ!“ Сіе различіе неоспоримо представляется глазамъ нашимъ; оно повсюду явствуетъ изъ книги Г. Мазюра, превосходнаго шворенія исторической криптики, написаннаго съ важностію, свойственною оному роду сочиненій, наполненнаго документами, донинѣ неизданными, рѣдкими и почерпнутыми изъ лучшихъ дипломатическихъ источниковъ; но разсматривая оное какъ Исторію, не лзя не показать, что Авторъ, по неволѣ придерживаясь принятой

ийъ однажды системы, впадаетъ въ мощъ способъ изложенія, которъй, какъ выше упомянуто, подвергся порицанію Г. Баранша: онъ разсуждаетъ болѣе, нежели рассказываетъ, и часто выходитъ на сцену самъ вмѣсто героевъ своихъ. Онъ слишкомъ яри-дѣпляется къ тому, что можешь научить, и пренебрегаетъ тѣмъ, что можешь пронуть читателю.

Исторія Наполеона и великой арміи въ печеніе 1812 года, соч. Генерала Графа Сегюра (2 части въ 8.) — Изъ всѣхъ историческихъ поврѣній изданныхъ въ свѣтъ въ продолженіе полу-столѣтія, сіе можешь быть, заслуживаетъ наибольшее вниманіе, по важности происшествій, по величю характеровъ и по достоинству слога пламеннаго и исполненнаго жизни.

Новыя записки, служація къ дополненію Исторіи революціи, умножили собою богатства наши въ семь родъ. Записки Тибодо, Члена Конвента и Государственнаго Совѣтника во время Имперіи, Графа Іосифа Пюжизе; Госпожи Сапино и Генерала Тюрро о Вандейской войнѣ; Доктора Антеммарки о пребываніи его на островѣ Св. Елены; Записки Фуше, можешь быть, подложныя, но тѣмъ не менѣ написанныя въ его духъ; а преимущественно *Рукопись 1813 года*, сочи-

пенная Г. Феномъ, доставляшь драгоценныя матеріалы для Исторіи.

Романы. Переходъ ошъ Исторіи къ Роману естественъ; творенія Вальшера Скоцша къ сему способствуюшь. Неисшощное воображеніе его произвало еще твореніе, которому трудно назначишь мѣсто, если не причислишь его вообще къ произведеніямъ изящнаго рода. Въ *Редгаунтлетѣ* снова предсшавляющся всегда повшоряемыя и всегда новыя картины междуособныхъ войнъ Англіи съ Шотландією; но краски, изображающія дѣло Шуаршовъ, менѣе располагають въ ихъ пользу. *Редгаунтлетѣ* принадлежишь къ семейству, которое въ шеченіе многихъ вѣковъ и какъ бы по нѣкоему предопредѣленію, въ междуособныхъ распряхъ придерживалось шой паршій, которая должна погибнуть. Отець его окончилъ дни свои на вшафощъ за учасшіе, приняное имъ въ возмущеніи 1745 года. Дядя и опекунь его, *Геррисъ Редгаунтлетѣ*, былъ изгнанникомъ, и маишь самого героя Романа скрыла его въ безвѣсшномъ уголкѣ Шотландіи, подложнымъ именемъ, дабы шѣмъ удалишь его ошъ поисковъ дяди, коего всѣ желанія клонились къ шому, чшобы сдѣлалъ его орудіемъ своего мщенія. И такъ все дѣйствіе Романа состоишь въ усидіяхъ Герриса овла-

дѣти племянникомъ своимъ , подѣ предводителемъ своемъ кошораго , а не иначе , сшарие вассалы дома Редгауншашевъ гошovy возстаишь въ пользу Сшуаршовъ. Здѣсь историческое дѣйствіе иногда останаваливаемо въ ходѣ своемъ романшическими приключеніями , и въ сѣмъ отношеніи новое твореніе сіе цѣнипся иже предшесствовавшихъ оному изящныхъ произведеній Вальшера Скопша. Однако же и въ немъ находятъ шу же прелестъ и разнообразіе въ подробностяхъ ; то же изображеніе характеровъ и свойственное сему Писателю искусство удерживать читателя въ ожиданіи , и переходя отъ одного происшествія къ другому , доводитъ до развязки , увлекаая его слогомъ , исполненными природы , жизни и огня.

Подражаніе сему роду Романовъ во Франціи не имѣло счастливаго успѣха. *Ислоръ* или *Христіанскій Бардъ*, Г. Салванди, *Иновѣмка*, Г. Арленкура, и *Послѣдній изъ Бомангаровъ*, Г. Керашри были благосклонно приняты публикою; но въ сѣхъ произведеніяхъ недостаетъ пламени генія , пишанаго ученостію. Вообще , Французскому духу болѣе свойственно замѣчать сѣзшное въ иишнемъ обществіи , и предшавлять впечатлѣнія на чувства , нежели изображать сшрашн исторического характера. Такъ , напри-

яръ, мы по справедливости можемъ гордиться прѣмя новыми Романами; изображающими нравы наши съ большою истиннось въ наблюденіяхъ; сіи сочиненія суть: *Урика*, соч. Герцогини Д....., *Сутки чувствительной женщины*, соч. Графини Сальмъ, и *Жизель революціи* или *Исповѣдь Лаврентія Жиффара*, соч. Г. Пикара. Въ первомъ изъ сихъ Романовъ, маленькая негринка, воспитанная въ домъ супруги Маршала Б., принимаетъ обычаи и вкусъ большаго свѣта, и чувствуетъ нѣжную склонность къ сыну Маршала. Урика безъ опасенія наслаждалась счастьемъ своимъ, когда разговоръ, услышанный ею, открываетъ ей, что она, въ глазахъ общества есть существо низкое и презрѣнное. Тотъ, котораго она любитъ, не подозрѣвая въ ней чувствъ, внушенныхъ имъ, и не помышляя, что онъ тѣмъ можетъ крайне огорчить ее, въ глазахъ ея женится на дѣвицѣ своего званія. Вѣдая Урика, съ сей минуты осиротѣвшая въ мірѣ, для нея чуждомъ, впадаетъ въ отчаяніе. Нельзя безъ состраданія читать пренестетическихъ изъ сего положенія разительныхъ сценъ; наконецъ она находитъ утѣшитель въ иудаизмѣ, и посвящаетъ Богу дни, которымъ суждено не найши счастья въ семъ мірѣ.

Сіе небольшое изящное произведеніе вкуса, ума и чувствительности, издавное сначала въ 12 экземплярахъ для друзей Социнистельницы, въ послѣдствіи продаваемо было тысячами въ пользу Божоугоднаго заведенія: добрымъ дѣломъ увѣнчалось превосходное твореніе. Содержащееся въ ономъ предисловіе было представлено на нѣсколькихъ Театрахъ; но Урика, лишенная прелестьи, коцнорую придавалъ ей слогъ Г-жи Д... не могла удержаться на сценѣ.

Сутки чувствительной женщины написаны совершенно въ иномъ родѣ. Вся буря, коцнорая ревность можетъ возбудить въ сердцѣ, подвасннгомъ любви, и весь пламень снрасшей изображены въ семъ Романѣ съ изысканіемъ выраженія, къ коцнорой способно одно только перо женщины.

Третій Романъ, *Жилбазъ революціи* или *Исповѣдь Лаврентія Жиффара*, сочиненъ Г. Пикаромъ. По заглавію и по имени Автора видно, что онъ ищетъ предметомъ нравы. Держась своего предмета, и слѣдуя внушенію своего наблюдательнаго генія, Пикаръ представляешь въ твореніяхъ своихъ опредѣленную нравственную цѣль. Онъ списываетъ порицательныя съ людей своего времени, и не щадитъ ни смѣшной ихъ спорокъ, ни пороковъ. Разказъ его, иногда многорѣчивый, всегда остроу-

мень и машурааень. Его характеры имѣють иногда опшѣвымъ мѣстцаднѣго, но они всегда смѣшны и истинны. Новымъ притворомъ по-му служиць Лаврентій Жиффарь. Будучи парикмахеромъ въ началѣ революціи, онъ придерживаеця всегда мнѣнія того, кого убираець; онъ посѣщаець клубы обшѣхъ паршій; спановицься пѣшомъ комедіантомъ, эмигрантомъ, провіантскимъ чиновникомъ, доснавшникомъ, мужемъ Аксприсы, и по ея ходашайству, членомъ пашисеопнаго Совѣта; разорившись, являеця придверникомъ, адьютантомъ національной гвардіи, герольдомъ на Майскомъ полѣ, коншорнымъ прислужникомъ, приемщикомъ билетовъ яри входѣ въ маленькій Театръ, словомъ, онъ испытываець всѣ званія, и не успѣваець ни въ одномъ. Наконецъ, прошедъ всѣ низшія еосшоянія обществя, Жиффарь починаець за счастье, что его принимають въ богадѣльню, гдѣ онъ однако же не переснаець чышань мораль и философшвовань.

Посреди сихъ превращеній Жиффара, Авшоръ разбросалъ нѣсколько приключеній и характеровъ, которые привлекають вниманіе чышашеля болѣе, чѣмъ главное лице. Нѣкошорые находашь, что пишуть Жиффара показываець изливнее его чешполубіе. Въ самомъ дѣлѣ онъ болѣе Фигаро, чѣмъ Жил-

блязь; однако онъ шѣмъ не менѣе заслужилъ благосклонный пріемъ, которымъ былъ обрадованъ при появленіи въ свѣтъ, истинною портретовъ своихъ, колкими сравненіями, всырѣчающимися у него на каждомъ шагу, и проситою слога, всегда легкаго, правильнаго и забавнаго. Въ нынѣшнее время должно имѣть весьма много смѣлости, даже и Академику, чшобъ вопрошившись вліянію дурныхъ правилъ, которыя вшоргаются въ предѣлы Литературы.

Поэзія. Три новыя Элегіи (Messeniennes) Казимира Дедавіня, Посланіе де Ламартина къ сему Повшу, и ошѣвъ его; нѣсколько посланій Виенне; нѣсколько новыхъ Одъ Виктора Гюго; *Каледонія*, Поэма въ 12 пѣсняхъ, Августа Фабра; другая Поэма въ 6 пѣсняхъ, Ле-Преве д'Ире, подъ заглавіемъ: *Вандейская война*; нѣсколько замѣчательныхъ піесъ изъ числа появившихся въ свѣтъ по случаю кончины Лудовика XVIII; Элегіи Казимира Делавіня на смерть Лорда Байрона; посланіе Делауша къ Шатобріану и преимущественно *Питическіе опыты* дѣвицы Дельфины Ге: вопъ все, чшо Французская Муза предспавляетъ достопримѣчательнѣйшаго изъ числа шести сошъ спашей, соспавляющихъ спихошворную шашву 1824 года; и между ими еще есть нѣсколь-

ко попорченныхъ иноземныхъ произведеній, кошорья очищенный вкусъ могъ бы остано-
 новить на заславъ пійшической шаможи.
 Споръ Классиковъ съ Романпиками продол-
 жается уже десять лѣтъ, и доселѣ Роман-
 тики не дали яснаго опредѣленія *Роман-
 тизму*. Впрочемъ, споръ сей не превращит-
 ся, подобно распрѣ Глуккистовъ и Пичини-
 совъ, въ маленькую междоусобиую войну; онъ почши не переходить за предѣлы Ака-
 демій, Журналовъ и нѣкоторыхъ дружескихъ
 бесѣдъ: онъ служитъ развлеченіемъ для свѣп-
 скихъ и дѣловыхъ людей, и, что всего важ-
 нѣе, въ эпошѣ споръ не входящъ политиче-
 скія мнѣнія. И такъ, если выбирать, то
 онъ предпочтительнѣе многихъ другихъ.

Хотя пійшическій бюджетъ нашъ не
 короче обыкновеннаго, хотя Академическія
 засѣданія всегда находятъ слушателей; но
 должно признаться, что Спихошворцы по-
 пердали часть значительности своей въ пу-
 бликѣ, а Поэзія лишилась своего владыче-
 ства. Она должна, подобно Наукамъ, при-
 способиться къ полезнымъ Искусствамъ, къ
 потребностямъ жизни; должна прогашъ
 сердце, возвышашъ душу, бесѣдовать съ на-
 ми о настоящихъ нашихъ выгодахъ, или о
 судьбѣ будущей жизни нашей. Безъ суще-
 ственной пользы, нѣтъ успѣха; безъ сего

условія, прелестнішіє мадригалы не нахо-
дять болѣе мѣста въ *Календарь Музъ*; пи-
щическій даръ съ трудомъ проникаеть въ
публичку, если не является на драматиче-
скомъ поприщѣ; тамъ только три четвер-
ши публики узнають, что люди еще пи-
шуть стихи въ свѣтъ.

(*Окончаніе впродъ.*)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ВСЕРАДОСТНѢЙШІЙ ДЕНЬ
СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Гряди, Монархъ — намъ Богомъ данный,
Москву обрадуй Ты Собой!
Внемли народа гласъ оспрадный,
Онъ входъ благословяешь Твой! —
Къ Тебѣ — усердными сердцами:
Уже назначено судьбами, —
Въ сей день ошъ Бога воспріять
Тебѣ — корону, скиптръ, державу;
Облекнися въ Монаршу славу,
Царемъ — Ошцемъ народа сшашь.

Во храмъ — и старъ и младъ слышите !
 Молишесь съ радосной душой !
 И шамъ — колѣна преклоните,
 Съ сердечной искренной слезой.
 Предъ Тѣмъ, Кто правитъ небесами
 Единимъ сердцемъ и ушами
 Молитву теплую прольемъ,
 Да благость осѣнишь святая
 Ошца народа — Николая:
 Пославленъ Богомъ Онъ Царемъ.

Да будешь Богомъ Онъ хранимый,
 Среди цвѣшущихъ жизни дней
 Ко благу нашему въ Немъ зрими
 Тѣ доблести благихъ Царей,
 Петра Великаго — правдивость ;
 Екатерины — прозорливость,
 И Александра — крошкѣй духъ:
 Храните Россѣ долгъ священный
 Царю, закону будьте вѣрны ;
 Нашъ Царь — на тронѣ, правдѣ другъ.

А вы опорой будьте шрона,
 Вельможа, вождь, и судія !
 Вы есшь орудія закона ;
 На васъ обязанность сія ;
 Усердіемъ цвѣшешь Держава,
 Любовь народа, честь и слава ;
 Когда закона свѣшлый лучъ
 Коварной лещью не зашмишся,
 Невинность — правдой защишишся,
 И мракъ исчезнешъ грозныхъ шучъ.

Заслугъ прямое воздаянѣе —
 Упрека совѣсти не знаешь,
 Оно — есть лучшее спяжанье. —
 Оно лишь можешь возвышать
 На ту высоту степень славы,
 И съ пользою хранишь ушавы,
 Царю и Царству — вѣрнымъ бышь!
 Равно какъ предки наши были,
 Усердно какъ Царямъ служили,
 И мы клянемся шакъ служить. —

Тебѣ, Монархъ! да воскуришься
 Усердныхъ Россовъ ениамъ!
 Тобою счастье ушвердишься
 Обширнѣйшимъ Твоимъ спранамъ —
 Тебѣ подвласнаго полсѣвша
 Любовію къ Тебѣ согрѣна,
 Тебѣ оплошь соорудимъ,
 Но не гранишными спѣнами —
 А вѣрной грудью и сердцами,
 Монархъ! Тебя мы оградимъ.

Грени, шоржешвенна цѣвница,
 Среди Кремлевскихъ гордыхъ спѣнь!
 Ликуй шы, древняя столица!
 Съ началомъ счастливыхъ временъ —
 Взошла заря ужъ надъ шобою,
 Надежды лучъ блестящъ красою;
 Насшалъ Россіи вѣкъ злашой:
 Тобою будемъ мы счастливы,
 Монархъ нашъ крошкій и правдивый!
 Тебѣ мы преданы душой.

Евграфъ Трегубовъ.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

Я з ы к о з н а н і е.

154. *Славянская Грамматика, изданная Ивановъ Пенинскимъ. Изданіе второе, значительно исправленное и пополненное.* С. П. б. 1826, въ шип. Деп. Народнаго Просвѣщенія, въ 8, 239 стр.
(См. No 82 Сѣв. Пч.)

К р а с н о р ь ч і е.

155. *Слово къ православнымъ воинамъ на новый 1826 годъ.* С. П. б. 1826, въ шип. Юс. Юаннесова, въ м. 8, 31 стр.
(См. No 83 Сѣв. Пч.)

156. *Слово по случаю пренесенія чрезъ Новгородъ тѣла въ Бозь почившей Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Елисаветы Алексіевны, сказанное въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ Моисеемъ, Епископомъ Старо-*

русскимъ, *Викариемъ Новгородской Митрополитъ*, 9 *Юня* 1826 *года*. С. П. б. 1826, въ *шип.* К. *Края*, въ 8, 24 *стр.*

М е д и ц и н а.

157. *О пользѣ и предметахъ Военной Гигиены, или Науки сохранять здравіе военнослужащихъ. Сочинение М. Мудрова, Доктора Медицины и разныхъ Ученыхъ Обществъ Члена. Изданіе третіе, вновь пересмотрѣнное* М. 1826, въ *Унив. шип.*, въ 8, 67 *стр.*

(См. № 86 Съв. Пч.)

И с т о р і я.

158. *Исторія Иродотова, переведенная съ Греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ, съ примѣчаніями Переводчика. Часть I.* С. П. б. 1826, въ *шип.* Юс. Иоаннесова, въ 8, VII и 481 *стр.*

(См. № 90 Съв. Пч.)

И з я щ н ы я И с к у с т в а.

159. *Объ Искусствѣ и Художествахъ. Размышленія отшельника, любителя Изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. Переводъ съ Нѣмецкаго.* М. 1826, въ *шип.* Селивановскаго, въ 8, IV и 314 *стр.*

(См. № 95 Съв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. N° XV.



I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

М И Л Л И О Н Ш И К Ъ.

Второе отдѣленіе Повѣсти.

Много пошковади, много спорили объ исторіи, расказанной Совѣшникомъ Редерномъ. Хоша всѣ соглашались въ пошъ, что Морново презрѣніе къ людямъ и опсчужденіе ошъ нихъ, при всемъ его богатствѣ, было родъ мщенія прошиву свѣша, нехотѣвшаго уважать въ немъ душевныхъ достоинствъ его, или дѣйствіе страха, внушеннаго ему нравственною испорченностію бѣльшей части людей; что сѣдстввенно онъ пошому только пренебрегъ свѣшомъ, что свѣшь пренебрегалъ прежде имъ; хоша и въ пошъ почти всѣ согласились шакже, что Жанъ-Жакъ, сѣдлавшисъ и милліонщикомъ, все былъ бы и осмѣлся бы пошъ же самый Жанъ-Жакъ, — но во многихъ другихъ вещахъ была большая разногосица. Особливо же многіе защищали послѣдній поступокъ

Морна — его оплученіе опъ свѣта , жинье для самого себя ; другіе же напрошивъ называли это малодушіемъ и эгоизмомъ.

Споръ о помъ разгорячилъ многія головы.

„Кшо бы изъ насъ не поступилъ какъ Морнъ , имѣвъ его учась и попомъ богатство ево!“ — воскликнулъ одинъ молодой человекъ , заступникъ Морна: „Посмотрите на шолпу людей, опъ высшаго класса до низшаго — сколько въ нихъ презрительнаго! Какъ малочисленны благородномыслящіе , съ копорыми жишь можно , и копорые своихъ мелочныхъ видовъ не спавятъ выше всего во вселенной. Нъшь, право, еще помъ не еспъ человеконенавидецъ , кшо судишь о людяхъ шакъ, какъ они еспъ, и держишь себя въ почпительной опдаленности , дорожа покоемъ своимъ. Думаєте ли вы — я говорю о бôльшей части людей — чшобы кшо илбудъ любилъ другаго шакже, какъ самого себя? Думаєте ли, чшо васъ предпочитаютъ другимъ, уважая ваши добродѣтели , знанія , достоинства? — Нъшь, деньги еспъ главнѣйшая пружина въ гражданскомъ обществѣ , а если не онъ , шо самое превращенное понятіе о чести. Черезъ женщину , покровительство , интриги и духъ паршій наиболѣе достигающъ почестей : пошому-шо во многихъ мѣ-

спяхъ Германіи и разводился такъ много
 пустооголовой знати, а кто въ знати —
 тому вся прочая сволочь поклоняется уни-
 женно. Спросите, кто изъ нихъ всѣмъ сво-
 имъ добромъ, свою жизнь потерпѣваетъ
 на какое нибудь священное дѣло? — Почти
 все между людьми основано только на на-
 ружномъ видѣ и на обманѣ. Въ числѣ мил-
 ліоновъ едвали сошны найдется истинныхъ,
 неискаженныхъ, неприкрашенныхъ людей.
 Сознаемся мы теперь сами, точно ли мы
 всѣ, здѣсь собравшіеся, такими кажемся, ка-
 кими дѣйствительно знаемъ себя по совѣ-
 сти. — Вы, господа, смѣетесь, и считаете
 меня мечтателемъ, незнающимъ свѣта, по-
 тому что я молодъ. Но по тому самому,
 что я молодъ, и могу я лучше судить о
 людяхъ. Еще не исчезли во мнѣ принуди-
 денность и здравомысліе дѣтства, и они-то
 безпрестанно возбуждаютъ во мнѣ неприят-
 ныя чувства, при соотношеніяхъ съ свѣ-
 томъ, съ его формами, съ его кукольными
 комедіями, со всѣмъ его существомъ, въ ко-
 торомъ кипятъ всевозможныя страсти. Ко-
 гда я буду старѣе и многолѣтнею привыч-
 кою, такъ сказать, оботрѣю во всей этой
 полищической, моральной и всенепической
 превратности, тогда мое сужденіе не бу-
 деть уже такъ истинно и безкорыстно.

*

Дышей называютъ просподушными, потому что все, природою имъ данное, въ безпреспанномъ прошиворѣчїи съ принятыми, глупыми обычаями свѣша. Человѣкъ свѣшскій уже не можетъ бытъ просподушнымъ, или онъ будетъ кокещсцвовать, какъ пошлая красавица. Нейспорченый же юноша, когда онъ всццуаешь въ свѣшъ, похожъ на путешественника, прїѣхавшаго въ чужой край: тамъ, хотя и не съ большимъ умомъ, найдешь онъ всегда болѣе вещей чрезвычайныхъ, нежели шуземець, хотя бы даже послѣдній былъ величайшій геній.

Тутъ начались новыя споры. Мы всѣ разошлись, не согласясь другъ съ другомъ, а на савдующей недѣль, собравшись опять у Совѣшника Редерна, заговорили снова каждый свое.

Редернъ, не измѣняя своему характеру, держался во всемъ середины. Когда слышккомъ разшумѣлась бесѣда, онъ напомнилъ о вшорой исторїи, которую обшцалъ расказать намъ. Тогда вдругъ всѣ зашикли.

Е щ е М и л л і о н щ и к ѣ .

„Когда я — шакъ началъ Совѣшникъ — возвращался изъ Амстердама, куда ѣздилъ

для ускоренія плашежа за спроевой лѣсѣ, въ чемъ господа Голландцы дѣлали разныя запрудненія — у меня было очень весело на душѣ, пошому что все удалось сверхъ ожиданія. Я заключилъ новыя, очень выгодныя договоры о лѣсѣ, и радовался, что Правительство будетъ довольно моею посылкою, шѣмъ болѣе, что я и кой-какія другія порученія исполнялъ также съ желаемымъ успѣхомъ.

Но никакая радость не бываетъ чиста. Дорогою случилось со мною непріятное приключеніе. Недалеко отъ городка — какъ бишь! названіе вершился у меня на языкѣ, а не могу вспомнить. Ну, да намъ до того дѣла нѣтъ. Былъ вечеръ, и я въ новой своей коляскѣ подвѣзжалъ ужъ къ городку; почтальонъ гналъ прыпко. Я былъ радъ поскорѣе добраться до мѣста, чтобы отдохнуть. Всю прошедшую ночь провелъ я со своимъ старымъ Кунцемъ (слугею Совѣтника) въ дорогѣ.

Дорога къ городку была премерзкая. Вдругъ что-то хряснуло! Кунецъ, сидѣвшій на козлахъ, полетѣлъ внизъ, а я прыгнулъ съ своего мѣста и шакъ ударился головою въ спину кучера, что онъ очутился въ одно мгновеніе на землѣ между лошадыми. У коляски сломалась передняя ось и рессоры;

Кунцъ вывихнулъ себѣ плечо, а почпальонъ разбилъ носъ. Я ошдѣлялся однимъ страхомъ. Къ счастью, лошади были никакъ умны, что пошчасъ, при нашемъ паденіи, остановились. Мы съ трудомъ пошацились въ городокъ. Почпальонъ увѣрялъ, что коляска моя будетъ починена въ нѣсколько дней, если шолько я пошлю ее въ Гардъ, въ сторону отъ городка на милю разстоянія: — шамъ-де живешъ искуснѣйшій кузнецъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Когда мы добремъ до шракшира, намъ лучше сказано, когда ввели насъ въ какое-то шемное, грязное гнѣздо, я пошчасъ хотѣлъ посласть за карешникомъ и кузнецомъ; но и хозяинъ далъ мнѣ совѣтъ, чтообъ я пошлю свою коляску въ Гардъ: — шамъ-де живешъ карешникъ, какого и въ большихъ городахъ не найдешъ.

Кунцу доспалось порядочно. Мы думали сначала, что у него рука совсѣмъ переломлена; но пошомъ увидѣли, что она шолько вывихнута. Докшоръ изъ городка, человекъ очень старшій, сожалѣлъ, что шоварищъ его хирургъ умаръ шолько что на прошлой недѣлѣ, а самъ, какъ увѣрялъ, съ роду не брадса за никакія операции. „Всего лучше“ — сказалъ онъ: „если вы пошлете слугу свѣс-

го въ Гардъ. Тамъ живешь искусный Хирургъ.“

„Что жъ это за Гардъ?“ спросилъ я Доктора.

— „Деревня, съ милою ошелою.“

„Ощъ чего же здѣсь искусные карешники и хирурги живутъ не въ городкѣ, а въ деревнѣ?“

— „Тамъ у нихъ есть староста, большой выдумщикъ и сумасбродъ. Онъ собралъ тамъ всѣ ремесла, и чужь ли не хочешь изъ деревни сдѣлать городъ. Денегъ у него достало бы на то, правда; но онъ большой скупецъ. Впрочемъ имѣетъ и хорошия качества. Онъ миллионщикъ. Я его знаю очень хорошо, но не связываюсь съ нимъ. Онъ сумасбродъ.“

„Можешь бышь, тамъ есть и практиръ?“

— „Какъ же!“ — лучше здѣшняго. Тамъ есть какой-то минеральный источникъ, у котораго староста устроилъ купанье, и много съѣзжается народу. Но староста разорился въ конецъ. Онъ взялъ къ себѣ Доктора большого невѣжду, шарлатана и шуша, который съ утра до вечера болтаетъ гиль.“

Объ Докторѣ наговорилъ онъ мнѣ еще многое. Между прочимъ слышу, что въ Гардѣ и лучший хирургъ, и лучший карешникъ, и

лучшій пракширь; рѣшился я самъ проводить шуда Кунца и коляску свою.

На слѣдующее утро скрѣпили, какъ могли, коляску мою кольями и веревками, уложили въ нее Кунца, который цѣлую ночь проспирдалъ ужасно, и все это попелелось въ Гардъ.

Я велѣлъ показать себѣ дорогу, и пустился шуда пѣшкомъ, потому что тогда былъ самый прелестный лѣтній день.

Д е р е в е н ь к а Г а р д ь .

Опойдя съ полмили отъ города, увидѣлъ я, что дорога вдругъ сдѣлалась несравненно лучше. По обѣимъ сторонамъ ея насажены были фрукшovesя деревья. Тутъ поразила меня и плодовишность полей: красивѣйшіе хлѣба, въ кошорыхъ, казалось, совсѣмъ не расло дурной шравы; даже шравы на лугахъ были какъ будто зеленѣе и пушистѣе. Передо мною лежала деревня, кошорой избы не пѣснились одна къ другой, а стояли порознь между пѣвнистыми деревьями, какъ бы въ большомъ саду. Посрединѣ деревни на холмѣ возвышалась церковь. Такое плодородіе, такое устройство и самый родъ

поспройки домовъ , не похожи были ни на что, видѣнное мною дошолъ въ вшомъ краю.

„Вы здѣсь живете , какъ въ земномъ раю, мужичекъ!“ — сказала я пожилому поселянину, кошорый сзади меня шелъ изъ города: „У васъ земля самая плодоносная во всемъ округѣ.“

— „Слава Богу, на это пожаловаться нельзя!“ — отвѣчала крестьянинъ.

„Ошъ чего же это въ вашей полько деревнѣ дома поспроены не виѣшь , какъ въ другихъ деревняхъ? “

— „То-шо и худо! Льшь за пятнадцать былъ пожаръ ; послѣ того должны мы были поспроить, какъ есть шеперь, пошому что шакъ было приказано. А куда какъ это не хорошо. Мнѣ вошъ , по Воскресеньямъ, въ церковь надобно шацишься съ четверть мили. Шуска ль это шарому человѣку или ребенку , а и шого пуще въ зимнюю пору! Другиѣ и еще дальше. Но пожаръ былъ тогда превеликѣй — все сгорѣло до шла, крокъ наши домовъ, и шѣ шюяли въ шпоронѣ.“

„Ошъ чего жъ загорѣлось?“

— „А Богъ вѣшь ! всяко говорашъ. Другиѣ шокуюшъ еще и шеперь : самъ-де шароспа поджегъ, на нашу бѣду. Однако , можешъ и напрасно шакъ говорашъ.“

„Съ чего жъ бы шароспѣть ?....“

— „Съ чего? Да онъ много намъ дѣлаешь разныхъ каверзъ. Всякій знаешь, какъ онъ любитъ корысть и какое у него жестокое сердце. Надо мною довольно пошѣшился онъ. Прежде былъ онъ у насъ школьнымъ учителемъ, а пошомъ выхлопошалъ себѣ у Правительства, что мы должны были принять его въ спаросшы. Ужъ по-то лиса! не скоро найдешь шакого!“

„Говоряшь, онъ зашпochenъ.“

— „Какъ же! богачъ превеликій; но ма себя крейцера не испрашишь; живешь хуже, чѣмъ послѣдній бобыль. А порой на него находишь: вдругъ спанешь деньги бросаешь горстями. Эша дурь его разоряешь. Но и шо намъ въ накладъ. У него нѣтъ другой пошѣхи, какъ мучить насъ за свои деньги.“

Такъ разговаривалъ я нѣсколько времени со старичкомъ; онъ пошелъ пошомъ въ спорону черезъ лугъ по шропинкѣ.

Между шѣмъ солнце начало жечь сильнѣе; я сѣлъ подъ орѣховымъ деревомъ, чтошбъ отдохнушь и полюбовашься прелестнѣйшимъ мѣсположеніемъ, кошорое могло бы даже бышь предметомъ описанія въ Идилліи. Набивая себѣ шрубку, думалъ я: „Какъ бы счастливы могли бышь люди, живущіе въ вшомъ земномъ раю! Но и нушь вѣщался лукавый! Имъ подрадали шакого человека,

который вообразилъ себя выше всѣхъ, и оправдываетъ счастье этихъ добрыхъ, простыхъ людей.“

Между тѣмъ приблизилась шедшая мимо старушка. Я завела съ нею рѣчь, чѣмъ только поболшашь.

„Скажи мнѣ, бабушка, гдѣ найши прахширь шупъ въ деревнѣ?“

— „Вошь подише, сударь, прямо по дорогѣ — шупъ недалеко отъ церкви, по лѣвую руку. Я сама хозяйка.“

„Очень радъ! шакъ ты мнѣ и скажешь, могу ли я прожить шупъ нѣсколько дней со слугою, пока починяшь мнѣ коляску?“

— „О, нѣтъ, у меня не для баръ, а извольше мшши въ верхній прахширь; шуда повезли за полчаса времени, и изломанную коляску — вѣрно вашу.“

„Жалью же, чѣмъ придется жить не у тебѣ. А гдѣ же верхній прахширь?“

— „Вонъ видите на холмѣ небольшой бѣлый домикъ съ зелеными ставнями: это старосшнѣ, а подлѣ него и прахширь для прѣзжихъ господъ.“

„Вѣрно также старосшнѣ?“

— „Да, и нѣтъ — какъ посудишь; все его, и все не его. Только не его наказу выстроень.“

„А вамъ што вѣдъ прибыли никакой не приносишь?“

— „Конечно нѣтъ. И никому прибыли не приносишь. Съ пѣхъ поръ, какъ вшопъ староста у насъ въ деревнѣ, мое хозяйство не приносишь мнѣ и половины прежняго. Прости ему Господи, а все будешь ояъ опивчашъ на томъ свѣтѣ! Да, если бъ слушались его и всѣхъ его глупоспей, какъ рабъ, то конечно было бы не то. Однако не ему со мной совладать. Слава Богу, еще у меня есть хлѣбъ насущный, у него не попрошу.“

Между пѣхъ въ ближайшемъ крестьянскомъ домѣ послышался сильный споръ. Спарушка приклонилась ухомъ къ той споронѣ, кивнула нѣсколько разъ головой, и съ лукаво улыбающеюся миною сказала въ полголоса: „Э! в! по дѣломъ нашей Грешъ!“ Пошомъ оборотясь ко мнѣ, показала пропикку, по которой ближе пройши къ верхнему прапширу, и пошла прочь.

Изъ дому, гдѣ слышался споръ, вышелъ чисто одѣтый крестьянинъ, по видимому разсерженный. За нимъ появилась спарая женщина въ слезахъ, и молодой парень. Они раскланивались серднишому. „Правда швоя, спароспа!“ сказалъ парень съ пресподуши-

емъ, подавая на прощанье руку: „Я ужъ не одинъ разъ по же говорилъ машушкѣ.“

— „Ну, ну!“ отвѣчала спаросна съ величавою миною — онъ былъ, казалось, лѣтъ сорока: — „На вшошь разъ, ужъ шакъ и бышь, спуцу.“ Спаруха увѣрдала, что впередъ онъ ошанется ими доволенъ. Властолюбивый деревенскій повелишель опвернулся и пошелъ прочь.

Онъ шелъ по той самой пропинкѣ, которую показала мнѣ знакомка моя, какъ ближайшую къ шрактиру. Это побудило меня пошчасъ вснать, чтобъ ишши познакомишься лично съ эшимъ челоѡкомъ, съ милліонщикомъ, о кошоромъ шакъ много слыщаль я со вчерашняго дня. Иначе нѣчего мнѣ было и дѣлать въ деревнѣ. Однако подумавъ, что эшотъ челоѡкъ возбуждаешъ полько жалобы въ подвласныхъ ему, что я самъ былъ очевидцемъ его надменнаго, грубаго обращенія — я пошерялъ всю охоту познакомишься съ нимъ. Онъ же шелъ слишкомъ скоро, и я не спалъ догоняшь его.

Деревенскій Староста.

Между тѣмъ, встрѣпивъ нѣсколькихъ крешьянъ, онъ ошановился опять и вешу-

пилъ съ ними въ разговоръ. Ужь я подходилъ къ нему, когда они его оставили. Туть мы поклонились другъ другу. Онъ изъ учтивости далъ мнѣ дорогу ишли впередъ на узкой пропикъ. Я спалъ говорить прежде о погодѣ, потомъ о плодovitости полей. Онъ опвѣчалъ очень скромно, но говорилъ съ большою опредѣлительностью и такими избранными выраженіями, что нельзя было шомъ же часъ не замѣнить въ немъ нѣкоторой образованности. О почвѣ земля судилъ онъ, что она шаква же, какъ и вездѣ въ шомъ краю — шолько у нихъ лучше обрабатываешся, нежели въ другихъ мѣстахъ. Я изъявилъ при этомъ свое удивленіе. „Каждый владѣлецъ живешъ здѣсь въ серединѣ пошпи всего своего имѣнія“ — сказалъ онъ: „свѣдшвенно легче можешъ смонрѣшь за нимъ и обрабатывашь.“ — „Но ваши дуга“ — примолвилъ я: „какіе славные дуга!“ — „Вы, можешъ бышь, не замѣнили“ — возразилъ онъ: „что они лежатъ всѣ вмѣстѣ, и что ихъ поливають. Ешъ у насъ и хорошій мергель по близости. Въ другихъ мѣстахъ можно было бы все шоме имѣшь, больше или меньше; но шамъ все народъ лѣнивый и несвѣдущій. Природа вездѣ добрая машъ; шолько человекъ не хочешъ дашъ се-

бъ труда выразумѣшь языкъ вшой мащери ;
а савдуешь своему шемному разумвнiю.“

Такого замвчанiя никакъ не ожидалъ я
опъ деревенскаго школьнаго учителя или
староспы. Я остановиася и смопрѣлъ на
этого Философа въ свромъ , грубомъ кафша-
нѣ и въ большой , круглой соломенной шля-
пѣ. На лицѣ его , загорѣвшемъ опъ солнца ,
было точно что-то ошличнее , почти бла-
городное и весьма знакомое.

Староспа тоже смопрѣлъ на меня съ
минушу самымъ проицашельнымъ взгладомъ ;
пошомъ сказала : „Не съ господиномъ ли Ре-
дерномъ имбю честь говорить , или...“

— „Я точно Редернъ!“ отвѣчалъ я , изу-
мясь , и спалъ приспальнѣ смопрѣшь на
него.

Онъ подалъ мнѣ , смвючись , руку и ска-
зала : „Такъ пы это , крошкiй , пригожiй
юноша , прежде-бывшая приманка всѣхъ пре-
красныхъ?..“

Я дернулъ свою руку , думая , не нашла
ли теперь на староспу па дурь , о кото-
рой я шакъ много уже слышала. Онъ крѣпко
держала однако руку мою и продолжала :
„Какимъ же пы сдѣлаася широкоплечимъ ,
шолспымъ , большимъ господиномъ ! Какой
добрый духъ привель шебя сюда въ Гард ,
въ спорону опъ золошой средней дороги ,

кошорая шакъ шебъ благопріятствовала?“
 Тупъ взялъ онъ меня за голову, поцѣловаль,
 и вскричалъ : „здорово, брашъ, здорово ! не-
 ужалм не узнаешъ меня?“

Я споляль, какъ глупецъ. Мерещилось
 мнѣ, будто гдѣ-шо его видываль. Наконецъ
 вдругъ просвѣтлѣло у меня передъ глазами,
 и я уже не сомнѣвался. „Энгельбершъ?“ ска-
 заль я.

— „Конечно!“ вскричалъ онъ. И шупъ
 со звукомъ его голоса, пробудилась во мнѣ
 вся весна моей жизни. Я прижалъ его къ
 груди своей съ большимъ умиленіемъ и за-
 былъ все злое, о чемъ со вчерашняго дня на-
 дули мнѣ про него въ уши. Онъ кликнулъ
 маленькаго мальчика съ поля и сказалъ : „сбѣ-
 гай къ моей женѣ. Скажи ей, что я нашель
 браша ; чшобъ она потчасъ вынесла подъ
 липу вина, свѣжаго масла и бѣлаго хлѣба :
 мы шамъ будемъ завпракашь.“

Я долженъ былъ шопъ же часъ раска-
 зать ему испорію своей жизни съ выхода
 изъ Университета, и причину какъ путеше-
 ственія своего, шакъ и повороша на Гардъ.
 Потпомъ зашла рѣчь о судьбѣ многихъ быв-
 шихъ сошоварищей нашихъ. Тупъ же я рас-
 казалъ ему и Морнову испорію.

„А шы?“ сказалъ я.

— „А я?“ отвѣчала Энгельбернъ, смѣючись. „Посмотри на меня, г. Совѣтникъ — ты видишь, кто я — мужикъ, а притомъ староста деревни, въ которой живу.“

„Но скажи мнѣ, чудакъ,“ — вскричала я: — „какъ попалъ ты, съ твоими превосходными дарованіями, въ эшошь опдаленный, неизвѣстный уголь земли? Неужели добровольно?“

— „Да, добровольно.“

„И давно здѣсь живешь?“

— „Девятнадцать лѣтъ, и очень счастливо.“

„Такъ расскажи же мнѣ.“

— „Въ другой разъ. Жена моя ждетъ уже насъ подь липою. Тамъ найдешь ты все мое семейство. Пойдемъ, позавтракаемъ.“

Мы пошли на холмъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ тропинка поворотила въ сторону, и мы пришли къ липѣ. Подь тѣнью развѣснсаго дерева, сидѣла женщина лѣтъ тридцати, гибкаго стана, пріятнаго лица, въ простой сельской одеждѣ. На груди ея покоился полугодовой ребенокъ. Полупороговое дитя сидѣло у ногъ ея; къ этому привосилъ цвѣтны веселенькій, рѣзвый мальчикъ, лѣтъ чепырехъ, съ красными щечками и свѣтло-русыми волосами. Два мальчика постарше, одинъ семи, другой десяти лѣтъ, стояли;

каждый съ книгою въ рукѣ, позади матери, и смотрѣли на меня большими, голубыми глазами своими, съ немалыми любовнымъ спвомъ. Они были оба въ грубой, но очень опрятной одеждѣ, какъ и отецъ ихъ, съ тою разницею, что ходили босикомъ.

Староста подвелъ меня и представилъ женѣ своей; она мнѣ въжливо поклонилась, и легкій румянецъ стыдливости пробѣжалъ припомъ по щекамъ ея. Тутъ староста очень важно спалъ передъ нею на колына, поцѣловавъ ея руку и просилъ извиненія, что опоздалъ къ завтраку. Но онъ сложилъ всю вину на меня.

Очень скоро ознакомился и сдружился я со всѣми этими милыми семействомъ. Всѣ засѣли въ праву, расположась вокругъ большаго горшка съ молокомъ. Всякому опрѣзано было по ломтю чернаго хлѣба, и всѣ спали въсп оловянными ложками. Мнѣ же подали благаго хлѣба и свѣжаго, отличнаго-хорошаго масла, а припомъ бушылку спараго Бургонскаго и воды. „Я вѣдь знаю еще изъ давнихъ временъ, какъ ны не жалуешь молочнаго кушанья!“ сказала Энгельбертъ.

Мнѣ все предспавлялось спомъ или водшебнымъ видвнемъ: и зрѣлище этой истинно живописной группы, и внезапное свиданіе съ Энгельбертомъ; и то, что этого че-

ловка увидѣлъ и мужикомъ, удаленнымъ отъ образованнаго свѣта, его, который у насъ въ Университетѣ считался превосходнѣйшею изъ всѣхъ головою и самымъ свѣдущимъ студентомъ! — Хотя еще и въ Университетѣ слылъ онъ чудакомъ; но тогда смотрѣли на впо, какъ обыкновенно смотрѣли на причудливостъ и мечшашельностъ юности. Могъ ли кто когда либо ожидать, чтобы впошъ человекъ, предназначенный, казалось, на самое блистательное поприще, кончилъ званіемъ деревенскаго старосты!

Его Августина — такъ называли онъ жену — и всѣ дѣти его были чрезвычайно къ нему привязаны, какъ и онъ къ нимъ. Могъ ли же быть впошъ человекъ такъ корысполубивъ, золь, жестокосердъ, какъ до сихъ поръ всѣ мнѣ его описывали, кто только зналъ! Судя по богатству его — въ городѣ называли его даже милліонщикомъ — онъ почто былъ подозрителенъ: я зналъ еще въ Университетѣ, что у родителей его было самое умѣренное состояніе. Но съ другой стороны, при такомъ богатствѣ, такая грубая, простая одежда и пища — опало быть онъ очень скупъ. Въ такихъ размышленіяхъ рѣшился я наблюдать хорошенъко впого чудака.

Мы пошли на высоту холма въ самыхъ искреннихъ и веселыхъ между собою разговорахъ.

„Подъ своею соломенною кровлею не могу я тебя угостить“ — сказала Энгельбершъ: „пошому чшо нѣтъ мѣста. Но подаль мена въ шракширѣ будешь тебѣ очень покойно. Я поспроилъ шуть комнашы для прѣзжихъ, желающихъ лечиться нашимъ цѣлительнымъ родникомъ; ты можешь выбрать изъ нихъ любую, пошому чшо время купанья еще не наступило. Гости пожалуютъ къ намъ не раньше, какъ въ началѣ будущаго мѣсяца.“

Х о з я и с т в о .

Коляска моя уже отдава была на руки карешника, Кунцъ — на руки Хирурга. Первый обѣщаль справиться съ коляскою дней въ десять: одного намѣка мощнаго спаросты доспащочно было, чшобъ заспавить маспера бросить всякую другую работу, мнѣ въ удобность. Хирургъ выправилъ руку моего Кунца, но у него сдѣлалась большая опухоль, и ему велѣно было пролежать цѣлую недѣлю, не шевелясь. Такая невольная оспановка прищалась мнѣ очень жсшаша, пошому, чшо

въ самомъ дѣлѣ Энгельбертъ и любезная семья его сполни того, чѣмъ для нихъ сдѣлать и нарочно пушешествіе.

Все, что ни находилъ я у своего чудака, импересовало меня, тѣмъ болѣе, что я безпрерывно удостовѣрялся, какъ мало смертныхъ, которые были бы такъ счастливы, какъ онъ. Его домъ былъ точно таковъ же, какъ и другіе крестьянскіе дома, только стоялъ посреди огорода и цвѣтничковъ. Внутри на всемъ видна была чрезвычайная опрятность и, не только простота, даже бѣдность. Въ главной горницѣ, гдѣ собиралась вся семья, не было ничего, кромѣ пары проспыхъ споловъ со скамейками, на стѣнѣ же деревянныя часы и маленькое зеркало. Не только самъ Энгельбертъ, но и жена его и дѣти спали на шюфякахъ, набитыхъ листьями или мохомъ, въ разныхъ каморкахъ. Бѣлье вездѣ грубое, но чистое и ослѣпительной бѣлизны. Бѣли частію на деревянныхъ тарелкахъ, подобно Капуцинамъ, частію же на простой, глиняной посудѣ. Вода и молоко, также поливо, служили обыкновенными напитками. Однажды назвался я насильно въ гости на обѣдъ; меня приняли, смѣючись, и просили не погнѣваться, что для меня не приготовлено ничего лишняго. Кушанья были вкусны и сысны. Хорошій

супъ, овощи, жареная говядина, черный хлѣбъ и подливка — въ шомъ соспогло все угощенье, но мнѣ показалось, что я съ роду не былъ такъ хорошо угощенъ. Напрошивъ меня милоридная мапъ съ ея пашью краснощекими предесшными дѣшочками; шупъ умный Энгельбертъ съ его неншощимыми шупками; пошомъ неумолкаемое болшанье дѣшей; радость, внушренное самодовольствіе въ глазахъ у всѣхъ и глубоко въ моемъ сердцѣ — признаюсь, мнѣ казалось, что я пирую не съ обыкновенными людьми, и очень досадно было на Энгельберта за безпреспанно ошпускаемые насмѣшки на счетъ неудовлешворенныхъ ожиданій моего желудка.

Пороскошаве убранство нашелъ я въ Энгельбертовой, такъ называемой рабочей: у окна ешоль, не большая, но избранная библиошека, по сивнамъ ландкаршы, за перегородкой элекшрическая машина, воздушный насосъ и другіе музыкальные и геомешрическіе инешрументы. Рабочая была съ пѣмъ вмѣстѣ и комната ученья для дѣшей, копорыхъ училъ онъ самъ, а также будуаръ его Августины, дошому, что тамъ сполло ее еоршенъливо, а въ вѣкоторыхъ пущыхъ вщикахъ шкана съ минералами, лежали ея лучшіе наряды.

„Все премило“ — сказала я: „но скоро твоей семьѣ, любезный Энгельбертъ, шумъ мало будетъ мѣша. Надобно будетъ порасширяться.“

— „Да, лишь черезъ десятъ!“ ошвѣчалъ Энгельбертъ: „Храмъ нашего счастья не великъ, но велико самое счастье. У насъ есль все, даже лишнее.“

„И ты точно совершенно счастлива, Энгельбертъ, въ этомъ положеніи?“

— „Посмотрите только на эту голубку и пшеницовъ ея!“ вскричалъ онъ, показавъ на жему и дѣтей: „Какая живость и здорovie! И какая благородная душа въ этихъ крѣпкихъ, стройныхъ членахъ! Здѣсь мое царство, моя республика, мое все! Я въ сущности наслаждаюсь жизнью, а не такъ, какъ вы, въ вашихъ шумныхъ, церемонныхъ городахъ и въ жалкихъ, скучныхъ деревняхъ. У меня всего довольно, и для тѣла, что ему нужно, и для духа — большой кругъ дѣятельности. Недоснаешь у меня только блестящъ Европейской утонченности, но нельзя сказать, чтообъ я удалень былъ отъ всего образованнаго человечества — посмотрѣ въшь на элики безсмертныхъ! (Она показала на книги). Со мною природа, со мною все величіе Боміе, со мною аичность. Чего еще мнѣ надобно?“

Я пожалъ ему руку, но съ какимъ-то смущеніемъ, не найдя въ опшвѣшъ ничего умнаго. Могъ бы я сказаць ему: ты все таки мечташешь! Но онъ точно былъ правъ; я ршо чувствовалъ — чувствовалъ и то, что мы, свѣтскій народъ, часто безумствуемъ, жертвуя испинною жизнью пустымъ праличіемъ. Я могъ бы ему сказаць: ты правъ! Но я видѣлъ, что онъ уже слишкомъ далеко ошшатнулся отъ обыкновеннаго, и что его понятія совсѣмъ не вяжутся съ понятіями нашего вѣка и нашего образа жизни.

Надобно было удивляться его дѣятельности. Онъ самъ имѣлъ пашню и луга, и обрабатывалъ ихъ — впрочемъ для своихъ только домашнихъ надобностей. Обязанности спаросы дѣлала ему много хлопотъ, но за всѣмъ шѣмъ, это было какъ бы пошороннымъ его дѣломъ. Въ день по нѣсколькx часовъ оставался онъ одинъ для чтенія и письма. Обоихъ спаршихъ сыновей своихъ училъ самъ. Эти мальчики знали уже многое: называли деревья, кусты, многія травы и всѣ, въ шомъ краю находящіяся, расшенія учеными ихъ именами, пошому что другихъ совсѣмъ имъ не сказывали; рассуждали о флцовыхъ и первообразныхъ горахъ, пошому что онъ лежали у нихъ передъ глазами; играли призмю, элекшричествомъ, магни-

помъ и микроскопомъ, и сами располковывали себѣ многія явленія природы; показывали на небѣ планеты и главнѣйшія созвѣздія пальцами, пошому, что на нихъ обращемо было вниманіе дѣтей. Семилѣтній мальчикъ утверждалъ уже очень увѣрительно, что солнце должно бытъ гораздо лучшій міръ, нежели нашъ земный шаръ; но о горахъ и лѣсахъ мѣсяца опизывался онъ не такъ хорошо, хотя и охотно смотрѣлъ на нихъ въ опцовскій телескопъ.

Какъ Энгельбертъ хлопоталъ въ дома и около дѣтей, такъ точно Августина заботилась о домашнемъ хозяйствѣ, котораго была главою; въ этомъ отношеніи и мужъ подчинялся ей, какъ неограниченной повелительницѣ. Она смотрѣла за кухнею, заказывала все нужное для хозяйства, управлялась съ куряшникомъ и голубяшнею; равно какъ и весь скотный дворъ, съ лошадьми, коровами, овцами, козлятами, состоялъ подъ полнымъ ея надзоромъ и попеченіемъ.

„Но что собственно заведо тебя сюда?“ спросилъ я опять у Энгельберта. „Ты, съ твоими прекрасными способностями, могъ бы оказать важныя услуги своему отечеству. Какъ же ты попалъ въ деревенскіе спарессы, въ чужомъ краю?“

Въ насшупившее Воскресенье, очень рано поутру, пришелъ онъ ко мнѣ, и обѣщала посвятивши для меня весь день. Мы пошли въ садъ шракшира, устроенный для приѣзжающихъ къ купанью гостей. Въ бесѣдкѣ, обсаженной виноградникомъ, изъ кошорой была прелесный видъ вдаль на всю окрестность, поставила мнѣ завтракъ — хорошій кофе. Туда же велѣла Энгельбершъ принести себѣ молока и чернаго хлѣба.

„Теперь я тебѣ расскажу“ — началъ онъ: „что собственно привело меня сюда. Когда же проснется Августина съ дѣтьми, пойдемъ погулять, потомъ въ церковь; за обѣдомъ найдешь тамъ у меня нѣсколько хорошихъ пріятелей и Паспора. После обѣда, моя деревенская молодежь дастъ тебѣ концертъ, а вечеромъ будешь здѣсь балъ. Ты долженъ съ нами пошанцоваться. Августина танцуетъ хорошо. Ну же, слушай теперь со вниманіемъ!“

Необходимыя извѣстности

Черезъ полгода послѣ себя, оставила я Университетъ — какъ началъ Энгельбершъ Правда, опекунъ мой приказывалъ мнѣ пребыть еще годъ, но я вѣла свои шрицаша

луидоровъ въ карманъ, и пустился странствовать: по Германіи въ Швейцарскія долины, съ Альповъ къ Парижу, потомъ въ Провансъ, ошпуда моремъ въ Неаполь, наконецъ черезъ Римъ и Вѣну, домой. Я еще и тѣхъ тридцати луидоровъ не испрашивалъ: два принесть съ собою назадъ, потому, что большею частію путешествовала пѣшкомъ; хлѣбъ и вода, изрѣдка спаканъ вина сосматривали мою пищу; въ сараяхъ и конюшняхъ спала я безденежно.

Я пришелъ въ то время, когда хотѣли меня вызывать по газетамъ. Опекунъ мой очень сердился; я же увѣрился, что посѣщеніе чужихъ краевъ гораздо полезнѣе для образованности, нежели годъ, проведенный передъ каедрою Профессоровъ. Меня провакциновали; похвалили мои знанія и опредѣлили въ Хозяйственную Канцелярію на первый случай, безъ жалованья, чтобы только посвятить меня въ дѣлопроизводство.

Черезъ годъ, сталъ я просить себя мѣста Юстиціарія. Мнѣ отвѣчали, что не сомнѣваюсь въ моихъ къ тому способностяхъ, но что мнѣ еще только двадцать три года, следовательно я, молодъ. Хорошо, думала я, вѣшь недосыпашокъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Еще чрезъ годъ пришелъ я съ просьбою о другомъ важномъ званіи. Президентъ

мой сказалъ мнѣ: „Вѣдь у васъ есть кой-какое состояніе. Зачѣмъ не одѣваешься въ приличіе? Зачѣмъ ходите всегда въ такомъ грубомъ сукнѣ? Вамъ не лѣзя нигдѣ представиться!“ — Я отвѣчалъ: „Ваше Превосходительство! Государство требуетъ отъ меня хорошей службы, а не хорошаго платья.“ Президентъ разсердился и опшупилъ меня, кивнувъ легонько головою. Тогда былъ споръ между нашимъ Дворомъ и соседственнымъ, о правахъ собственности опшносительно нѣкоторыхъ пограничныхъ имѣній. Права были, казалось, на споронѣ соседней. Случайно попались мнѣ въ архивѣ принадлежащія къ этому дѣлу бумаги, по которымъ оно должно было рѣшиться въ пользу нашего Двора. Я написалъ защищеніе приязаній своего Двора, напечаталъ спашью съ найденными актами, и послалъ къ Министру, съ посвященіемъ на имя Короля. Этой спашью пресчастливилось. Мнѣ прислали орденъ за заслуги и, какъ и послѣ свѣдаля, имѣли на меня большіе виды. Къ несчастью, не зналъ я, что дѣлать съ полученнымъ орденомъ, послалъ его назадъ и увѣрялъ, что писалъ совсемъ не изъ награды, или чешнолюбія, а просто изъ любви къ справедливости. Мнѣ право, стыдно казалось, безъ особенной заслуги носить такую ор-

день. Но, всё пропивъ меня, вооружились за это. Президентъ мой сказалъ мнѣ на-прямки, что я глупецъ, и что теперь нѣчего мнѣ и думать о скоромъ опредѣленіи къ мѣсту.

Это случилось въ одно время со смертью моего опекуна, которому вздумалось повѣситься изъ-за моего небольшого имѣнія, потому, что я сдѣлался совершеннолѣтнимъ, а у него промотано было все, и свое, и мое. Мнѣ жаль было этого человека. Если бы онъ сказалъ о томъ прямо, я простилъ бы ему. Что у него оспалось, было распродано. На долю моего опцовскаго и маперинскаго наследства дали мнѣ только четыре тысячи гульденовъ. Малютку, дочь моего опекуна, отдали въ сиротскій домъ. Мнѣ было очень жаль дитяти. „Я уже взрослый, могу добывать себѣ хлѣбъ, а этой сиротѣ нужна болѣе помощь, нежели мнѣ!“ Такъ думалъ я, и отдавъ капиталъ свой въ чужныя руки, распорядился, чтобы проценты были употреблены на воспитаніе дѣвушки, до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ она замужъ. Въ сиротскомъ домѣ я не оставилъ ея, а просилъ, чтобы приютили ее въ какой нибудь порядочный домъ.

Тутъ спросилъ я самого себя: что предпринять? Государство не требовало моей

службы. Я просилъ себя мѣста, право, не для того, чтобы добывать деньги, а только чтобы имѣть кругъ дѣятельности, сообразный моимъ силамъ. Мнѣ хотѣлось быть полезнымъ. Не разъ говорилъ я о томъ, и просилъ даже, чтобы дали мнѣ мѣсто безъ жалованья — лишь только бы одѣвали меня и кормили. На это смѣялись мнѣ въ глаза.

Я продалъ все, что имѣлъ, и оставилъ свое отечество, въ надеждѣ, что гдѣ нибудь въ другомъ краю узнаютъ меня лучше. У меня довольно было денегъ, чтобы долго прожить праздноташающимся, именно же сорокъ луидоровъ.

Еще ребенкомъ, въ школѣ, читалъ я въ какой-то книгѣ спашью, подъ названіемъ: *о необходимыхъ излишествахъ*. Тутъ заключалось очень умное толкованіе словъ св. Апостола Павла: „когда имѣемъ пропитаніе и одежду, будемъ нѣмъ довольны (*).“ Эта книга сдѣлала на меня большое впечатлѣніе. Я самъ спалъ удивляясь многимъ излишесшвамъ, которыя человекъ сдѣлалъ для себя необходимыми, для которыхъ подчинилъ онъ себя другимъ, обрекъ себя на жертву

(*) Имѣюще пищу и одѣваніе, сими довольни будемъ. I Посл. къ Тимоѣ. Гл. VI, стр. 8.

всякой низости и навлекъ себя кучу огорченій. Чѣмъ у кого менѣе нуждъ, тѣмъ меньше и желаній, меньше заботъ и страха, меньше неудовольствій. Тотъ лишь свободный человѣкъ, кто наименѣе зависить отъ обстоятельствъ и отъ своихъ собственныхъ обычаевъ и привычекъ. Спашья заключалась словами: держись существеннаго, а жалкое счастье выказывай себя, предоставляя глупцамъ.

Еще тогда же, бывъ ребенкомъ, сдѣлалъ я начало къ тому. Я исполнялъ свой долгъ, но не позволялъ хвалить себя учителямъ. Спалъ я ночью на стульяхъ подлѣ своей постели; не пилъ ни чаю, ни кофе, ни вина, ни пива, а только воду; не испрачивалъ и десятой части своихъ карманныхъ денегъ, а покупалъ на нихъ книги и ландкарты нѣкоторымъ бѣднымъ своимъ поварницамъ. Очень радовался я, когда всступилъ въ Университетъ: тамъ могъ быть совершеннымъ себѣ господиномъ. Я жилъ просто. Меня считали бѣднымъ; но деньги были у меня всегда въ изобиліи, и я могъ помогать имъ другимъ. Многие были богаче меня, но горевали о долгахъ.

Этотъ простой образъ жизни многимъ не нравился въ моемъ отечествѣ. Хотѣли принудить меня лучше встать, когда я былъ

сытъ и дешевою пищею. Плашье мое было всегда шишо по модѣ, но дешево. Это значило неприлично одѣваться. Въ немъ исполнялъ я свои обязанности, но не ходилъ съ поклономъ къ начальникамъ. Это называли неумѣиємъ жить въ свѣшѣ. Я хотѣлъ значить что нибудь самъ по себѣ; а меня хотѣли заставить пріобрѣтать уваженіе плашьемъ, лишними издержками, ласкашельствомъ и другими подобными средствами. Я не курилъ и не нюхалъ табаку, не игралъ въ карты, не имѣлъ нужды въ тысячѣ излишесствъ, и это находили страннымъ. Словомъ, я поступалъ всегда по собственному убѣжденію; былъ доволенъ малымъ, помогалъ многимъ отъ своихъ избытковъ, всегда былъ веселъ, никогда не хворалъ — недоспавало мнѣ только круга дѣшельности. И мнѣ его не давали, потому, что я не былъ таковъ, какъ всѣ люди. Наконецъ я и къ тому сдѣлался равнодушнѣ; зная, что для собственнаго довольства никто не нуженъ мнѣ, я находилъ его въ самомъ себѣ. Горе тому, чье счастье зависитъ отъ другихъ, если только не находятъ оныя его въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми.



Деревенскій учитель.

Съ погода времени шатался я по благодолвленной Нѣмецкой землѣ, и не могъ ничего найсти для себя. Вездѣ звучало въ ухахъ моихъ: *но!*

„Смѣшно, право!“ думалъ я про себя, „что люди никакъ не хотятъ имѣть у себя человека, который ничего отъ нихъ не требуетъ, кромѣ средствъ употребить познанія свои имъ въ пользу.“ У меня былъ уже планъ ѣхать въ Лондонъ, и шамъ предложивъ услуги свои къ путешествію во внутренность Африки, а если и шумъ не примутъ услугъ моихъ, то, безъ дальнихъ околичностей пуститься на свой счетъ къ Сенегалу. Вздумано, сдѣлано. Я взялъ направленіе къ сѣверозападу.

Однажды вечеромъ, пришель я, довольно усталый, въ пракпиръ одного маленькаго городка. За скуднымъ ужиномъ попался мнѣ въ руки лежавшій на столѣ листокъ газеты. Тутъ вызвали желающихъ принять мѣсто деревенскаго учителя, съ жалованьемъ по пятидесяти гульденовъ въ годъ, съ квартирой, дровами, и тремя десятинами пахатной земли.

Тотчасъ мелькнуло у меня въ умѣ, что это мѣсто очень для меня пригодно. Дерев-



венскій учитель! Какое важное званіе! Не могу ли я сдѣлаться преобразователемъ всей деревни, благошворителемъ тысячи бѣдныхъ беспомощныхъ людей? Не могу ли проложушь душу къ самымъ важнымъ улучшеніямъ — по части Сельскаго Хозяйства, нравственности, и тому подобнаго? — А жалованье? — Оно скудно — для меня, однако достаточно! И могушь ли бышь вознаграждаемы жалованьемъ истинныя заслуги, истинныя достоинства? Могушь ли бышь вообще добродѣтели вознаграждаемы Государствомъ? Раздаваемое отъ него жалованье уравнивается по степенямъ должностей, соразмѣрно большимъ или меньшимъ познаніямъ и занятіямъ, какія для каждой степени требуются. Сообразно тому думаюшь, что въ должности деревенскаго учителя не требуется много познаній и работы: вѣдь это же для мужиковъ! Но сильно ошибаюшься въ этомъ! . . .

Я пошелъ проситься на открывшееся мѣсто учителя въ деревнѣ Гардѣ. Посмотрѣли представленные мною свидѣтельства объ ученіи моемъ, и приняли меня за распушнаго, бѣжавшаго студента. Эту цѣлюю долю былъ я проглотишь. Моею граматою, цѣмьрю и искусствомъ пѣнія остались довольны. Но за всѣмъ шѣмъ господъ экзами-

наперевъ моихъ взяло раздумье. И я того ни мало не ссавлю мнѣ въ вину: въ самомъ дѣлѣ, въ обыкновенномъ ходѣ вещей очень рѣдко явленіе, чтобы человекъ, который по нуждѣ чинаешь и говоришь на шести языкахъ, спалъ просияшь въ деревенскіе училищел. Я даже сомнѣваюсь, доспалось ли бы мнѣ это важное мѣсто, если бѣ, кромѣ спараго, шупоухаго поршнаго и меня, нашлись еще кандидашы. Мои уши въ это мѣ слу чаѣ дали рѣшительный перевѣсъ на мою сторону.

„Послушай!“ сказалъ экзаминашоръ и Президентъ Провинціальной Училищной Комисіи: „ты мѣсто получишь, шолько на одинъ годъ, пока увидимъ, каково швое поведение.“

Тунъ получилъ я свидѣтельство на временное ошправленіе должности и ошношеніе Провинціальной Училищной Комисіи къ Г. Паспору, который долженъ былъ ввести меня въ новое мое званіе.

Я былъ въ восхищеніи, и немедленно ошправнася сюда въ Гардъ. Мнѣ показали мое жилище — почти развалившійся домишко, загаженный хуже конюшни, съ заклеенными окнами; въ немъ для меня была одна иррачная горенка безъ печи. Толка была шолько въ классѣ, въ кошоромъ ежедневно сбиралось до

шестидесяти пяти дѣшей обоюго пола. Саа-
дикъ при домѣ — заваленъ горами мусору;
общанная при десятины земли заключали
въ себя собраніе всѣхъ водящихся въ шомъ
краю дикихъ расченій и кустарниковъ. Бо-
же мой! сколько предшлоало мнѣ заняшій!

Пасторъ принялъ меня съ важностію
строгаго исполнителя своей должности, сдѣ-
лалъ мнѣ много приличныхъ наставленій и
представилъ меня, въ первое же Воскресенье,
всѣмъ своимъ духовнымъ дѣшамъ, при чемъ
не забылъ сдѣлать особаго воззванія къ бу-
дущимъ моимъ ученикамъ. Эпошъ Пасторъ
былъ горячая голова: каждое Воскресенье
гремѣлъ онъ съ кафедръ, ужаснымъ голосомъ
пропнвъ невѣрующнхъ и окаянныхъ; но въ
обыкновенные дни и въ обыкновенной жизни
былъ человекъ очень обыкновенный; мало
забошлся о спасеніи душъ, и вообще не об-
рацаалъ никакого вниманія на крестьянъ.

Крестьяне чрезвычайно одичали и были
бѣдны. Между ними велись безпрерывные
споры, ссоры и шажбы. Во всякомъ домѣ
бремя долговъ, распушество, лѣносшь и сва-
ры. Вообще же хлѣбопашество въ самомъ
жалкомъ положеніи, скощоводство безъ вед-
каго шолку. Одинъ деревенскій огарестна
былъ себѣ на умъ; онъ держалъ шрактнръ, и

кто не ходилъ къ нему пить, шестъ добромъ съ нимъ не раздѣлялся.

Самая наружность деревни, ряды жалкихъ хижинъ, грязныхъ и сирадныхъ внутри; грубость, простофильство мужиковъ и женъ ихъ; лохмотья вмѣсто одежды — все, все говорило мнѣ, что здѣсь настоящее мое мѣсто, что здѣсь мое назначеніе къ осчастливленію людей. Я прыгалъ отъ радости въ своей горенкѣ — цѣлый домъ шапсала отъ прыжковъ моихъ.

Зная, что училищная касса очень мала, велѣлъ я на свой счетъ вспавить окна и выбѣлить весь свой домишку; вымылъ и вычистилъ полы, снолы, скамейки и двери; купилъ себѣ холста и сдѣлалъ мѣшокъ, набилъ его мхомъ, что и служило мнѣ постелью; весь свой садъ перерылъ, и, раздѣливъ на гряды, усадилъ всякими овощами для кухни; три десятины земли обработалъ также собственными руками. Заведенная мною коза давала мнѣ молока и насласть безденежно въ общемъ стадѣ.

Вскорѣ стало мнѣ нравиться новое жилище мое. Даже самъ Пасторъ жилъ не такъ чисто, какъ я. Крестыяне дивились моей красивой бѣдности, также шочно, какъ я дивился ихъ избыточной неопытности.

Начало преобразованія.

Какъ скоро я устроилъ свое хозяйство, то принялся и за учениковъ. Они прибѣгали ко мнѣ каждый день, какъ стадо порослятъ. Я началъ съ того, что велѣлъ всякому, являясь, вмѣстѣ съ поклономъ подавать мнѣ руку. Кто приходилъ неумытый, того тут же мишушу прогонялъ я къ ручью; онъ долженъ былъ напередъ вымыть лице, руки и ноги. Большею частію являлись они нечесаные. Я заставилъ ихъ каждое утро чесаться. Они смѣялись надо мною. Я прогонялъ смѣхъ папкою, Пастора просилъ я помогать мнѣ, и когда нибудь сѣзаять проповѣдь о пользѣ опрятности. Онъ на это не соглашался. — Съ помощію папки, довелъ я однако до того, что стали чесать волосы.

Дошла очередь и до плащя. Силою тушь нѣчего было сдѣлать. Всѣ ходили въ разорванныхъ плащяхъ: этого переѣвшишь я не могъ, но строго требовалъ, чтобъ не было ни на комъ грязи и пашень. Тѣмъ, которые цѣлую недѣлю пробудуть опрятнѣе другихъ, давалъ я награжденіе. Сотнями и дюжинами накупилъ я въ городъ на ярманкѣ булавокъ, иглодокъ, ножницъ, ножичковъ и разныхъ мелочей; все это раздавалъ въ награду чистоплошнѣйшимъ. Пастору, ста-

ростъ и всей деревнѣ сначала не понравились записи мои, но я продолжалъ упорно слѣдовать своему плану. Сначала надобно обезкоптить людей, попомъ уже ихъ воспитывашь. Съ помощію маленькихъ подарковъ дѣйствительно достигъ я того, что деревенская молодежь, прежде испеченія года, сначала ходишь опрятнѣе шариковъ. И шаррики даже начали краснѣть, когда случалось, что молодые упрекали ихъ въ нечислоплатности. Когда я шелъ, бывало, по деревнѣ или черезъ поле, то ребятишки сбѣгались ко мнѣ радостно со всѣхъ спороновъ, покидая свои игры, и кланяясь, подавали мнѣ свои руки. Всѣ очень меня любили, попому, что боялись моей палки и жаловали мои подарки, а припомъ рассказывалъ я имъ, въ досужные часы, прекраснѣйшія побасенки, которыя они очень любили слушать.

Въ деревнѣ начались толки о моей щедрости. Въ самомъ дѣлѣ раздалъ я въ первый годъ въ своей школѣ больше, нежели сколько соснавало все мое жалованье. Двухъ бѣднѣйшихъ, полунагихъ мальчиковъ одѣлъ я на свой счетъ. Такія дѣла, какъ людямъ казалось, были недаромъ. Въ прежнія времена, учитель бывалъ обыкновенно бѣднѣйшій бобыль изъ всѣхъ бобылей; а человекъ хоть съ маленькимъ соснольникомъ, ни за что не

пошелъ бы въ училищел. Вмѣсто того, что-бы, подобно своимъ предшесшвенникамъ, принимать отъ дѣшей и родителей ихъ подарки или подаваніе, я самъ раздавалъ больше, нежели первѣйшіе деревенскіе мападоры всѣ вмѣстѣ. Этого никто не могъ понять. Иные думали даже, что я бѣжавшій пресшупникъ, воръ, или что нибудь подобное, и живу здѣсь впайнѣ, съ денежнымъ запасомъ своимъ. Разумѣется само собою, что еще люди, дѣлавшіе рѣдко добро, рѣдко о немъ и думавшіе, не могли выдумать обо мнѣ ничего хорошаго, а все только дурное.

Между тѣмъ Пасторъ отнесся въ Превинціалную Училищную Коммисію съ одобришельнымъ свидѣтельствомъ о моемъ поведеніи; не забывъ присовокупить однако, что я раздаю ученикамъ кучу подарковъ. Но давать, въ законахъ нашего края не шакъ строго запрещается, какъ красъ, почему я и былъ утвержденъ училищелъ на всю жизнь.

Продолженіе преобразованія.

Когда уже я былъ уврѣнъ въ прочноети своего званія, то облегчилъ себя бремя, раздавая дѣшей по классамъ и заставивъ

сваршихъ бытъ училищами и училищницами младшихъ. Такимъ образомъ все пошло у меня успѣшнѣе. Бѣднѣйшимъ дѣвочкамъ покупалъ я шерсть и вязальныя иголки, выучилъ ихъ вязать чулки и отдавалъ имъ же послѣ ихъ работу. Это подстрекнуло зажиточныхъ родителей; имъ не хотѣлось, чтобы дѣти ихъ оставали ошъ другихъ. Сначала вязанье, потомъ шитье ввелось въ общее употребленіе. Одна жившая въ деревнѣ бѣдная женщина, копорой отдавалъ я половину своего жалованья, взяла на себя учить дѣвочекъ шитью работамъ. Черезъ годъ, не видашь было въ школѣ не только пачканныхъ, но и разорванныхъ платьевъ. Впрочемъ въ часноснѣи, казалась эта грязная напура, наслѣдованная ошъ ошцевъ и праѣдовъ, неиспрѣбимую, также какъ барышничество у Жидовъ.

При такихъ успѣхахъ женскаго пола, и мальчики не оспавались назади: они непрерывно упражнялись въ чтеніи, письмѣ и счѣтахъ. Всѣ были большіе охотники слушать мои басенки, и часто упрашивали меня ихъ рассказывать. Я сдѣлалъ изъ того самую важную награду для прилежнѣйшихъ. Каждое Воскресенье назначалъ я мѣсто для такихъ рассказовъ или въ лѣсу, или въ полѣ, или у себя на дому, и удивительно, съ какою охо-

шою, даже взрослые, давно вышедшие из школы, приходили и пѣснились вокруг меня. Всякій разъ говорилъ я имъ что нибудь изъ Естественной Исторіи, изъ Землеописанія, изъ Всеобщей Исторіи или Нравоученія, но всегда облакалъ рассказъ свой въ какую нибудь исторію или побасенку. Молодые парни слушали для забавы, но непримѣнно исчезали въ нихъ предрасудки, развершывалось чувство нравственности и распространялись понятія о свѣтѣ.

Не меньше удовольствія доставляли мнѣ упражненія въ пѣніи, которыми занимался и по обязанности. Между учениками моими было много славныхъ голосовъ. Канторъ изъ сосѣдственнаго городка снабжалъ меня нотами. Молодежь моя спала пѣшь порядочно, но при всемъ томъ церковное пѣніе оставалось у насъ въ томъ же разладѣ: я не могъ даже упростишь, чѣмъ старяки поменьше драли горло. Обращался съ просьбою о томъ и къ Паспору. „Э, что ты понимаешь?“ говорилъ мнѣ Паспоръ: „пусть всякой долженъ пѣшь отъ полноны души!“

Надобно думать, что Паспоръ рассказъ своей пѣснью о моихъ, какъ онъ называлъ, смѣшныхъ запѣяхъ, потому, что мужики начали кричать еще сильнѣе; и почтивъ

всегда выходили изъ церкви съ охрипшими глотками.

Вообще мнѣ должно было обходиться осторожнѣе съ своими собратіями мужиками, потому, что, какъ я замѣчалъ, меня не очень жаловали, и на мое пѣніе, шипье, визанье, мышье, чесанье и рассказы смотрѣли, какъ на самыя пагубныя нововведенія. Къ тому очень способствовалъ Пасторъ, передъ которымъ я не слишкомъ гнулся; а еще болѣе спаросша, у котораго въ шникъ не испрашилъ я ни гроша, а кромѣ того по Воскресеньямъ опшималь у него многихъ гостей своими рассказами.

Можешь быть, еще бы хуже обращались со мною, если бы не любила меня молодежь; особенно маленькія дѣши привязаны быамъ ко мнѣ съ самою прогашельною нѣжностію. Они опшороняли опъ меня много злыхъ умысловъ, предувѣдомля меня заранѣе, когда какой нибудь мужикъ что нибудь прошивъ меня зашьешь. Еще болѣе уваженія ко мнѣ, или лучше сказанъ спрахъ внушилъ одинъ суевѣрный слухъ, выдуманный и распущенный обо мнѣ старыми деревенскими бабами. Меня спали называшъ колдуномъ, волшебникомъ, чародѣемъ и тому подобными именами. Къ вшому, вѣрояшно, поданъ былъ поводъ опшасщя моею щедростію при мадомъ

прибышкѣ деревенскаго учищеля, опчастн же шѣмъ, что не легко было сыграть со мной какую нибудь шутку, потому, что я все узнавалъ и отвращалъ заранѣе. По такимъ слухамъ о моемъ колдовствѣ, начали наконецъ приходишь ко мнѣ съ просьбами, чтобы я поворожилъ. Корова ли чья доишь синимъ молокомъ, или у кого что украли, или кѣмъ что пошерлно — тотчасъ бѣгутъ ко мнѣ, чтобы я разложилъ на карпахъ, поворожилъ и угадалъ. Сколько ни увѣщевалъ я, какъ ни отказывался отъ предлагаемыхъ денегъ — всѣ думали, что я живу не спраша. И потому былъ я въ большомъ на эшотъ счетъ подозрѣнн, что мои шри десятины земли, прежде самыя худшія во всемъ околоткѣ, вдругъ сдѣлались плодovitны и доходны. Хотя каждый видѣлъ своими глазами, какъ помогали мнѣ обрабатывашь ихъ молодые деревенскіе парни, изъ дружбы; какъ маленькіе мои ученики попеременно ходили полоть на нихъ дурную праву; хотя часто предлагалъ я каждому изъ мужиковъ самыя простиыя средства къ улучшенію хлѣбопашества ихъ и къ большей прибыли: но за все шѣмъ оспавались при мнѣнн, что у меня все не даромъ и не спраша.

Я видѣлъ, что стариковъ уже никакъ нельзя мнѣ обратишь. Всѣ свои надежды по-

дагаль и на возрастающихъ преемниковъ ихъ, моихъ воспитанниковъ. Въ печеніе паша льшь успѣлъ уже я во многомъ, какъ вдругъ Пасшоръ сдѣлалъ со мною шакой пошупокъ, который грозилъ разрушить все мое преобразование — однако вскорѣ ему самому по служилъ въ пагубу.

Не спану рассказывать подробностей этого случая; довольно того, что Г. Пасшора Пелока смѣнили, а на мѣсто его опредѣлили пожилаго, опытнаго, крошкого челоуѣка, по имени Бода. Эшошъ былъ со всѣмъ проливныхъ правилъ, нежели какъ предмѣстникъ его. Онъ усердно спалъ помогашъ мнѣ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ, спарался самымъ убѣдительнымъ, душевнымъ краснорѣчіемъ навести насшу свою на лучшій путь; ходилъ изъ хижины въ хижину: помогалъ, совѣщовалъ, утѣшалъ, ободрялъ во всѣхъ семействахъ. Но и эти труды мало вознаградились. Спали меньше слушашъ предовѣди; мужики не возлюбили его, все воспемяная и слава своего Пелока. „Нипш“ — гонорили: „шакого Пасшора ужъ не дожиданься въ Гардъ.“

К о л о н і я.

Тогда къ намъ въ деревню прїѣхалъ нѣкто Баронъ Цебра, который получалъ въ наследство въ нашемъ околоткѣ лѣсъ, про- етранствомъ десятины около пяти сотъ. Ему хотѣлось продать этотъ лѣсъ, пошому, что самъ онъ въ нашихъ мѣстахъ не жилъ, а издали не могъ имѣть за нимъ хорошаго присмотра. Правительство не соглашалось купить, пошому, что въ здѣшнемъ краѣ нѣтъ недоспанка въ лѣсѣ, и нѣтъ по близости судоходныхъ рѣкъ, чтобы свозить его въ другія мѣста. И такъ Барону вздумалось сдѣлать предложеніе, не покупать ли этотъ лѣсъ наши крестыяне, тѣмъ больше, что онъ граничилъ съ ихъ дачами. Но деревня наша и безъ того была вся въ долгахъ; лѣсу же по нуждѣ имѣла довольно, а если когда и недоставало, то въ Баронскихъ же владѣніяхъ можно было купить, сколько душъ угодно. Такимъ образомъ Барону ошказали, не смотря на то, что онъ, прося сначала десять тысячъ гульденовъ, сбавилъ цѣну до семи тысячъ. Баронъ не зналъ, что дѣлать съ своимъ наследствомъ, и просилъ совѣта у Пастора Бодѣ. Пасторъ предлагалъ ему пошодковать со мною, говоря,

что никто въ деревнѣ не въ состояніи лучше ему посовѣтовать.

Онъ пришелъ ко мнѣ. Тутъ мнѣ вздумалось купить лѣсъ для себя. Я зналъ его очень хорошо. Планъ мой былъ въ минушу гоповъ. Убышку отъ шого не могъ я ожидать никакого. Баронъ бѣсился и говорилъ, что онъ гоповъ даже сбьетъ съ рукъ всю дрань за шесть тысячъ гульденовъ, если я найду ему купца, и что за то дастъ онъ мнѣ порядочно на водку. Я ошвѣчалъ, что я по своимъ расчетамъ могъ бы самъ купить лѣсъ и заплашю ему половину сумми наличными деньгами, если на остальную половину положишь онъ сходные проценты и удобные для меня сроки. Онъ посматрѣлъ прежде на меня, пошомъ на голыя сѣны моей горенки; наконецъ согласился, и вскорѣ заключилъ мы законнымъ образомъ условіе о покупкѣ. Я вышребовалъ къ себѣ свой капиталъ, изъ чешырехъ тысячъ гульденовъ ссзшоавшій, кошораго проценты обращался на воспитаніе дочери моего опекуна. Эшимъ капиталомъ заплашалъ Барону половину цѣны, а сиротѣ посылалъ каждый годъ слѣдовавшія деньги уже отъ себя.

Тутъ-шо было рѣчей въ деревнѣ! Никто уже не сомнѣвался, что въ моемъ повѣдѣніи находится горы золота, или что я

самъ его дѣлаю. Но штъмъ не менѣе пашн дѣревенскіе мудрецы смѣялись надъ моею покушкой.

Я не мѣшалъ имъ смѣяться; а между штъмъ подрядилъ дровосѣковъ; выписалъ человека два пошашныхъ мастеровъ; накупилъ деревянныхъ чановъ и желѣзныхъ котловъ; сложилъ печь и велѣлъ прекрасныя буковыя деревья рубить и превращать въ золу. У меня въ виду были большія зашвы. Лучшему моему другу въ деревнѣ, славному, но бѣдному молодому креспьянину, по имени Лебрехшу, котораго я упошреблялъ себѣ въ помощъ при ученѣ дѣшей, сдалъ я свою школу и все ея доходы. Онъ вскорѣ былъ утверждѣнъ на прежнемъ моемъ мѣстѣ Училищною Коммисією. Себѣ предоспавилъ я только, какъ навваннме мною, расказные часы. Оснава домъ училища, построилъ я себѣ избушку въ лѣсу, чпюбъ поближе бытъ къ работѣ. И работнички мои должны были построить себѣ маленькія избы на зиму. Такимъ образомъ началась у меня совсѣмъ новая жизнь, почти такая, какъ у новыхъ поселенцевъ въ Америкѣ, которые начинаютъ испреблять лѣса.

Гардскіе мушкетіи дивились мойимъ глаушнмъ, какъ они называли, зашвамъ, и поимали плечами. Между штъмъ одна десятиина

лѣсу за другой превращалась въ золу. Черезъ годъ уже нѣсколько сошенъ десятишь оголались; пошашь мой скоро нашель покупищиковъ, и такимъ образомъ непроникаемце буквые лѣса, укладенные въ бочки, расходилсь на всѣ чешыре стороны свѣща. Половиною срубленнаго лѣса окупилась мнѣ вся плаша, и сверхъ того кое-что оспалось. Барону Цебръ заплашилъ я скорве, нежеди полагаалъ, а при томъ оящъ въ моихъ рукахъ явился капиталъ, которымъ я могъ располагашь по желанію.

На вычищенной землѣ, построилъ я себѣ домикъ съ конюшнями и со всеми принадлежностями; накупилъ скота, ешалъ обрабывашь всю пустошь, превращая ее въ пашню и луга, и вмѣстѣ съ вываркою пошаша, занимался и мужицкимъ своимъ дѣломъ. Высушивая болошистый мѣсна, открылъ я, не вдалекѣ отъ своего жилища, большой родникъ. Я думалъ обратишь его въ колодезь для своего дома, но нашель, что вода въ немъ минеральная. Тотчасъ зашѣлъ я новыя планы. Нигдѣ въ нашемъ краю нѣтъ цѣлебныхъ источниковъ. Я велѣлъ выстроишь вошь эту гостиницу съ горницами для купанья, и во всѣхъ газетахъ возвѣстилъ о достоинстввахъ моей цѣлебной воды, о приятномъ мѣстоположеніи, и объ удобствахъ

для гостей. Спали съвзжались, и веко-
рь воды мои вошли въ такую славу,
что для всѣхъ прѣзжикъ недоставало мѣ-
ста: я принужденъ былъ приспособить къ
гостиницѣ еще сани. Все это заведе-
ніе опдалъ я на ошкупъ одному чесни-
ному и прилежному семейству. Упомя-
нутый мною капиталъ приносилъ слав-
ные проценты. Слишкомъ шрпша десятина
земли раздѣлялъ я на нѣсколько маленькихъ
участковъ. На каждомъ построилъ избу, къ
чему известковый камень, песокъ и строе-
вый лѣсъ были у меня непокупимы; и какъ
скоро готова была кошорая изба, пошчасъ
находила арендатора. Всего охотнѣе при-
нималъ я къ себѣ шрудодлюбивыхъ ремеслен-
ковъ, кошорыхъ работа или нужна была
для прѣзжающихъ къ купанью гостей, или
рѣдка въ нашешъ краю. Заключая контрак-
ты съ моими арендаторами очень выгод-
нымъ для нихъ образомъ, я включалъ шупь
условія и на счетъ нужнаго мнѣ порядка,
такъ, что сдѣлался нравственнымъ зако-
дательствомъ для своихъ колонистовъ, кошорые,
для своей же пользы, не могли не согла-
шались на мои шребованія. Известна мнѣ
была и моя шрогость: прешупнамаго что
либо я пошчасъ выгонялъ изъ своихъ вла-
дѣній, и это внушало каждому большой

страхъ. Посмотри здѣсь вокругъ, любезный Редеръ; вся эти строема позади насъ и нуда къ лѣву, числомъ четырнадцать, принадлежатъ къ моеи колоніи.

(*Продолженіе впередъ.*)

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

О КАТАКОМБАХЪ ПАРИЖА, РИМА И НЕАПОЛЯ (*).

Почва, на которой выстроены Паризъ, заключаешь въ небольшой глубинѣ гипсъ и известковый камень (**); и шпиль и другой,

(*) Изъ Кизевештера: „Reise durch einen Theil Deutschlands, der Schweiz, Italiens und das südlichen Frankreich nach Paris. Sieben und vierzigster Brief.“

(**) Геогносты свидѣльствуютъ, что грунтъ окрестностей Париза составляютъ слѣдующія части: 1) нижній пластъ, котораго толщина неизвѣстна, образующій основаніе прочихъ, состоящій изъ *мелу*, 2) на немъ лежить *горшечная глина*, 3) далѣе *известковый камень*, употребляемый на строеніе и заключающій морскія раковины, 4) потомъ *гилсъ*, и наконецъ 5) *песокъ*.

съ незапамятныхъ временъ, были выламываемы для построения домовъ и дворцовъ сего города. По обширности Парижа можно судить о пространствѣ пустошъ, долженствовавшихъ произойти отъ добыванія столь великаго количества строительнаго матеріала. Но ломка камня производилась безъ всякаго плана, единственно по удобности; копъ была поочасъ оставляема, если она не приносила богатой выгоды, или обработка оной была сопряжена съ затрудненіемъ, и начинаема другая; главные копи были соединены въ галлерейми, которыя однако жъ проводились безпорядочно; пополокъ ихъ поддерживался столбами изъ самой массы камня, оставленной непронутою, но равнымъ образомъ безъ всякаго порядка и плана. Множество выработокъ было учреждено подъ землею, и галлерей были столь широки, что возились по нимъ большія театры, какъ еще видно изъ оставшихся слѣдовъ. Разработка сихъ каменоломень, безъ присмотра и назначенія предѣловъ, была нѣсколько столѣтій предоставлена произволу работниковъ; а отъ сего происходило множество золъ: доходы были гораздо меньше швѣхъ, которые бы можно было получить, и обработка становилась безпрестанно дороже и затруднительнѣе; жизнь работниковъ часто

подвергалась опасностямъ; дома, улицы и поля были подрывы и часто проваливались.

Древнія каменоломни оспавались въ совершенномъ забвеніи, до 1774 года, когда приключилось множество несчастій, кошорыя побудили Правительство обратишь вниманіе на угрожающую опасность, и заставили предпринять всеобщее изслѣдованіе копей и составленіе онымъ плана. Таковое изслѣдованіе привело всѣхъ въ немалое безпокойство, ибо оказалось, что вся южная часть Парижа подвергалась опасности провалиться въ подземныя пропасти, и опасность сія была шѣмъ ужаснѣе, что во многихъ мѣстахъ угрожала уже свершеніемъ, тогда, какъ еще не знали средствъ опхлопнись несчастіе. Весь Парижъ находился въ великомъ безпокойствѣ. Въ 1777 году, Государственный Совѣтъ назначилъ особенную Коммисію (*), которая бы, подѣ предсѣдательствомъ Главнаго Директора строеній и Президента Полиціи, распорядилась со всевозможнымъ стараніемъ опшрацишь приближающуюся опасность.

(*) Въ день учрежденія сей Коммисіи провалился слишкомъ на 80 футовъ домъ, въ улицѣ, извѣстной подѣ названіемъ: rue d'Enfer,

Невырождающихся трудовъ спонсо узнаша только древнія копи во всей ихъ обширности и во всѣхъ ихъ отрасляхъ. Сверхъ сего надлежало заниматься двумя предметами: отыскивашь ходы и выработки, что часто было сопряжено съ великою опасностью, и въ найденныхъ ходахъ и впакахъ искусными средствами ошвращашь несчастныхъ послѣдствія.

Гильоло, славный смотритель надъ сими работами, приобрѣлъ себѣ своими приращивающимися неутомимыми трудами при нихъ справедливое право на благодарность Парижанъ, но не взирая на то, едва не содѣлался жертвою клеветы во время бурь революціи. Онъ скончался въ 1807 году, и преемникомъ его былъ сдѣланъ *Герикар-де-Тюри*, которому мы обязаны описаніемъ *Катакомбъ Парижскихъ* (*), во многихъ отношеніяхъ достойнымъ уваженія, но убожественнымъ по причинѣ излишнихъ подробностей.

(*) Описаніе сіе издано 1815 года въ Парижѣ и Лондонѣ, подъ заглавіемъ: *Description des Catacombes de Paris, précédée d'un précis historique sur les catacombes de tous les peuples de l'ancien et du nouveau continent.* gr. 8.

Во время революціи, надзоръ надъ каменоломнями ослабъ; отъ сего случились новыя въ нихъ обрушенія (*), произошедшія прорывы, угрожавшія опасностью; вода затопила копи; а отъ того, что они начали служить могилами милліоновъ костей и цѣлыхъ шруповъ (о чемъ сказано будетъ ниже), воздухъ содѣлался въ нихъ ещѣ заразительнѣе, что Герикарь-де-Тюрк принужденъ былъ бороться съ новыми затрудненіями, которыхъ однако же преодолѣлъ счастливо.

Изяснимся на счетъ милліоновъ костей и шруповъ, погребенныхъ въ каменоломняхъ Парижскихъ.

Лѣтописи Парижа повѣснвуютъ, что уже въ древнія времена справедливо полагали, назначать мѣста кладбищъ за городомъ, дабы усопшіе не слишкомъ рано влекли за собою живущихъ; но когда городъ началъ быстро распространяться, то скоро стало внутри то, что не задолго предъ тѣмъ находилось вѣдъ онаго. Сіе случилось и съ кладбищемъ Невинныхъ маадеицевъ (des Innocens). Оно служило, можетъ быть, болѣе тысячи

(*). Даже во время моего пребыванія въ Парижѣ, въ 1814 году, случился провалъ около 10 квадратныхъ футовъ, но по счастію, только одно дерево было его жертвою.

лѣтъ мѣстомъ погребенія, пошому, что еще въ 1186 году, Король Филиппъ Августъ, сдѣлавшій столь много для распроспраненія и украшенія Парижа, повелѣлъ обвесити оное каменною стѣною, и на ночь замыкать ворота отъ оного кладбища, поелику во время ночи служило оно мѣстомъ величайшаго развраща. Въ началѣ принадлежнаго столѣтїя сіе кладбище увеличено; но когда двадцати приходомъ назначили шамъ хоронить умершихъ своихъ, то скоро сдѣлалось оно опаснымъ для живущихъ. Уже въ срединѣ шестнадцатаго столѣтїя, жители близлежащихъ кварталовъ города просили объ уничтоженіи сего заразительнаго кладбища, и Медицинскій Факультетъ былъ одного мнѣнія съ просителями; но все оставалось по прежнему. Въ осмнадцатомъ столѣтїи были нѣсколько разъ возобновляемы жалобы сосѣдственныхъ жителей, но безъ успѣха, пока наконецъ въ 1780 году, всѣ жители Парижа, испуганные появившеюся заразою, представили, что по причинѣ несчетнаго множества погребеній, содѣлалось кладбище сіе восемью футами выше всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, и что его-то должно почитать источникомъ заразы (*). Академія Наукъ взя-

(*). По весьма умѣреннымъ исчисленіямъ нашлось, что на семь кладбищъ, начиная съ 1185 до 1785 года,

лась за сіе дѣло, и наконецъ въ 1786 году было рѣшено Государственнымъ Совѣтомъ, кладбище Невинныхъ младенцевъ превратить въ публичную площадь.

Была составлена нарочная Коммисія, дабы тѣла, еще неиспѣвшія, а равно и кости удалились съ сего кладбища такимъ образомъ, чтобы оно не имѣло вліянія на здоровье жителей города, и чтобы было соблюдено при томъ должное приличіе, бывшее шѣмъ необходимѣе, что непросвѣщенная чернь легко бы могла найти въ томъ что либо предосудительное, и воспрепятствовать очищенію мѣста. И такъ, для перемѣщенія сихъ бранныхъ останковъ чловѣка, предложили старыя каменоломни, находившіяся безъ употребленія; предложеніе было принято; старыя кони каменоломень освя-

было схоронено, по крайней мѣрѣ, милліонъ двѣсти тысячъ шѣлъ. Изъ реестровъ послѣдняго могильщика оказалось, что въ теченіе тридцати лѣтъ, схоронилъ онъ болѣе девяноста тысячъ шруповъ, и уже съ давняго времени просширалось число умирающихъ ежегодно до трехъ тысячъ. Опдѣльныхъ могилъ было едва двѣсти; прочія шѣла были зарываемы въ большія ямы, имѣвшія около 18 фузовъ глубины, изъ коихъ каждая могла вмѣщать въ себя отъ тысячи двухъ сотъ до тысячи пяти сотъ шѣлъ.

щены для своего новаго назначенія и названы кашакомбами (*).

Очищеніе кладбищъ производилось въ три различныхъ эпохи, именно: во время зимнихъ мѣсяцевъ 1786, 87 и 88 годовъ, и каждый разъ съ наступленія ночи до разсвѣта. Парижскіе Журналы того времени были наполнены описаніями сего ужаснаго и вмѣстѣ торжественнаго происшествія. Тѣла и кости усопшихъ были перевозимы въ свою новую обитель на дрогахъ, при свѣтѣ факеловъ, съ пѣніемъ въ сопровожденіи священнослужителей (**).

(*) Названіе: кашакомбы, производящъ нѣкоторые отъ Греческихъ словъ: kata (около, окрестъ) и kumbos (означающее скрышное, вырытое подземное мѣсто); другіе же производящъ отъ kata и tumbos (могила).

(**) Кромѣ тѣхъ, еще неизмѣнившихся, найдено три рода оснований: 1) кости желшовато-бураго цвѣта: въ семь случаевъ все, кромѣ костей, распающихся въ послѣдствіи въ известковую землю, было распорчено въ газъ, кошорый ошдѣлся. 2) Тѣла неразрушенныя, но совершенно превратившіяся въ жирную, мылоподобную массу; здѣсь газъ находилъ препятствіе ошдѣленію, и дѣйствовалъ обратно на тѣло. 3) Высушія муміи; въ семь случаевъ ошдѣляющійся газъ и влажность были скоро поглощаемы сухимъ грунтомъ.

Подобнымъ образомъ перевезены въ 1787 году въ сіи каменоломни и кости съ двухъ другихъ кладбищъ; въ нихъ же были погребены шъла лишившихся жизни 28 и 29 Августа 1788 года, на площади Гревской и въ улицъ Св. Доминика, во время возмущенія, промшшедшаго за Министра Финансовъ Ломени-Бриеня, Архіепископа Тулузскаго; шакже шрупы убиенныхъ 28 Апрѣля 1789 года, во время шревоги и расхищенія шпалернаго завода, принадлежавшаго Революіону; шъла погибшихъ въ Тюльери 10 Августа 1792 года, и наконецъ несчастныя жертвы умасныхъ дней 2 и 3 Сентября 1792 года. — Въ послѣдствіи времени, были перенесены въ сіи же каменоломни кости изъ многихъ уничюженныхъ церквей и кладбищъ.

Въ 1814 году, осматривалъ я *Парижскія катакомбы*. Главный Надзиратель надъ оными, Герикарь-де-Тюри, былъ шолько учтивъ, чшо самъ показывалъ ихъ обществу, въ котшоромъ я находился. Каждый изъ посѣщителей былъ снабженъ подсною восковомъ свѣчю, и шакимъ образомъ около полудни предприняли мы свое пущешесствѣ. Ворота, которымъ мы спушлись въ подземелье, находшся близъ засшавы, извѣстной подъ названіемъ d'Enfer; они всегда затерши, и открывающшся шолько съ позволенія Глашн-

го Сморришеля. Узкая каменная лестница, по которой можно идти только одному, ведетъ на 90 футовъ въ глубину; потомъ достигаешь галлерей, имѣющей вышину и ширину въ разныхъ мѣстахъ различную, но всегда такую, что два человека удобно могутъ идти рядомъ. Часто встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ большія пещеры, потолокъ коихъ поддерживается то искусственными, то естественными каменными столбами; множество ходовъ простирается въ одну и другую стороны. На пополкахъ, во всей каменоломнѣ означены черными линиями и надписями улицы и дороги, находящіяся надъ подземными ходами; написаны также номера зданій, надъ ними стоящихъ; все это облегчаетъ возможность подать помощь при случающихся несчастіяхъ.

По симъ галлереймъ надобно идти самымъ четверть часа, прежде, нежели достигнешь собственно такъ называемыхъ *катакомбъ*; дорогою встрѣчаются многія примѣчанія достойныя углубленія, гдѣ каменные массы, надвинувшыя одна на другую, удерживаются въ равновѣсіи собственно ихъ тяжестью, и кажутся безпрестанно угрожающими обрушеніемъ. Живописное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище! — Достойныя примѣчанія водопроводъ *Аркельскій*, сдѣланный въ пра-

вленіе Маріи Медицисъ, въ 1613 году, и проведенный, къ несчастію, чрезъ старыя невѣстныя копи; надлежало воздвигнуть большія подпоры, дабы предупредишь могущія случисься несчастія. Равнымъ образомъ еще видны слѣды древняго Римскаго водопровода, устроенаго въ царствованіе Юліана.

Предъ входомъ въ самыя *катакомбы*, находишь родъ преддверія; его замыкаетъ черная дверь, навѣшенная между двумя колоннами Тосканскаго ордена; надъ ними видны слова: „*Has ultra metas requiescunt beatam spem exspectantes*, (по ту сторону сего предѣла, покоятся ожидающіе блаженной будущности).“

Внутренность *катакомбъ* сдѣлала на меня, при первомъ взглядѣ, непріятное впечатлѣніе: сему были многія причины. Слѣпы, составленныя изъ крупныхъ костей рукъ и ногъ и головъ, съ правильностью размѣщенныхъ, представляли нѣкошорый родъ мозаика. Пространство между слѣпами наполнено было мелкими костями. Буроватый нечистый цвѣтъ сихъ костей и головъ, подобный цвѣту Египетскихъ мумій, вселялъ ошвращеніе; смотря на миллионы костей, собранныя и приведенныя здѣсь въ порядокъ, невольно досадуешь на человека, играющаго прахомъ себя подобныхъ. Воображеніе ушо-

является однообразіемъ стѣвъ, составлен-
 ныхъ изъ костей, о коихъ сухая надпись по-
 казывается только, съ какого кладбища и ко-
 гда онѣ принесены сюда, и желаніе, узнать
 о шѣхъ, коимъ некогда оныя принадлежали,
 остаешься неудовлетвореннымъ. Сія спран-
 ная смѣсь порядка и беспорядка, сіи див-
 ныя сооруженія костей, которыя, распо-
 женныя иначе, принадлежали некогда суще-
 ствамъ разумнымъ, наконецъ мысль, что
 память о сихъ существахъ изпребилась со-
 вершенно, тогда, какъ бранные останки ихъ
 могли бы напомнить о нихъ: все сіе стѣ-
 сняешь грудь, перзаешь сердце и увлекаешь
 воображеніе въ міръ дикой пустоши, ничто-
 жества и разрушенія. Изъ останковъ су-
 ществъ, съ цѣлю созданныхъ, исполнявшихъ
 во время жизни многообразныя предназна-
 ченія, человекъ соорудилъ здѣсь памятники
 дѣтской забавы своей; и если присоеди-
 нишь къ сему мысль, что сіи части принадле-
 жали некогда существамъ, которыя, позна-
 вая свою нравственную свободу и свое до-
 стоинство, почитали себя главною цѣлю
 всего творенія, тогда духъ изнемогаетъ подъ
 ударами мысли о нашемъ ничтожествѣ. Да-
 бы освободиться отъ сего сокрушающаго
 чувствія, ищемъ съ жадностью другихъ
 предметовъ; но вспрѣчаешь или нѣтъ

сподпы, изъ костей воздвигнушыя, съ капи-
 телыми изъ череповъ; или ампары, соору-
 женные изъ сподъ же печальнаго матеріа-
 ла (*). Здѣсь надписи въсхъ временъ и на
 всѣхъ языкахъ, немѣющія ни оспроты,
 ни замысловатости, возвышающія о ничто-
 шествіи жизни, доказательства котораго
 сподъ убѣдительно воздѣ насъ окружающія.
 Гдѣ надешь найти что либо согрѣвающее
 сердце, возвышающее духъ, шамъ встрѣ-
 чаешъ только хладныя изрѣченія. Съ сими
 мрачными чувствами физической ничтожно-
 сти своей достигаешъ придыла, коего над-
 писъ увѣдомляетъ, что за спынами онаго
 покоився шѣла лишившихся жизни во вре-
 мя кровавыхъ дней Сентября. Воображеніе
 съ радостію принимаетъ сія извѣстія, ибо
 здѣсь можешъ дать оно свободный ходъ игрѣ
 сочетанія понятій; оно не приковано бо-
 лѣ къ умерщвляющему однообразію; оно
 пробѣгаетъ кровавыя сцены шѣхъ дней, пре-
 исполненныхъ ужасами, и возбуждаешъ въ
 груди попеременно жалость и негодованіе.

Безможно шель я подѣл нашего путеше-
 водителы; каждое мѣсто, напоминавшее без-

(*) 2 Ноября, въ память всѣхъ усопшихъ, отпра-
 вляется въ сѣхъ нашамомбахъ торжественное слу-
 женіе.

законное убіеніе узниковъ, выводило меня изъ ирачной задумчивости; я собрался съ духомъ, спараясь дашь другое направленіе своимъ мыслямъ. Я спросилъ его, какимъ образомъ уменьшили запахъ гніенія, который хотя и былъ ощущимеленъ въ сихъ подземельяхъ, но не очень силенъ. Онъ показалъ мнѣ, какимъ легкимъ способомъ можно по произволу впускать воздухъ въ сіи подземелья, усиливать и ослаблять его спремленіе. Колодези домовъ, находящихся надъ симъ подземными сводами, нисходящъ даже ниже грунша каменоломень, и будучи складены изъ кирпича, подобны круглымъ башнямъ: въ сщънахъ сихъ колодезей сдѣланы во многихъ мѣстахъ отверстія, въ которыхъ укрѣплены горла разбишыхъ сшклянокъ. Посредствомъ пробокъ можно открывать и закрывать сіи спекашныя шрубки. Если смопришель замѣчаешь, по шусклому горѣнію, что воздухъ сдѣлаася удушавъ, шо ошшыкаешь нѣсколько сихъ ошдушинъ; когда же по скорому горѣнію свѣчей и колебанію пламени усмашриваешь, что шеченіе воздуха слишкомъ сильно, шо запшыкаешь нѣкоторыя изъ нихъ. Если воздухъ покажешся ему довольно очищеннымъ, шогда закрываешь всѣ сіи ошдушины. Одышность научила его, какоѣ время наиболѣе способно къ произведенію нужнаго

шеченія воздуха, и копорья шрубки должно открытъ. Нельзя не одобрить сего изобрѣщенія: оно просто, удобно, и стоитъ малыхъ издержекъ.

Между сими безжизненными основами находящаяся также и живущія швари, копорьямъ сіе подземелье назначено вѣчною обителью. Рабошники нашли здѣсь родникъ и сдѣлали водоемъ, дабы скопаять воду его для своего упошребленія; но вода разлилася по подземелью, и нашлись принужденными обвесити родникъ каменною оградю. Сей-то колодезь былъ названъ *ключемъ Самаритянки* и сдѣланъ обителью чепырехъ Кишайскихъ золотыхъ рыбокъ, копорья и по сіе время живущь въ ономъ и, какъ сказывающь, не измѣнились ни въ цвѣтѣ, ни въ живости; онѣ выросли, но не расплодился. Если рабошники ихъ кликнущь, то онѣ являющься на поверхности воды, споль сдѣлались онѣ ружными. Я жалѣлъ о сихъ бѣдныхъ рыбкахъ, лишешныхъ навсегда жившворнаго сіянія солнца прихощю чловѣка.

При выходѣ изъ сей обители мрака и тьмѣннн, осмошрѣли мы еще два кабинета: въ первомъ было собраніе всѣхъ земляныхъ и каменныхъ породъ, находящихься въ каменомодннхъ, во второмъ собраніе коспей, отличающнхься безобразіемъ.

Съ сердечною радостью привѣтствоваль я опять дневный свѣтъ, и восхищался, что благодѣтельный лучь солнца еще согрѣваетъ меня.

Капакомбы Рима и Неаполя; хотя сходствуюшь съ Парижскими пѣть, что онѣ суть такіа же подземныя пещеры, сохраняющія тѣла умершихъ, но онѣ не имѣють ни такихъ мозаическихъ стѣнъ, ни алтарей и монументовъ, изъ костей и череповъ сооруженныхъ. Однако жь въ Римѣ, у одной Капуцинской церкви, мѣсто погребенія братій содержишь въ себѣ столь же ужасныя произведенія изъ человѣческихъ останковъ; какъ и Парижскія капакомбы. Въ нижнемъ этажѣ Капуцинскаго монастыря, примыкающаго къ церкви, находящяся многія, одна къ другой близкія пещеры, которыя соединены между собою общимъ ходомъ. Въ сихъ-же пещерахъ заключены разныхъ родовъ фигуры, лампы, алтари, распятія, которыя всѣ вообще сдѣланы изъ костей монаховъ, къ монастырю принадлежавшихъ; здѣсь на деревянныя ступля посажены облеченныя въ монашескія одѣянія скелеты; которые были найдены цѣлыми; симъ фигурамъ вложены въ костяныя руки ихъ или кнѣга, или распятіе, или горащая свѣча. Стѣны каждой изъ сихъ пещеръ украшены особеннымъ образомъ:

въ одной черепахи, въ другой ладьями, въ третьей позвонками. Въ подсвѣчникахъ, сдѣланныхъ также изъ костей, и въ панциридахъ изъ череповъ, висѣщихъ на цѣпяхъ, со-
спавленныхъ изъ маленькихъ кѣспочекъ, горѣли свѣчи. Римско-Католическій монахъ, водившій меня по симъ пещерамъ, рассказы-
валъ, что усопшіе, въ печеніи немногихъ лѣтъ, превращаются здѣсь въ сухія муміи. Холодъ обьялъ члены мои, когда онъ поло-
жилъ свою руку на плечо одной изъ сихъ мумій, и сказалъ весьма равнодушно: „Лѣтъ лѣтъ назадъ былъ онъ ближайшимъ моимъ сосѣдомъ по кельямъ.“ — Замышлявъ мое смущеніе, онъ присовокупилъ: „Никто изъ по-
свѣщавшихъ наши пещеры не могъ смотрѣть хладнокровно на сіе чудо религіи. Императоръ Юсифъ такъ былъ пораженъ симъ, что тотчасъ былъ принужденъ выйти изъ сего святилища.“

Въ Римъ и Неаполь, равно и въ окрестностяхъ сихъ городовъ (*), находится много

(*). С. Antonio Bosio Roma Sottarenea in fol. 1682, на Латинскій языкъ переведено Павломъ Аригеттемъ, подъ заглавіемъ: Roma subterranea 1651. — Дале: Artaud, Voyage dans les catacombes de Rome par un membre de l'Académie de Crotona. Paris 1810. — Voyage physique et lithologique dans la Campanie; Spallanzani, Voyage dans les deux Siciles.

катакомбъ и подземныхъ ходовъ, служившихъ въ древніи времена для погребенія мертвыхъ; ибо обычай, сжигать шруны существовала уже послѣ и продолжался короткое время. Здѣшніе подземные ходы устроены въ вулканическомъ шуфъ (*) и въ пуццоланѣ (которая равнымъ образомъ вулканическаго происхожденія), и, вѣроятно, первоначально производимы: отъ того, что сію землю выкапывали для составленія изъ нее, въ смѣшеніи съ извѣстью, извѣстнаго по чрезвычайной прочности своей цемента (**); также

(*) Сей шуфъ бываетъ двоякаго рода: одинъ зеленаяшъ или блюваяшъ, легокъ и преисполненъ свѣдинами; его ломають на поверхности земли и называютъ *травертина*; другой имѣетъ цвѣтъ черноватосѣрый, либо красноватый, и есть пошъ самый, котораго Италіяны называютъ *туффо*; его добываютъ въ окрѣстностяхъ Рима, и онъ бываетъ разныхъ родовъ.

(**) Древніе и нынѣшніе Римляне приутошовляли свой цементъ изъ *пуццоланы*, *pulvis puteolanus* у древнихъ, вѣроятно пошому, что она была открыта сперва въ *Путсоли*, нынѣ *Пуццуоли*, около Неаполя. Она бываетъ двоякаго рода: черноватая и красноватая; первая жеска, содержащая въ себѣ желѣзо и употребляется болѣе для подводныхъ строеній; вторая преимущественно для работъ, поверхъ земли производимыхъ. Слои Пуццоланы простирающа глубоко въ землю, и весь Римъ подкопанъ добываніемъ се.

добывали здѣсь и строишельный камень. Но пространство и величина сихъ ходовъ, особенно же тѣхъ, которые около Неаполя, не позволяютъ вѣрнѣе, что они произошли единственно отъ добыванія пуццоланы; равнымъ образомъ нельзя допустить, чтобы сіи пещеры были сдѣланы древними только для погребенія въ нихъ мертвыхъ; ибо кромѣ того, что огромная ихъ величина несообразна такому назначенію, онѣ имѣють слишкомъ пространные и длинные ходы, въ которыхъ еще не сдѣлано мѣстъ для погребенія. Посему-то Италіанскій ученый *Пелличчи* думаетъ, что сіи ходы, можетъ быть, составляли подземныя улицы, соединявшія города Неаполь, Куму, Пуццолу, Капуу, Нолу и Ачеру, ибо дорога чрезъ горы, между сими городами лежащая, была бы весьма затруднительна.

Только весьма малая часть сихъ ходовъ извѣстна около Рима и Неаполя: одки завалены обрушеніемъ, другіе, служившіе кладовыми запрещенныхъ поваровъ, или мѣспомъ убійца разбойниковъ, нарочно закладены камнями; отъ сего здѣшнія подземелья не имѣють столь подробнаго плана, какъ каменоломни Парижскія.

Въ Римѣ посѣщала я кашакомбы, Св. Каллиста, подлѣ церкви Св. Севастіана и въ

Неподъ Св. Януарія. Первыя показывае намъ дѣточкѣ, неся восковой факель; и шакъ какъ это было въ первый разъ, чню я и мои товарищи предприняли такое пушешествіе въ обитель смерти, но мы не имѣли предосторожности запасшсь сими восковыми факелами, и погда только увидѣли опасность въ кошорой находимсь, когда уже были внизу, и когда проводникъ нашъ, дабы ярче свѣщилъ факель, горѣвшій иногда тускло, обирая его о камень, при чемъ онъ часто бываеъ близокъ къ тому, чшобы погаснуть; также и сшремленіе воздуха изъ боковыхъ ходовъ, настигая насъ внезапно, грозило погасить факель. Все это приводило насъ въ немалый страхъ во время нашего пребыванія въ кашакомбахъ, а особливо меня, поштому, чшо въ преаніе годы моей жизни, имѣаъ я подобное несчасіе въ *Баумановой* пещерѣ, у подошвы Броккена (*).

(*) Въ 1785 году, когда я обучался въ Галлѣ, сдѣлааъ я съ однимъ изъ моихъ пріятелей пѣшкомъ пушешествіе по Гарцу, и между прочимъ посѣщили мы *Бауманову* пещеру въ шакъ называемомъ Раубландѣ, по близости Бланкенбурга. Слѣдуя древнему обычаю, надѣли мы горный балахонъ, и каждый получилъ по лавіи, боухъ свѣщильни не были подобны свѣщильнѣ нашего пушеводителя, кошорая была изъ хлопчатой

Сии подземные ходы имѣютъ неравную
вышину: иногда проспираются до десяти и
двѣнадцати фузовъ и выше, иногда же споль

бумаги, какъ що всегда бываетъ; наши же, бывши
изъ холщяныхъ шренокъ, давали очень мало или
вовсе никакого свѣта, и мы съ шрудомъ могли
содержать ихъ горѣніе. Осмотрѣвъ многія пещеры съ
ихъ капельническими видами, едва успѣли мы приѣти
опять въ первую пещеру, какъ онѣ потухли, и мы
шолько съ великимъ шрудомъ могли слѣдовать за
свѣтомъ лампы нашего проводника; внезапно погас-
ла и въ оной свѣтильня, вѣроятно опять капли, съ
потолка упавшей, и мы были объяны густымъ мра-
комъ. Никто не осмѣливался сдѣлать впередъ ни
одного шагу, изъ боязни упасть въ развалину, такъ
же и проводникъ нашъ совѣтовалъ пробыть спокой-
ными; въ усталости улеглись мы всѣ вмѣстѣ на по-
лу, покрытомъ влажносью. Три часа провели мы
въ семъ мучительномъ положеніи; въ началѣ показы-
вало наше общество досаду и негодованіе на непри-
ятный случай, въ послѣдствіи умѣли мы дать шум-
ливый оборотъ сему приключенію, начали смѣ-
лясь надъ своимъ несчастіемъ и рассказывать другъ
другу фантастическіе вымыслы о гордыхъ духахъ и
гномахъ, о оцарованныхъ Принцахъ и Принцессахъ.
Наконецъ, по испеченіи шрехъ часовъ, которые од-
нако жъ довольно скоро для насъ пролетѣли, пока-
зался свѣтъ въ нашей темнотѣ: одинъ Англичанинъ
съ своею женою спустился въ пещеру; нашъ путе-
водитель слова зажегъ свою лампу, и вывелъ насъ
изъ пещеры. *Сок.*

низки, что надобно наклониться, дабы не удариться головою; они пакъ перепутаны между собою, что безъ опытнаго провожатаго, кошорый долженъ сѣдовать по знакамъ, на спѣнахъ ходовъ сдѣланнымъ, легко можно въ нихъ заблудиться. Такъ погибли за нѣсколько лѣтъ предъ симъ воспишатель съ шестью воспишанниками, рѣшившіеся итти въ сіи капакомбы безъ пупеводителя. — Кому неизвѣстенъ эпизодъ *Делила* въ четвертой пѣсни его *Повмы*: Воображеніе, имѣющій основаніемъ истинное приключеніе? . . . Французскій Живописецъ Робертъ, пылая желаніемъ сдѣлать новыя открытія въ семь лабиринтѣ, рѣшился итти въ него безъ проводника, бывши въ твердой увѣренности, что найдешь обратную дорогу посредствомъ нити, кошорой одинъ конецъ прикрѣпилъ онъ у входа и смазывалъ ее съ клубка, взяшаго имъ съ собою. Внезапно нить разрывается; онъ старается найти ее, но тщетно; страхъ его возрастаетъ по мѣрѣ того, чѣмъ долѣе остаешься безуспѣшнымъ его стараніе, чѣмъ меньше остаешься восковой свѣчи, имъ взяшой, и замѣшательство его увеличивается безпрестанно. Наконецъ свѣча догораетъ, и мрачная ночь окружаетъ его въ подземельѣ; въ сильномъ отчаяніи, видя предъ собою ужасы голодной

смерти, бросается онъ на землю и ищешь
препавшей нити почши въ сумасшествіи;
что то помадаешся ему въ руки; онъ не
довернешь своему ослзанію, спрашишся,
что обманчивая надежда его обольщаешъ;
нѣтъ это не обольщеніе: онъ нашель спаси-
тельную нить, имъ пошерянную.

Въ спѣнахъ галлерей находили мы, боль-
шей или меньшей величины, впадины, шакъ,
что каждая изъ нихъ могла вмѣстѣ чело-
вѣческое плѣо; прежде были онъ закладены
или кирпичами, или каменными плитами; ко
ихъ опкрыла, чтообы вынушь древніе гробы и
урны, тамъ находившіяся. — Нѣкоторыя, сихъ
впадинъ, галлерей и вертеповъ вовсе не об-
дѣланы, но оспнаюшся въ томъ видѣ, какъ
онъ произошли отъ выработкы камня, дру-
гія напрошивъ того разрисованы, или имѣ-
юшь Греческія и Латинскія надписи; часто
находяшся таковыя впадины однѣ надъ дру-
гими; внутренняя длина самыхъ большихъ
изъ нихъ простираешся до семи, вышина до
трехъ фушовъ. Но еще ешть великое мно-
жество могилъ неопкрытыхъ. — Могилы,
видѣнныя мною, были всѣ вообще Христіан-
скія, о чемъ можно было заключишь по
кресшамъ, на нихъ нарисованнымъ; но въре-
яшно и языческія находяшся въ сихъ капа-
комбахъ.

Капозики утверждаютъ, что въ сія подземные ходы удалялись перемы Христиане, дабы здѣсь въ тишинѣ совершали свое Богослуженіе; что они здѣсь укрывались отъ меча преслѣдователей; что здѣсь сохранились тѣла мучениковъ Вары. Жизнеописанія поспрадавшихъ за дѣру Христианъ гласяшъ, что тѣла Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла были послѣ казни ихъ поспасъ перенесены въ сіе подземелье, и находились въ немъ до того времени, пока не были перевезены на нынѣшнее ихъ мѣсто упокоенія. Число скороненныхъ здѣсь мучениковъ полагаюшъ до семидесяти четырьехъ тысячъ.

Въ самомъ началѣ сихъ кашакомбъ находилась рощица, имѣющая въ срединѣ каменный престолъ; въ стѣнахъ ея изсѣченны скамьи. Утверждаютъ, что здѣсь-же гонимые Христиане свершали свое Богослуженіе; и по нѣмъ въ сей краинѣ осправлялся 2 Нодбра торжественная паннида.

Кашакомбы въ окрестностяхъ Сень Жемаро-аль-Чиместоріо, въ Неапалѣ, имѣютъ большое сходство съ вышеписанными Римскими; только онѣ большей обширности, и во многихъ мѣстахъ гораздо выше. Часно многія галереи проспиряются одна надъ другою, и къ высшимъ ведутъ каменные

дѣспиницы, въ скалѣ извѣщенныя. На заднихъ стѣнахъ нѣкоторыхъ могильныхъ пещеръ грубо нарисованы карпины, неудачной работы, мозаическія надписи и имена умершихъ, которые были схоронены здѣсь: въ иныхъ лежатъ еще кости, доскушья, плашья и чепки. Многія могилы еще не открыты. Здѣсь, въ самомъ началѣ подземелья, находится пещера довольной величины, и къ стѣнѣ ея прирѣзанная каедрa, увѣряють, ша самая, съ которой Св. Януарій говорилъ проповѣди первымъ Христіанамъ; на стѣнахъ ея находятся живописныя изображенія Святыхъ. — Здѣшнія Христіанскія гробницы отличаются отъ языческихъ прирѣзанными къ нимъ виноградными листьями, или рыбами; первое есть символъ Тайной Вечери, послѣднее же, следуя примѣчаніямъ Бешхера на журналъ путешествія господжи фонъ Рекке, Ч. 3. стр. 48, представляеть указанія на пять начальныхъ буквъ Греческихъ словъ: Іисусъ, Хрипосъ, Божій Сынъ, Спаситель, которые, будучи соединены въ одно слово, означающъ въ проеспомъ чтеніи рыбу (ΙΧΘΥΣ).

В. Б.

III.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ОБЗРѢНІЕ ОТЛИЧНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ, ПОЯВИВШИХСЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1824 ГОДА.

(Окончаніе.)

Театръ. По исчисленію одного усерднаго посѣщителя Театровъ, на различныхъ сценахъ столицы появилось 197 новыхъ произведеній, въ числѣ коихъ одна Опера, девять Трагедій, двадцать Комедій, шестнадцать Комическихъ Оперъ и сто пятнадцать Водевильей. Жальемъ, что оны не дополнили своего счета Мелодрамами: ихъ должно бытъ 37. Предоставляемъ любителямъ повѣрить сію сумму.

Начиная съ *Королевской музыкальной Академіи* (Большой Оперы), мы находимъ, что она съ своей стороны пославила на сцену одну только большую, волшебную Оперу *Ипсибое*, въ трехъ дѣйствіяхъ; подражаніе Роману Г. Арленкура; слова Г. Сеншъ-Йона, музыка Г. Крейцера (1-е представленіе 31 Марта). Она не поддержала славы, которою почтили ее еще до представленія.

Французскій Театръ. — *Юанна Шоръ*, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Г. Неп. Лемерсье (представленная въ первый разъ 1-го Апрѣля, въ пользу Тальмы), подражаніе *Ричарду III* Шекспира и *Юаннъ Шоръ Рова*: двойное дѣйствіе, двойная занимательность: картина пресупленій Ричарда и несчастій Юанны Шоръ. Онъ восходитъ на престолъ злодѣйствомъ и истребленіемъ родственниковъ; она, умирая, испрашиваетъ прощеніе своему супругу. Характеръ Ричарда изображенъ сильными чертами; но раздѣленіе дѣйствія, спранныя вводныхъ происшествій и безмыслина диалогна піесы щакъ упоминаемъ зрители въ время перваго представленія, что ее почитали упадшею. Она вновь поднялась въ слѣдующія представленія, бывъ нѣсколько оправдана, но все дарованія Тальмы не могли удержатъ ее на сценѣ.

Ботель, Историческая Драма, въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Г. Амни (Empis), играна 21 Юня. Сюжетъ сей вапль вновь изъ исторіи Маріи Стуартъ; сіа несчастная Королева для Писателей новѣйшихъ временъ есць ещюль же, обидный мещочникъ. Трагедій, щакъ для Грековъ, было семидесяти Целопса. Г. Амни хотѣлъ оправдать ее въ убійствѣ, но крайній мръ сомнительномъ, втораго ея супруга: онъ возла-

гаетъ все ненавистное сіе преступленіе на Ботвелла, съ которымъ она сочелась прешьимъ бракомъ. Мы не станемъ разбирать исторической части сей Трагедіи. Справедливо замѣчаніе, что смерть Маріи Стуартъ есть единственное происшествіе, которое заставляетъ принимать участіе въ пьесѣ сей несчастной Королевы, и что, обращая вниманіе на жизнь ея до бѣгства изъ Шотландіи, не можемъ принять участія въ ея судьбѣ. И такъ, не взирая на все старанія Автора, Марія Стуартъ являетъ двусмысленный характеръ, и заговоры, которыми она окружена, болѣе утонченныя зрительскія, чѣмъ вселяли въ нихъ участіе: сія пьеса не упала, но была взята обратно Сочинителемъ.

Эддоръ и Кимодокиа, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Г. Гартъ (17 Июля), сюжетъ взятый изъ одного извѣстнаго сочиненія Г. Шамобриана. Здѣсь, Эддоръ любитъ Кимодокию, и въ Проконсулѣ Герокавъ находишь соперника и врага. Въ ту минушу, когда Эддоръ, достигшій въ рядахъ Римскихъ воиновъ званія Полководца, возвращаешься въ Римъ, гдѣ ожидаешь его почести триумфа, его невѣстка достигаетъ въ власть ненавистнаго ей Герокава. Эддоръ

ее увозить и обращаешь втайнѣ въ Христіанскую Вѣру. Она готовится всудить съ нею въ супружество, когда Цесарь, по кознямъ Герокла, приказываетъ объявить гоненіе на Христіанъ. Тогда Эвдоръ льно переходитъ въ Христіанскую Вѣру, Кимодокиа сядуетъ примѣру его, и оба супруга вмѣстѣ умирають мученическою кончиною.

Кришика находишь въ сей Трагедіи нѣсколько невзрачности въ происшествіяхъ (*), нѣсколько недоспашковъ въ сочиненіи, слишкомъ быстрые переходы за сценою, слишкомъ многорачивыя пренія, небрежности въ слогѣ, и воспоминанія. *Полевкта и Храмаевыхъ Рыцарей*; съ другой стороны, она заслужила справедливую похвалу превосходными сценическими движеніями, пламенными сдѣлками, возбуждающими благородныя чувства, большою занимательностію въ четвертомъ дѣйствіи, разительною и умилительною картиною въ пятомъ. Словомъ, сія Трагедія строгаго

(*) Трудно повѣрить, чтобы главное содержаніе сей Трагедіи было основано на исторической истинѣ. Съ другой стороны странно видѣть нынѣ на театрѣ предствленіе такихъ дѣйствій, которые описываются въ сей Трагедіи.

тона, въ которой чувство невинной любви облагорожено Христіанскою ревностію. поставила уже пожилато Автора своего на ряду съ лучшими драматическими Писателями нашего времени.

Германикъ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Арно, опца, (второе представленіе 22 Декабря). Сія Трагедія принадлежитъ къ Исторіи липерашуры 1817 года. Занимательнѣйшее происшествіе въ Тацитѣ есть, безъ сомнѣнія, смерть героя, который былъ радостію Рима, и палъ жертвою честолюбія Сяна и зависти Тиверія. Величайшая прудность сей Трагедіи заключалась въ героическомъ характерѣ Германика, недоколебимаго посреди опасностей, невнимающаго никакимъ вкуненіямъ подозрѣнія, и наконецъ шановящагося жертвою великодушнаго своего довѣрія. Г. Арно имѣлъ искусство сдѣлать его драматическимъ и до конца привязать къ нему принимаемое въ немъ участіе. Слогъ его чистъ, важенъ и не имѣетъ романтическаго *новоблвд*, которое слишкомъ часно служить для прикрытія слабости мыслей въ новѣйшихъ сочиненіяхъ.

Женатый волокита, или *Урокъ* (Le mari à bonnes fortunes ou la Leçon), Комедія въ 5 дѣйствіяхъ и въ спискахъ, соч. Казимира Бонжура (30 Сентября). Молодой

супругъ, предавшійся всѣмъ разсѣянностямъ звѣша, забываешь жену свою и обольщаешь другихъ. Его мать щещно спарается возвратишь сына къ супружескимъ обязанностямъ, представляя ему какъ честь, шакъ и выгоды. Сія Комедія, исполненная оспрыхъ и справедливыхъ замѣчаній, написанная естесшвеннымъ и яснымъ слогомъ, показываетъ опышнаго живописца нравовъ: она имѣла блиссшательный успѣхъ и безъ помощи дарованій Г-жи Марсь.

Одеонъ. — Сей Театръ, споящій всегда выше перваго, если не по дарованіямъ, шо, по крайней мѣрѣ, по усердію своихъ акщеровъ, представилъ въ семь году шесть новыхъ Трагедій:

Гаральдъ, или Скандинавы, въ 5 дѣйствіяхъ и въ стихахъ, соч. Г. Викшора (4 Февраля), коего содержаніе представляло одно только скопище варварскихъ именъ, невозбудившихъ никакого участія въ публикѣ.

Юанна Шоръ (2 Апрѣля), въ кощорой Г. Лядерь, подобно Англійскому Поѣшу Рову, пользуетя только содѣйствіемъ Ричарда III къ приведенію развязки, оканчивающей несчаштія и раскаяніе Юанны Шоръ; плачевнымъ положеніемъ ея супруга, спра-

она возвращается къ побѣжденному. Антипидій, въ отчаяніи, хочешь окончить дни свой, подобно Брушу, и велишь рабу своему убишь себя. Тщательно жена и сынъ его стараются отклонить его отъ сего намеренія. Предполагая, что Клеопатра будетъ жить больше власти надъ умомъ Антоніа, Октавіа отыскиваетъ свою соперницу въ гробницѣ; конюрая слышавъ ей убѣжденіемъ; но, вѣрнее благосклоннаго ошвыша, она получаетъ отъ нее ударъ кинжаломъ. Попоми Антоній, какъ въ Исхоріи, умираетъ предъ глазами своей любовницы; конюрая, не будучи въ состояніи смести такое бремя несчастія, лишаетъ себя жизни угрызениемъ аспіда.

Артуръ Бретанскій, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Г. Шове (16 Августа). Предметъ сей не удался Дюсису. Зрѣніе искажилъ его, а новый Авторъ удалился отъ историческихъ происшествій. Артуръ Бретанскій, подпавъ власти дяди своего Іоанна Безземельнаго, влюбляется въ молодую Принцессу Машильду, которую уже Герцогомъ Дорсетскимъ, своего супругомъ, она соглашающаяся бытъ съ швъ, чиноби онъ опасенъ Артура. Въ самомъ дѣлѣ Дорсетъ вступается за сего Принца; возвращаетъ ему свободу и даетъ Іоанну Безземельному сраженіе

въ кошоромъ сей послѣдній побѣжденъ, но Дорсетъ и Аршуръ смертельно ранены. Сдѣлавшись на минушу Королемъ, Аршуръ, посреди побѣды, пораженъ поклою измѣнниковъ, подкупленныхъ золотою Іоанна. Машильда, кошорую Авшоръ представляеть мечшашельною Принцессою, внушенною даромъ предреченія, предсказываетъ Королю Іоанну Безземельному вся несчастія, кошорыя со временемъ его постигнутъ, и спѣшишь укрышься въ монастырь, ошкуда заставила ее удамишься несчастная любовь. Нѣсколько занимащельныхъ сценъ, красоты въ подробностяхъ, увѣнчали успѣхомъ первое представленіе сей Трагедіи, кошорая вскорѣ исчезла съ афишекъ.

Маршалъ Биронъ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Г. Дюпаркъ-Локмаріи (27 Сентября). Сюжетъ сей споль извѣстенъ, что мы не станемъ разбирать его: вся драматическая завязка состоитъ въ томъ, признаеться ли Маршалъ, осужденный на смерть, въ измѣнѣ, и согласишься ли онъ покоришься для избѣжанія казни. Здѣсь Авшоръ выводитъ на сцену его жену и сына, щцельно сшарающихся преклонишь его суровое упорство. Прекрасныя стихи, благородныя чувства, кошорыми сія Трагедія украшена, не

могли долго удержашь на сценѣ піесы, хорошо написанной, но немѣющей ни дѣйствія, ни завязки.

Фіеско, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Г. Ансело (5 Ноября). Она передѣлана изъ Шиллеровой Трагедіи, по правиламъ Французскаго Театра. Заговоръ скрывается въ шумъ блестящихъ праздниковъ. Какъ новый Алкивиадъ, Фіеско принимаешь видъ въпреноси, волокитства, спраши къ пріятнымъ разсѣваніямъ, чшобъ отвратишь ошъ себя подозрѣніе, могущее пасть на него. Цѣль его ешть сверженіе Доріевъ съ Герцогскаго престола и овладѣніе онымъ; но въ шо же время другіе заговорщики хоняшъ возстановишь республику. Наконецъ, общая всѣмъ выгода на минушу соединяешъ ихъ. Старый Дождъ свергнушъ съ престола; но въ шо мгновеніе, когда партія Фіеска возводишъ его на высшую степень власши, одинъ изъ заговорщиковъ-республиканцевъ его умерщвляетъ. — Въ сей Трагедіи ешть шри лица истинно драматическія. Фіеско, кошорому развлеченіе свѣтское служишъ однимъ лишъ политическимъ средствомъ и дружиною заговора; Веррина, коего мстительность и память нанесенной обиды (племянникъ Дожа оскорбилъ дочь его) увлекаюшъ

до фанатизма; и Гассанъ, Мавръ ужасной нужности, конторый не знаетъ другихъ чувствъ, кромъ спрасити къ золошу, и коего руки уже напередъ проданы шому, кто захочешъ дороже заплащити ему за зводвѣніе. — Сія при характера изображены Шиллеромъ; но приведенные въ границы правильного дѣйствія, искусно развитые и украшенные чистымъ, краснорѣчивымъ слогомъ, исполненными пишическими красотою, они достойны Французской сцены, на коей Трагедія сія должна заняла почешное мѣсто.

Словомъ, Одеанъ, по нашему мнѣнію, одержалъ въ семь году побѣду, въ отношеніи къ Трагедіи, надъ первымъ Театромъ; впрочемъ онъ имажетъ и *Жематому волокити* прощивопоставити *Роскошь и нищету*, или *Пармское хозяйство* (первое представленіе 17 Января), Комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, ошлечную по искусному изображенію нравовъ, справедливымъ замѣчаніямъ и хорошимъ оборотамъ въ стихахъ. Въ ней изображается жена сродоначальника, которая принимаетъ обычаи, поны и роскошь бодьшаго сѣмья, увлекаетъ мужа своего въ безумныя издержки, и вездѣ дѣлаетъ долги, до наущенію хищреца, который въ полной мѣрѣ пользуется ея слабостями. Наконецъ

страсть блистать до того доводишь ее, что она закладываетъ 30,000 франковъ, полученныхъ на сохраненіе ея супругомъ, чтобы на балѣ своемъ явиться въ занянныхъ брилліаншахъ, кошорые, вмѣстѣ съ залогомъ, дѣлающа добычею хищреца. Къ большому несчастію, узнаюшь, что супругъ ея лишился мѣста. Наконецъ все это исправляется: брилліаншы опять найдены, мѣсто возвращено, дочь ихъ всхупаешь въ выгодный бракъ, и пѣса кончидся къ удовольствію зрителей, давь имъ наставленіе, коего подробности принадлеать болѣе къ роду Драмъ, нежели къ хорошей Комедіи.

Сверхъ того предсавлены были въ Одеонѣ многія иноспранныя Оперы въ Французскомъ переводѣ: успѣхъ ихъ превзошелъ ожиданія Дирекціи. *Севильскій цырюльникъ* и *Сорока воровка* играны были сначала. *Прерванное жертвоприношеніе*, Винпера, напоминало о геніи Моцарша: *Robin des bois*, подражаніе знаменитому *Волшебному стрѣлку* Вебера, превзошелъ успѣхомъ *Владѣтельницу озера* (la Donna di Lago) на *Оперѣ буффѣ*, и привелъ въ опчаяніе любители Комической Оперы.

Здѣсь жажва не всегда была удачна, не смотря на усиліе и вкусъ новаго Директора (Г. Гильберта Пиксеркура). Однако же

Леоклдія, родъ Драмы въ 3 дѣйствіяхъ (слова Г. Скриба и Мельвила, музыка Г. Обера), *Концертъ при дворѣ*, *Офицеръ и крестьянинъ* (слова Г. Ахиллеса Даршуа, музыка Г. Крѣбе), *Два мушкетера* (слова Гг. Віаля и Жюспина Жансу, музыка Г. Бершона) поддержали честь сего Театра.

Изъ прехъ Театровъ, которые можно назвашь помощниками Комической Оперы, и на копорыхъ равномерно играють серіозные, сенсименпадные и комическіе Водевильи, Драмагическая Гимназія, что нынѣ Театръ Герцогини Беррійской, пользуется поспоянно благосклонностію публики и посвящается ошборнѣйшимъ обществомъ. На семь Театръ предшавлено до придцати новыхъ піесъ, копорыя всѣ имѣли успѣхъ; однако же заслуживають оный преимущественно слѣдующія: *Чердакъ художниковъ*, *Поцѣлуй предъявителю*, *Корали или Ненависть женщины*. Вообще въ репершуарѣ сего Театра, въ коемъ Г. Скрибъ все еще играетъ ролю главнаго хозяина, господствуешь разборчивый вкусъ, чувство благоприсойности, шонъ хорошаго общества, копорыя трудно найши въ другомъ мѣстѣ, даже иногда нѣсколько болтовни, а это гораздо лучше низкой веселости его сосѣдей.

Наконецъ, начинается проходить мода мелодрамъ на *Театрахъ бульварныхъ*. Чтобы завлечь шуда хорошее общество, принуждены были присовокупить маленькія Комедіи въ лучшемъ вкусѣ, или, какъ на примѣръ, въ Театрѣ *Porte St. Martin*, опыты силы *Алкидовъ* и прыжки *Мазюрье*, въ роляхъ обезьянь.

Желая дать въ цифрахъ понятіе о любви къ театральнымъ зрѣлищамъ, увѣряющъ, что за четыре года, общій сборъ въ обыкновенное лѣто простирался до 5 милліоновъ франковъ, а въ нынѣшнемъ онъ превышаетъ шесть.

М.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Письмо Американскаго морскаго
Офицера изъ Греціи.

Въ Американскихъ Вѣдомостяхъ содержится письмо одного Сѣверо-Американскаго офицера, служащаго въ экипажѣ линейнаго корабля *Сѣверной Каролины*, къ пріятелю его въ Филадельфіи, о нынѣшнемъ положеніи Грековъ. Американскій Капитанъ-Командоръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, посѣдилъ Членовъ Греческаго Правленія въ

Наполи-ди-Романи. — Изъ сего письма видно, что Президентъ Кондуріопши человекъ швердаго сложенія, ростомъ около 6 фузовъ, имѣешь правильныя черныя лица, большой орлиный носъ, лице смуглое, черные глаза и волосы, и по видимому около 45 лѣтъ отъ роду. Онъ казался задумчивымъ и пасмурнымъ. Сочинитель сего письма удивленъ былъ холодноспію и равнодушіемъ его при первомъ свиданіи съ пѣми, отъ коихъ онъ долженъ былъ ожидать большаго участія въ дѣлѣ его опечества; онъ опнюдь не вмѣшивался въ разговоръ, даже не пользовался помощію толмача, поному, что онъ, какъ увѣряють, говоритъ на одномъ только опечеспвенномъ языкѣ своемъ. Онъ былъ прежде купцемъ и приобрѣлъ значительное богатство; ушверждають, что имѣніе его простирается до 20 милліоновъ франковъ, и что, не смотря на то, онъ доселѣ еще не жертвовалъ деньгами въ пользу Греческаго дѣла. Можеть быть, что обладаніе сими сокровищами возведо его на шакую значительную степенъ, поному, что всѣ друзья и недруги его, съ кошорыми сей офицеръ говорилъ о немъ, соглашающся въ томъ, что онъ не имѣеть ни малѣйшаго качества, кошорое дѣлало бы его способнымъ къ зайашію столь значительнаго нѣства.

„Маврокордашо, говоритъ Сочинитель: средняго рослу, лицемъ смугль, имѣешь черныя какъ смоль, глаза и волосы; черты лица его довольно прищны; онъ носитъ очки и кажется нѣсколько сушуловатъ. Онъ ошправляетъ должность Спашсь-Секретаря, одаренъ большими способностями и оказываешь большую склонность къ инпригамъ. Онъ и Г. Трикупи носятъ Европейскія плашья; всѣ прочіе же ходящъ въ своей національной одеждѣ. Я обращался къ Маврокордашу съ нѣсколькими вопросами, на которые онъ ошвѣчалъ мнѣ вѣжливо, но съ нѣкоторою ошсторожностію. Можешь бышь, что оная сосшавляетъ черту его характера. Онъ очень хорошо говоритъ по-Французски, а Трикупи по-Англійски. Послѣдній, если я не ошибаюсь, воспитанъ въ Англии. Оба Военные Министра нушъ же присушествовали. При одномъ изъ нихъ находился пятнадцатилѣтній сынъ Колокошпрони, вышшняго Главкомаандующаго въ Моревъ, сражающагося прошиву Ибрагима-Паша и Арабскихъ ордъ его.

„Посѣщеніе наше продолжалось около часу; потомъ мы присушествовали на емошрѣ ошпада войскъ, образованнаго по-Европейски, копорый, судя по крашкости времени его обученія, уже оказалъ большіе

успѣхи. Весьма шрудно было искоренишь предрасудки Грековъ прошиву сего рода ученія, и произвеспи изъкоторыя необходимыя перемѣны въ ихъ одеждѣ. Съ большимъ шрудомъ убѣдили ихъ убавишь на нѣсколько дюймовъ ширину ихъ нижняго плащя, которое у нихъ въ объемъ обыкновенно не уступаешъ женскому.

„Число всѣхъ, шакимъ образомъ обученныхъ войскъ просшираешся до 1200 человекъ. Въ сославъ ихъ входишь опрядъ конницы, образованной однимъ Французскимъ офицеромъ, и одѣшый, какъ Французскіе солдаты, въ зеленыя куршки и брюки. Всѣ офицеры въ ономъ опрядѣ Французы или Ишаліянцы. Омъ сего маленькаго корпуса и защищенія имъ Навплин зависишь, шакъ сказашъ, учасишь Грековъ. Если бы согласіе господствовало въ Совѣтѣ и въ войскѣ, шо они могли бы воспоржесшвовашъ надъ своими врагами. Пребываніе наше было слишкомъ кратковременно, и пошому мы не могли узнать настоящаго положенія дѣла; однако же къ сожалѣнію успѣван увѣришься, что все у нихъ раздѣлено на парши, и что интриги и происки имѣюшь у нихъ великое вліяніе на важнѣйшія дѣла. *Пер. М.*

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

160. *Указатель жилищъ и зданій въ Москвѣ, или адресная книга, съ планомъ, составленная служащимъ при Московскомъ Военномъ Генераль-Губернаторѣ Чиновникомъ В. Соколовымъ.* М. 1826, въ шип. Ав. Семена, въ 12, 372 и 369 стр.

(См. No 96 Сѣв. Пч.).

161. *Государственная вѣдѣнная торговля 1825 года, въ разныхъ ея видахъ.* С. П. 6. 1826, въ шип. Денарш. Вѣдѣнной торговли, въ 4, 68 стр.

(См. No 97 Сѣв. Пч.)

162. *Colloquia Rossico-Latina, in vita communi usitatissima, divisa in lectiones, vocabulis minus vulgaribus concomitatas, quibus sub finem addita sunt etiam aliquot pro-*

verbia et voces Latini sermonis synonymæ, in gratiam Rossicæ juventutis edita ob E. P. S. I. т. е. Россійско-Латинскіе разговоры, самыя употребительныя въ общежитіи, раздѣленныя на уроки съ словами, менѣе обыкновенными для каждаго, къ которымъ въ концѣ прибавлено нѣсколько пословицъ и синонимовъ Латинскаго языка, въ пользу Россійскаго юношества, изданныя Э. П. С. И. М. 1826, въ Унив. шип. въ 8, 268 стр.

(См. No 98 Сѣв. Пч.)

163. *Письма къ Эмилиі о Мифологіи, сочиненіе Демутъе. Переводъ Вас. Дмитриева и Вас. Дувърова. Часть I. С. II. 6. въ шип. Медич. Депарш. М. Ви. Дѣль: 1826, въ м. 8, 172 стр.*

(См. No 99 Сѣв. Пч.)

164. *На день Священнаго короновація и миропомазанія Его Величества Императора Николая Павловича Спикопвореніе Графа Д. И. Хвостова: С. Н. 6. въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія: 1826, въ 8, 8 стр.*

(См. No 100 Сѣв. Пч.)

165. *Возращеніе Славянской Царицы Доброславы*. Прологъ въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. В. Олина. С. П. б. въ шип. Депарш. Народнаго Просвѣщенія. 1826, въ 8, 45 стр.
(См. No 101 Свѣ. Пч.)
166. *Басни и Сказки Александра Измайлова*, съ присовокупленіемъ Опыта о расказѣ Басни и разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басенъ лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ. Въ трехъ частяхъ. Изданіе пятое, вновь исправленное и умноженное. С. П. б. въ Морской шип. 1826 года въ 8. Часть I 94 стр.
(См. No 102 Свѣ. Пч.)
167. *Руководство къ познанію Всеобщей Политической Исторіи*, сочиненное Профессоромъ Императорскаго Царско-сельскаго Лицея, Санктпетербургскаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ Дѣйствительнымъ Членомъ, Коллежскимъ Совѣшникомъ и Кавалеромъ *Иваномъ Кайдановымъ*. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Три части; С. П. б. 1826, въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія. Въ 8, въ первой части стр. XVII, 218, во

второй VII, 200. При каждой части хронологическая таблица.

(См. No 105 Сзв. Пч.)

168. *Сочиненія въ прозѣ и стихахъ.* Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть шестая, М. 1826, въ Универс. тип., въ 8, 368 стр.

(См. No 106 Сзв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. N° XVI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

М И Л Л И О Н Щ И К Ъ.

(*Оконтаніе.*)

Новое званіе.

Между пріѣзжими, посѣщавшими наши воды, случилось бывашь здѣсь и чиновникамъ, служащимъ по хозяйственной части. Они узнали меня. Если бъ я былъ такъ одѣтъ, какъ они, по знанія мои конечно бы не обрашались на себя ихъ вниманія; но въ моей мужицкой сермягѣ казался я имъ очень умнымъ и почтеннымъ человекомъ. Страшно богатымъ считали меня и безъ того. И такъ мнѣ ничего не стоило, по смерти спарого деревенскаго шаросты, получить его мѣсто, хотя это и не было по мыслямъ крестьянъ.

Новая должность чрезвычайно меня радовала: можешь бышь, при другихъ отношеніяхъ, не такъ бы я обрадовался званію Гу-

бернатора или Министра. Теперь только попалъ я на такую почву, къ какой давно спремился: кругъ дѣятельности моей былъ для меня доспапоченъ. Мнѣ извѣстна была неблагодарность Гардцевъ; но чего и могъ я ожидать иначе отъ такого бѣднаго, жалкаго, лѣниваго, бессмысленнаго, одичалаго народа? Надобно было внушить ему напередъ что нибудь человѣческое, чтобы ожидать отъ него болѣе человѣческихъ, сколько нибудь благородныхъ понятій.

Тотчасъ начертала я къ тому плану. Паспоръ Боду и учитель Лебрехтъ, хорошие друзья мои, помогали мнѣ во всемъ добромъ. Я зналъ изъ осьмидесятиго опыта всѣ источники испорченности нашего края. Надобно было свѣршить заградишь ихъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ была спрасъ къ шажбанъ. Вопреки всѣмъ адвокатамъ, я самъ сдѣлался посредникомъ; размашривалъ всѣ бумаги, кошорья писаны были для моихъ крестьянъ; оканчивалъ, болѣею частію, споры ихъ мировою сдѣлкою, и съ шѣхъ поръ всѣ охотники до шажбѣ въ Гардѣ выбирали меня своимъ спряпчимъ. Такимъ образомъ поставленъ я былъ въ положеніе унимаъ распритъ въ самомъ началѣ, и предупреждать всякое подспреканіе досужихъ адвокатовъ. Это приносило несказанную пользу для деревни.

Посредѣ сихъ занятій по должности, случилось со мною нѣчто, о чемъ я давно уже думала, но никогда еще не испытала — отъ чего нѣсколько времени кружилась у меня голова, и всѣ планы преобразованія изъ нее вышли.

Однажды вѣхалъ я съ возомъ поташу въ Бергъ, мѣстечко въ трехъ миляхъ отсюда, гдѣ жилъ мой подпашный поставщикъ. На возу лежалъ у меня еще мѣшокъ съ бобами. Эпопѣ мѣшокъ упалъ съ возу въ то самое время, какъ я въѣзжалъ въ мѣстечко. Маленькій мальчикъ обратилъ вниманіе мое на потерю. Я побѣжалъ назадъ по дорогѣ и, взваливъ себя на плеча мѣшокъ, потащилъ его къ возу.

Въ эту минуту шла мнѣ на встрѣчу хорошенькая, но-городски одѣтая дѣвушка. Лишь я взглянулъ на нее — лишь она взглянула на меня — вдругъ едваздое со мною что-то странное. Такой милостивости никогда не встрѣчалъ я въ свѣтъ. Мнѣ казалось, что меня околдовали: я совсѣмъ не помнилъ самого себя. Въ этомъ смущеніи сронилъ я съ головы шляпу. Мѣшокъ мой былъ тяжель; я не могъ наклониться. Прекрасная подошла очѣнь ласково, подняла шляпу и, подавъ ее мнѣ съ улыбкою, пошла прочь. Не знаю, право, благодарилъ ли я ее

ман нѣтъ; знаю только, что все чудилась мнѣ ея пріятная улыбка, и я, какъ въ бреду, пошелъ къ везу, а пошомъ къ своему поставщику.

Въ домѣ поставщика имѣлъ я свою собственную комнатку и постелю, пошому, что для торговыхъ своихъ дѣлъ, долженъ былъ нерѣдко, лѣшомъ и зимою, въ хорошую и въ дурную погоду, пріѣзжать въ мѣстечко Бергъ и переночевывать тамъ. На сей разъ не было мнѣ нужды оснаваться тамъ на ночь; но я рѣшился оспаться, въ надеждѣ, увидѣшь еще разъ свою богиню. Я не отходилъ отъ окна; жаждущіе взоры мои бродили вдоль по улицъ, пока не позвали меня къ обѣду.

Смотрю — анъ шупъ же и прелестная дѣвушка стоишь у стола и хочешь съ нами вмѣстѣ садиться. Мнѣ дажъ почетное мѣсто; дѣвушка заняла самое послѣднее, и пришлось такъ, что мы съли другъ прошивъ друга. Я никакъ не могъ вспѣ: лишь только взглянешъ она на меня черными своими глазами, я не взвижу ни ложки, ни вилки.

„Кто такая у васъ эта молоденькая дѣвица?“ спросилъ я послѣ стола, когда она вышла. „Ахъ, Боже мой!“ сказала жена поставщика: „это бѣдненькая дѣвушка, кошорую воспитывала сестра моя, Пасторша.“

Зять мой умеръ, и сестра должна выѣхать изъ Пасторскаго дома; такъ вопъ она и прислала ко мнѣ свою воспитанницу: двадцать мнѣ должна была ѣхать сюда бѣдняжка, съ шѣмъ, чшобъ оная хорошишься, когда сестра моя устроится.“

Изъ всего слышаннаго понравилось мнѣ только слово *бѣдна*. Оно подавало мнѣ надежду! Я былъ не бѣденъ, тридцати прехлѣвъ, и лицомъ не то, чшобы дурень. Однако, однако! городская дѣвушка, и я, мужикъ, въ сермяжномъ кафтанѣ! — Я приунылъ.

Идучи мимо кухни, увидѣвъ я тамъ милую дѣвучку въ хлопошахъ около очага. Кухонный передничекъ приешалъ къ ней очень. Я ободрился духомъ. Подъ вечеръ услышалъ, что подлѣ моей комнаты чшотло звучишь, какъ бы палочками по доскѣ. Я прислушался и понялъ, что это разспренине клавикорды; думая, что забавляется какой нибудь мальчикъ поставщика, я пошелъ шуда. Тушь я оная упалъ духомъ, пошому, что это была милая дѣвушка: она сидѣла за малкими клавикордами въ своей комнаткѣ. Навѣрное, она не такъ покраснѣла отъ моей дерзости, какъ я самъ. Но бѣда уже сдѣлалась; я извинился кое-какъ въ своей неучливости и попросилъ позволенія наспрошъ клавикорды. Тощасъ принялся я

да дѣло. Когда кончила, она спала онапш дгращъ, и играя periodically, со вкусомъ. Звуки жалкаго инструмента показались мнѣ звуками самаго дорогого фортепьяна. Я былъ въ себя оп. восхищенія.

Она сначала удивлялась тому, что я начинаю музыку, попомъ, что я говорю, какъ говорящъ въ городъ — не объ однихъ цюлькко сельскихъ вещахъ. „Развѣ у васъ всещакіе ученые крестьяне?“ спросила она съ добродушною улыбкою, и посмотрѣла на меня почти снискомъ пристально.

Бѣдненькой не очень было весело у поспавщика, попомъ, что на предложеніе мое пойти прогулянься, вышлась она согласи-лась. Прогулка послужила ей въ пользу; съ лица ея исчезла умаласень, коцорая очень ей шла, а намѣсто того, явилась веселенькая мица, коцорая шла ей еще болѣе. За ужинномъ сидѣли мы опять другъ противъ друга, послѣ ужина онапш вышлась за клавикордами. Это было ужъ смшкомъ! Цѣлую ночь не могъ я сомкнуть глаза. Мнѣ все казалось, будто слышу вздохи сосѣдки. Упренная звезда заставала меня въ такомъ же безсонномъ видѣ, въ такомъ разсѣядѣ я съ вечернею. Любовники все считающъ по звездамъ, попомъ, что воображеніе ихъ безпрестанно носится въ надземномъ мірѣ. Мнѣ

показалось, что я нездоровъ; я сказалъ объ этомъ поставщику, и остался еще на цѣлый день у него въ Бергѣ. И въ самомъ дѣлѣ, былъ я блѣденъ и не въ себѣ. Моя сосѣдка очень обо мнѣ жадѣла, и только, когда я сидѣлъ съ нею за клавикордами, или бѣлшадъ, или вмѣстѣ ходили гуляшь, боль исчезала у меня изъ головы, но все не изъ сердца.

На шрестій день, отправаеь въ Гардъ, я былъ при смерти, и могъ ли бышь здоровъ, не чувствуя себя вблизи милой сосѣдки? Дорогой, помню, что много пѣлъ, а порой и плакалъ.

П р е л е с т н а я .

Тутъ нѣсколько пріоспановились дѣла мои; по крайней мѣрѣ я не съ шадимъ уже усердіемъ занимался ими. Напрощивъ шого сщаль, больше думалъ о убранствѣ своего дома: обилъ его шесомъ, купилъ славное форшешьяно, продававшееся въ ближнемъ городкѣ, и вообще по хозяйству своему дѣлалъ издержки, кошорыя прежде считалъ излишними. Глухая голова моя не пересцавала кружишься ошъ мыслей о дѣвушкѣ; мнѣ все казалось, какъ будшо, когда нибудь она прѣдешъ ко мнѣ съ поставщикомъ.

Отправляясь на слѣдующей недѣлѣ съ пошашемъ въ Бергъ, я и прїодѣлся порядочнѣе, нежели когда либо. И какъ забилось у меня сердце, когда изъ-за березоваго лѣска увидѣлъ я Бергскую колокольню! Поспавшикъ и жена его приняли меня, по обыкновению, ласково и дружески, а моя милочка улыбалась мнѣ привѣтливо, какъ хорошему знакомому. По разгорѣвшимся щечкамъ ея долженъ я былъ почти заключить, что она радуется свиданію со мною.

Клавикорды надобно было наспроить снова, и шущъ я сказала ей, что купилъ славное форшепьяно, на которомъ, желалъ бы, чтобы она поиграла. Больше однако не сказала я ничего. Мы пошли гулять и говорили о многомъ — только о томъ всего меньше, о чемъ я наиболѣе желалъ бы сказать. Немудрено, что случилась опять со мною бессонница ночью, и надобно было оспашься шущъ лишній день, который прошелъ также прїятно. Когда же я собрался ѣхать и на прощанье взялъ ее за руку — мы были одни въ комнатѣ — она спросила: „на будущей недѣлѣ прїдете ли вы сюда опять?“

Я отвѣчалъ: „Въ Четвергъ навѣрное.“ Какой глупый отвѣтъ на вопросъ, кошорымъ я былъ такъ шронушь! Дорогой безпрещанно упрекалъ я въ шомъ себя, и далъ

себѣ обѣщаніе, къ тому Чешвергу придумать что нибудь лучшее.

Дома ужъ мнѣ совсѣмъ не нравилось. Для моего земнаго рая недоставало ангела. Это я чувствовала. Время до Чешверга показалось такъ продолжительно, какъ всѣ восемь лѣтъ, прожитыя мною въ Гардѣ. Наконецъ наступилъ радостный день, и я опять очутился въ Бергѣ.

Она поклонилась мнѣ съ прежнею ангельскою веселостию. И я приободрился: разъ на прогулкѣ рѣшился ей даже сказать, что для меня ужасно длилось время, пока ее не увидѣлъ. Слово за словомъ, случилось и ей примолвить съ обыкновеннымъ ея простодушіемъ: „Ахъ, какъ меня всегда радуешь, когда вы прѣзжаете къ намъ. Мнѣ здѣсь все такъ чуждо. Большая опрада для каждаго, найми челоуѣка съ участіемъ.“ Но шумъ былъ и конецъ нашему разговору — можешь бышь потому, что я въ то время, какъ она говорила, взялъ ее подъ руку, чего прежде никогда не случалось. Съ вниманіемъ почно, будшо мы оба провинились въ чемъ нибудь, вопіющемъ къ небу. Совсѣмъ не находилъ словъ, пока не розняли рукъ своихъ. Тогда сказалъ я дрожащимъ голосомъ: „Гдѣ можеше вы бышь чужды, гдѣ не найдеше сердце, исполненныхъ къ вамъ участія?“

Тутъ покрасѣвшая дѣвушка подошла опять свою руку на мою, и мы опять обнялись.

Когда возвращались мы домой, попрости я пошавшика, со всемъ семействомъ приѣхашъ ко мнѣ и погоспишь у меня денекъ въ Гардъ. „Почему не такъ!“ сказала онъ, и я чуть не вспрыгнула отъ радости! „Да и нашей Августы надобно же доспавишь какое нибудь удовольствіе: на будущей недѣль она ужъ отъ насъ увидеть.“ Такъ сказавъ онъ и подавъ дѣвущкѣ письмо, отъ своей невѣстки. При этомъ опять какъ не бывало, моей радости.

Вечеромъ, за клавикордами, сказала я ей: „И вы прочно хощите насъ оспавишь?“

Она опустила съ клавишей руки и сказала: „Моя воспитательница, много прѣбуетъ.“

Я одѣлся задумчивъ и мраченъ. Клавикорды звучали несперцимо. Уходя, взявъ я Августу за руку и въ молчаніи напечатала на ней поцѣлуй. Мнѣ показалося, будто слезы навершывались на глазахъ ея. Само собою разумѣется, что ночь, проспавъ я дурно, спавшешельно, и на Пятницу оспавшешъ въ Бергъ. Но предавшись пріятностямъ наступающаго, я забываю о будущемъ. Въ Субботу, со всемъ семействомъ, пошавшика, отправадешъ я въ Гардъ.

Когда мы приехали в предешнюю, цвѣ-
тущая дѣвушка выпрыгнула изъ повозки на
мою землю — я и прежде считала край свой
земнымъ раемъ; теперь доказался мнѣ рай,
еще превосходяще, и какъ бы неземнымъ: сподъ
великимъ воображалъ я счастье наслаждающа
времущствіемъ доброй, девинной Августы.

Большой праздникъ.

Госшей своихъ помѣстилъ я въ госпи-
таль. Хозяину и хозяйкѣ приказалъ всѣми
способами занимать пославщика и жену его,
чтобы мнѣ самому щамъ болѣе возможно
было заниматься предешною Августою.
Жена пославщика, смотря на мою простую
и дешовую ушварь, спала дѣлать разные за-
мѣчанія, и не могла понять, почему я живу
такъ бѣдно. „Правда, что я могъ бы все имѣть,
что и другіе“ — сказала я не безъ хвастов-
ства, и смотрѣлъ на единственную особу, ко-
торой худо или одобреніе чтонибудь для ме-
ня значило: „но для довольства моего не на-
хожу въ щомъ нужды. Излишества хочу и избѣ-
гать, чтобы имѣть избытокъ для шѣхъ, кому
недоспаетъ необходимаго.“ Пославщикъ покля-
чалъ головою и сказалъ: „Большой ты чу-
дакъ, старосца!“ Но Августа смотрѣла на

меня блистающими радостію глазами и съ живыми румянцемъ на щекахъ; она одна за меня испунилась: „Гдѣ блескъ чистоты въ такомъ величїи, какъ здѣсь“ — сказала она: „намъ не нужно другихъ драгоценностей.“

Съ благодарностію въ душѣ и на лицѣ повелъ я свою милую заступницу къ форшепьяно. Сладостные звуки проникли ей глубоко въ сердце. Въ моей рабочей осматривая она все до послѣдней мелочи съ большимъ вниманіемъ. Когда же я вывелъ ее опять на свѣжій воздухъ, и ей представилась вся наша сельская картина, она не могла скрыть своего сердечнаго умиленія и сказала: „Здѣсь право, какъ въ земномъ раю.“

— „И за всѣмъ тѣмъ вы хотите ѣхать отсюда?“ сказала я, подавая ей руку. „И когда вы увидите, думаете ли, что все для меня будетъ казаться здѣсь, какъ въ раю?“ — Она молчала, какъ будто не понимая.

„Останьтесь здѣсь!“ сказалъ я умоляющимъ голосомъ: „Нигдѣ васъ такъ не любятъ, какъ здѣсь.“

Тутъ на пошупленныхъ глазахъ ея на-вернулись слезы. И мои глаза пошемыгли отъ слезъ.

„Развѣ я вамъ не дорогъ?“ продолжалъ я. Она схватила обѣими руками мою руку.

„Оспаньшесь!“ вскричалъ я: „иначе я буду несчастливъ! Иначе лучше бы никогда мнѣ васъ не видашь!“

Она посмошрѣла мнѣ въ глаза, и увидѣвъ мои слезы, сказала: „Если бъ я ошъ себя зависѣла, то нигдѣ бы охошнѣ не ошпалась. Здѣсь истинное счастье!“

„Раздѣлите его со мною!“ вскричалъ я! „У васъ нѣтъ ни ошца, ни машери. Никто не воспрешашувуетъ вамъ ошца мнѣ руку вашу, если только сердце къ шому склонно.“

— „Ошца и машери я не имѣю“ — ошвѣчала она: „и я бѣдна, очень бѣдна. Но я поклялась и сдержу свою кляшву: не едѣлаю никакого важнаго шага, безъ согласія шой, кошорая меня воспитала, и безъ согласія единшвеннаго человекъ, любимаго и уважаемаго мною выше всего.“

„Кто жъ эшотъ единшвенный?“ спросилъ я въ робкомъ ошданіи.

— „Благороднѣйшій человекъ на землѣ. Ошецъ мой умеръ очень несчастливо, и повергъ въ несчастіе и эшого почтеннаго человекъ, безъ всякой вины его. Я была цѣлымъ свѣшомъ покинушый ребенокъ. Только онъ одинъ надо мною сжался. Онъ назначилъ мнѣ опекуна и немногое, уцѣлвшее изъ его имѣнія ошъ несчастія ошца моего,

посвятилъ на мое воспитаніе. Хотя онъ скрываетъ ошъ меня мѣсто своего жишельства — моему опекуну оно извѣстно — и хотя онъ скрывается ошъ моей благодарности, — два мои письма къ нему остались безъ отвѣта — но за всеѣмъ тѣмъ я не хочу ничего дѣлать безъ его воли.“

— „Какъ зовутъ этого человека?“ воскликнулъ я: „я найду его, хотя бы и въ Америкѣ.“

„Его зовутъ Энгельбергомъ.“

— „Въ это мгновеніе потерялъ я слухъ и зрѣніе. „Боже мой!“ пролепетала я: „какъ вы Августа Ленца?“

Она подтвердила это. Тутъ я взялъ ее, молча, за руку и повелъ къ моему дому; пришедши, вынулъ изъ ящика два письма ея и подавая ей, сказалъ: „Не вѣли ли ваши письма?“

— „Какимъ образомъ очутились они у васъ?“ вскричала она въ изумленіи.

„Потому, что я Энгельбергъ, а вашъ несчастный бабюшка былъ моимъ опекуномъ.“

Этого не выдержало сердце доброй дѣвушки, волнуемое благодарностію, горестію и любовью. Громко рыдая, бросилась она передо мною на колѣна, сжала цѣловать мои руки и не давала приподнять себя. „По-

звольте мнѣ шакъ стоять передъ вами“ — говорила она, рыдая. „Какъ часто ждала я обнять колѣна моего благодѣтеля и со слезами благодарить его!“ — У меня самого опустились руки. Но наконецъ я поднялъ ее, и она оспалась въ моихъ объятіяхъ.

„Неужели вы меня оставите?“ сказала я умоляющимъ голосомъ.

— „Никто въ свѣтъ, кромѣ васъ, не можешь располагать мною, мой единственный благодѣтель! Что вы прикажете мнѣ, то будетъ моею волею.“

„А если бъ нельзя мнѣ было приказывать; если бъ я не былъ Энгельбертъ — только бы Энгельбертъ не пропивился намъ — какъ тогда? захошѣли ли бъ вы меня оставить?“

Она прижалась устами къ моимъ устамъ. Тутъ начался большой праздникъ моей жизни, который и до сего часа продолжается. Августа сдѣлалась моею невестою.

Поставщикъ и жена его не могли прийти въ себя отъ изумленія, когда въ усыпавшихъ. „Воме мой!“ вскричала поставщикъ; „Энгельбертъвъ много на свѣтъ. Мнѣ много и во снѣ не грезилось!“

— „Если бы я въ Бергъ услышала это имя“ — сказала Августа: „то давно бы все

знала. Вася всегда звали *Schulz* (староста); я думала, что это ваше имя.“

Тутъ я повесть свою невѣсту по вѣсть своимъ владѣніямъ, рассказалъ ей исторію своей жизни, познакомилъ ее съ своими правами и понятіями о свѣсть, и получилъ отъ нее на все одобреніе: она, молча, прижимала руку мою къ груди своей.

Не смотря на всѣ шолки и предшавленія посшавщиковой жены, я шолчасъ вступилъ въ полныя права, какія Августша, съ романической мечшавельностью, предшавила мнѣ надъ собою. По момъ вѣдніямъ, ей уже не должно было оставляшь Гарда. Пашору Боде поручилъ я на другой же день объявить въ церкви о нашей помолвкѣ. Восшавельницъ своей, Пашорской вдовѣ, написала Августша обо всемъ случившемся; и я написалъ ей, а какъ она была въ шѣсномъ положеніи, шо я обшчалъ посшавшь ей ежегодно шу сумму, какую получала она, когда Августша жила у нее.

Невѣста моя осталась въ гостиницѣ, и была моею сосѣдкою. Ей было довольно рабшы, шшобъ устроишь все въ нашемъ домѣ для будущаго сельскаго хозяйшва нашего. Еще невѣстною получила она всѣ права будущей полной хозяйки. Какіе счастливые дни мы прожили! — Когда же наступило

Воскресенье, вошла ко мнѣ по утру предеш-
нѣйшая крестьянка съ покрасившими щеч-
ками. Это была Августа. Она сложила съ
себя городской уборъ и суешность шакъ на-
зываемаго образованнаго свѣта, и сдѣлалась
крестьянкою. Я же прѣжде того и не подум-
ывалъ, что жена деревенскаго старосты не
можешь радиться, какъ горожанка. Тупь въ
первый разъ назвала она меня *ты*. Черезъ
два недѣли, почтенный Пасторъ Боде бла-
гословилъ предъ алтаремъ нашъ брачный
союзъ.

Счастливая бѣда.

Трудолюбивая, хозяйственная рука Ав-
густы занимала у меня много мелочныхъ
заботъ. Тамъ болѣе оставалось времени на
важнѣйшія занятія, къ благу моихъ посе-
лянъ.

Уже я былъ около двухъ лѣтъ желать;
вдругъ вся деревня Гардъ сдѣлалась добы-
чею пламени — вѣроятно, по неосторож-
ности въ какомъ нибудь домѣ. Наши Гард-
цы шакъ обезпамятали, что сшолли во все
время пожара молча и сложа руки. Ужъ изъ
сосѣднихъ деревень нахавшій народъ при-
нялся спасать скотину и ушварь, а наши

только смотрели на них. Немногих спровели, и по отдельному снованью, уцѣдали.

Бѣда была великая; крестьяне сами по себе бѣдны; отъ Правительсва помощь, въ сравненіи съ пожертв. незначительна. Не знали, что качать. Одному и не отчаяваться и надеялся даже, что самое несчастіе это будетъ имѣть благотвельнаго послѣдствія для крестьянъ. Тутъ все одинакъ равно бѣдны; кто желалъ разбогатѣть, тотъ долженъ былъ работать.

Первымъ дѣломъ моимъ было то, что я подалъ Правительству представленіе, въ которомъ старался доказать, что случившимся несчастіемъ должно воспользоваться такимъ образомъ, чтобы, посредствомъ мѣръ крестьянскихъ участковъ, удѣлитъ для каждаго отдельное отъ другихъ жале, съ полями вокругъ него, чѣмъ не только предупредилъ пожары, но подадутся средства, въ короткое время привести погорѣвшихъ снать въ лучшее положеніе. Правительство прислало сюда Комиссію, чтобы разсудить объ этомъ дѣлѣ на живомъ. Какъ ни кричали, прошивъ того нужики, но мое предложеніе было одобрено, и даже подъ мой надзоръ отдали исполненіе плана.

Немалого труда стоило сдѣлать разнать и обмежеваніе участковъ. Тутъ ока-

Зался всеобщій недоставокъ въ лѣсѣ. Надобно было покупать и съ большими издержками возить его за три, и за чешыре мили. Теперь только спали жаловаться, что за десять лѣтъ, отказались ошь покупки лѣса у Варона Цебры.

Я позволилъ рубить свои славныя березовыя деревья, продавал ихъ по сходной цѣнѣ, и то не за наличныя деньги, а въ долгъ, на первые два года безъ процентовъ. Почти по всемъ домамъ раздавъ я и деньги въ долгъ. Правительство съ своей стороны не оспорило крестьянъ безъ пособія. Для бѣднѣйшихъ собралъ я значительную сумму въ подаяніе ошь призжающихся купаться гостей. Черезъ годъ выспроизалъ деревня ошнѣ; но съ разсѣянными домами, какъ ны теперь ее видишь. Въ предупрежденіе пожаровъ, велѣлъ я поспрѣвить общественныя пекарни оособе ошь домоу, завелъ порядочный гаельный снарядъ, и у каждаго дома приказалъ вырыть колодези. Всю воду на ошоей и на крестьянской землѣ свелъ я въ одинъ прудъ; изъ котораго провелъ каналы по лугамъ. Здѣсь онь, произвольно дѣлаемыми наводненіями, умнежаютъ плодovitость почвы. Огороды и пашни крестьянъ, расположенные вблизи ихъ жилья, уже и потому лучше обрабатывались, что были всегда въ

глазахъ, и не терялось у мужика время на безпресшанные разъезды, какъ бывало прежде, къ разсѣяннѣмъ въ разныхъ мѣстахъ пологамъ земли его.

Нужда и бѣдность приудили многихъ къ бережливости. Въ деревенскій шинокъ заглядывали рѣже. Въ моемъ пракширѣ запретишь я давать мужикамъ вино, пиво и водку. Вдова прежняго старосты, которая содержала пракширѣ въ деревнѣ, бранила меня безпресшанно. Но я достигъ своей цѣли. Если бъ и она, по моему совѣту, устроила комнаты для прѣзжихъ госпней, то была бы зашпачнѣ. Къ намъ теперь сполько ѣдешь госпней для купанья, что часто недоспачнѣ помѣщенія.

Хотя и до сихъ поръ большая часть деревни должна мнѣ, но за то мужики уплатили почти все свои вѣшніе долги. Такойъ былъ плодъ несчастія. Наша деревня теперь во всемъ округѣ самая цѣшущая, и пользуеться самымъ большимъ кредитомъ. О щажбахъ совсѣмъ не слышно. — Дракъ, который прежде случались ежедневно, теперь совсѣмъ не бываетъ. Весьма многіе изъ бывшихъ моихъ учениковъ и ученицъ жили теперь сами домами, и привязаны ко мнѣ искренно. — Почтишають меня, какъ отца. Почти во все-

комъ домъ найдешь теперь большой порядок и опрятность.

Можешь быть, не мало способствовало къ такому исправленію моихъ поселянъ и то, что тѣмъ изъ нихъ, которые въ теченіе года соблюдали наиболѣе опрятности въ домахъ, на дворахъ, въ одеждѣ и въ хлѣбѣ-сѣнѣ, во всемъ держались строгаго порядка, были дѣшными, а притомъ, вели честную миролюбивую жизнь, прощаль я проценты; а прѣмъ домамъ, которые прежде другихъ расплавились со внѣшними своими долгами, подарилъ даже и должный имъ капиталъ.

Воскресенье въ Гардъ.

До сихъ поръ довелъ Энгельбертъ рассказъ свой, какъ явилась Августа и прервалъ его. Она шла, какъ распушившаяся роза среди молодыхъ розовыхъ почекъ; на рукахъ грудной младенецъ, за руку вела меньшаго, а другой маленькой держался за ея передникъ; двое же старшихъ прыгали впереди. Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на эту милую группу; слышалъ пошомъ играть съ дѣтьми, и самъ похожъ былъ на ребенка.

Звуки колокола раздались по долинь. Мы всѣ вмѣстѣ пошли въ церковь. Тихое,

согласное цѣнѣ многочисленныхъ прихожанъ имѣло для меня что-то необыкновенно торжественное. Умиленіе, произведенное во мнѣ эпімъ хорошъ, умножилъ еще почтенный Пастырь съ сребристыми волосами, которій прежде молился на кафедрѣ, а потомъ ешалъ говоришь, просишь, винышнмъ голосомъ, о вѣчности въ ея отношеніи къ земному существованію; причемъ показала глубокія познанія житейскаго быта крестьянъ.

По окончаніи церковной службы, собрался весь народъ предъ церковью, подъ старою липою. Староста дружески разговаривалъ сначала съ нѣкошорыми, къ нему подходившими; потомъ спазъ онъ на скамью подъ липой, прочелъ нѣскольکو указовъ Правительствъ, объясняя ихъ еще ошъ себя и оивѣчая на изъясненныя недоумѣнія и шолки. После шого показала онъ рукою на меня и сказаъ: „Меня посѣшилъ шаринный мой другъ. Мнѣ хочется доставить ему удовольствіе, и показашъ шѣхъ молодцовъ и молодицъ нашихъ, кошеры съ послѣдняго праздника особенно хорошо вели себя: такъ вечеръ я прошу ихъ прійти ко мнѣ на вечеръ поманцовашъ и ошужинашъ.“ Тушъ превишала староста длинный рядъ именъ,

мужскихъ и женскихъ, по запискѣ, приго-
щенной прежде.

На всѣхъ лицахъ просіяла улыбка удо-
вольствія. Тутъ-то было киванья, шепоту,
дружескаго толканья, пожатій руки, радост-
наго сверканія глазъ! Толпа стала наконецъ
расходиться. Съ нами пошелъ старшій, по-
чтенный Пасторъ, человекъ привѣшливый,
добродушный и сохранившій въ себѣ много
живости; кромѣ его учитель Лебрехтъ, ум-
ный, смѣливый мужикъ, отъ природы осп-
рый и любопытный; также его жена, и ле-
каръ съ женою же. Насъ привели прямо въ
залу трактира, гдѣ готовъ былъ обѣдъ —
прошивъ обыкновенной простоты Энгель-
берга, довольно щеголеватый. Весь вполд-
ня день, проведенный въ кругу такихъ досто-
йныхъ людей, остался для меня незабвеннымъ.
Особливо же съ большимъ удовольствіемъ
буду я вспоминать во всю жизнь устрой-
енный для меня Энгельбергомъ концертъ.
Представьте себѣ: сорокъ семь голосовъ,
мальчики и дѣвочки, взрослые и дѣти, пѣл-
хоры и сопраны Грауна, Генделя, Гайдена и
Моцарта, такъ чисто, швердо и внятно, что
сдѣлали бы честь своимъ пѣніемъ всякому
городскому концерту. Энгельбертъ съ Авгу-
стой и старшимъ изъ своихъ дѣтей спозналъ
также между пѣвчими. Это происходило

подъ открытымъ небомъ, сзади примыкающаго къ банямъ сада. Самое мѣсто, какъ бы нарочно было для того выбрано: возвышающійся вдали горный хребеть производилъ легкіе отголоски гармоническихъ звуковъ самымъ очаровательнымъ образомъ, а между тѣмъ вечернее солнце разсыпало свое золото по цѣлому свѣту. Я былъ расстроганъ до глубины души и не въ силахъ былъ удерживать свои слезы.

„Все это сдѣлалъ одинъ человекъ!“ думалъ я: „И это же человекъ, который куда бы онъ ни пошелъ, куда бы ни взглянулъ, вездѣ видишь себя окруженнымъ своими товарищами, стоялъ такъ смиренно, безъ всякаго ошачія, между прочими мужиками, точно, какъ бы имъ подобный.“ Когда кончилось пѣніе, я не могъ удерживать себя; подошелъ къ нему и, съ истиннымъ душевнымъ восторгомъ прижавъ къ груди, воскликнулъ: „ты одинъ изъ величайшихъ людей на землѣ въ своемъ серьезномъ нарядѣ!“

Тутъ пошла всѣ въ залу практира, со вкусомъ убранную; я долженъ былъ шанцевать съ Августою, а потомъ и съ Гардскими поселенками. Какая живость! какая прискройность! Августа сама была шанцевейшершею въ деревнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вышла за старосту. И почтенный Пасторъ

похаживалъ между шанцовщиками, ободряя ихъ, какъ дѣдъ между любимицми дѣтьми и внуками. За ужиномъ, съели всё за спелъ безъ всякаго разбора, гдѣ кому случилось. Сидѣвшая подлѣ меня молодая крещьянка, занимала меня во все время гораздо пріятнѣе и умнѣе, нежели многія изъ городскихъ разряженныхъ, раздушенныхъ и напыщенныхъ дамъ.

Какъ скоро Кунцъ мой и моя коляска поправились, я оставилъ Гардъ. Энгельбершъ утверждалъ, что я жилъ въ его домѣ; о плащѣ нельзя было и подумать. Я принужденъ былъ уѣхать должникомъ его. Но съ какими чувствами оставилъ я Гардъ, вѣдь, милосердые государи, можете вы сами себя представить!

З а к л ю ч е н і е.

„Вошъ вамъ — продолжалъ Совѣтникъ Редернъ — исторія моего вѣселаго милліонщика. Извольте примѣнять ее къ своимъ мнѣніямъ и спорить, сколько заблагоразсудится.“

Даже шъ изъ насъ, копорые прежде защищали челоувѣконенавистное расположеніе духа Казимира Морна, согласились теперь,

ещо хотѣя Энгельбертъ имѣлъ столько же повода ненавидѣть людей, какъ и Морнъ; однако жъ, въ такихъ отношеніяхъ, какъ сей послѣдній, съ одинаковыми понятіями о свѣтѣ, все бы не было Морнъ, а сдѣлался бы незлобивымъ благодѣтелемъ ближнихъ своихъ. При всемъ томъ не хотѣли слишкомъ обижать ни Морна, ни Руссо. Обоихъ извиняли свойственною имъ щекошливостію и раздражительною характеристикою характера.

„Скажемъ же прямо“ — воскликнулъ наконецъ Редернъ: „И Морнъ и Руссо были добряки, легко раздражаемые, часто обманываемые и поному недовѣрчивые; оба имѣли больше тщеславія, чѣмъ смиренія, больше вображенія, чѣмъ благоразумія; оба имѣли о свѣтѣ ложныя понятія, которыхъ выводили по своему только изъ частностей, и распространяли несправедливо на все вообще. Напротивъ того у Энгельберта голова и сердце были больше на своемъ мѣстѣ, нежели у ихъ; онъ былъ возвышеннѣе, крѣпче духомъ, нежели они; небольшія предпріятія не могли такъ легко поколебать его.“

— „Это правда,“ вскричалъ нѣкто изъ собесѣдниковъ: „Руссо игралъ ролю мудреца, и дѣлалъ изъ себя избалованное дитя которое безпрестанно дуется и упрямится. Энгель-

Бершъ же, прѣвѣше такого жекоподобія и мечшательности, былъ челоуѣкъ сильнаго духа — былъ дѣйствительно мудрецъ. Вотъ, въ чемъ разница. Руссо безпрестанно жаловался и вопилъ противъ испорченности, превращенности свѣта и ошеступленія отъ природы. Энгельбершъ также ненавидѣлъ эту неестественность, но не жаловался, а умно брался за вещи и дѣлательно исправлялъ, что могъ. Онъ не былъ врагъ людей, а наилучшій другъ; но былъ врагомъ превращенности. Онъ обращался со всеми, какъ съ заблужшимися, и наводилъ ихъ на истинный путь. Онъ нападалъ не на сердца, но на введенныя формы. Много на свѣтъ шакихъ, какъ Руссо, но мало Энгельбершовъ.“

„Отъ чего жъ бы это?“ — спросилъ кто-то.

— „Отъ того, что большая школа преобразователь свѣта только умствуетъ, а дѣла не дѣлаетъ; величаетъ добродѣтель, но не имѣетъ духа ей слѣдовать. Эти господа сами заражены и нагружены тою испорченностью, о которой они проповѣдуютъ. Они разслабленные, и не имѣютъ довольно бодрости, ни довольно охоты, чтобы возвратиться къ истинѣ и природѣ. Ни за какую цѣну въ мѣръ не захотятъ они пожертвовать своимъ необходимыми излишествами,

такими Энгельбертъ называетъ произвольное рабство человѣчества. А если и пожертвуютъ шѣмъ иногда, то хопящъ взаимныхъ за то жертвъ — хопящъ почестей, похвалъ, шоржества. Но кто захочетъ, подобно Энгельбершу, сдѣлаться деревенскимъ учителемъ или шаростою, переносить всѣ, сопряженныя съ шѣмъ непріятности, быть пренебреженнымъ, преслѣдуемымъ, и не заботишься, будешь ли онъ за то удивленіемъ свѣта? . . . Вошь въ чемъ сила!“

2.

М Е М Е Н Т О М О R I (*).

Повѣсть, соч. Фридриха Пусткүхена.

Многолюдно и шумно пировали на свадьбѣ молодого, прекраснаго Евгенія. Въ компаняхъ, даже въ большой залѣ, сдѣлалось шѣсно. Молодые люди пошпились и шолкались, не находя мѣсна хорошенько развернутья, а старички, усѣлись вдоль шѣнь и шамъ и сямъ, чокались золошыми и серебряными бокалами, не смѣя привснать, чшобъ не попалшь въ шолкошню. Пыль, шѣсноша, шумные разговоры, музыка, звучаніе кубковъ,

(*) Помни о смерти.

все въѣзды сдѣлалось для многихъ гостей очень гостеприимнымъ.

Счастливый Евгений, только что привезшій отъ алшара прелестную Баронку, подошелъ къ своему тещиноу, Барону Рудольфу, и обратилъ его вниманіе на духоту.

„Правда, сказалъ шарикъ. Постарайся же чѣмъ нибудь пособить. Ты вѣдь распорочень на это. Помню, что и меня хвалили въ молодости за умѣнье распорочаться на пиршествахъ, но я бы и тогда не усмунилъ тебѣ.“

„Не лучше ли мы сдѣлаемъ, отвѣчала Евгений, если выйдемъ на зеленый лугъ, передъ окнами? Ночь тихая и теплая; свѣту почти довольно изъ оконъ, а можно еще прикрѣпить кой-гдѣ въ ближнихъ кустахъ по нѣскольку лампъ — тогда будешь очень свѣтло. Шариковъ можно будешь помѣстить на крыльцѣ, откуда пусть смотрѣли они и любуются на подпу молодости.“

„Правда, правда! сказалъ шарикъ. Жаль, что мы прежде не вздумали. Надобно было предвидѣть, что здѣсь будешь тѣсно. Ну, дѣлай, какъ умѣешь — только смотри, чтобы не вышло большой сумятицы.“

„Потрудишься же побыть здѣсь въѣсто меня, любезный башюшка; я пойду и распорочусь.“

Съ этими словами молодой человекъ скользя между шлопою, зоркими глазами нашла въ кругу женщинъ покрывшуюся ружашии спыдаввостни молодую супругу свою, подошла къ ней и, пожавъ руку, прошептала ей на ухо объ уговорѣ своемъ съ шеснени. Она съ любовью смотрѣла за нимъ въ снѣдь, какъ онъ, стройный, величавый юноша, легко пробирался къ двери, обращаясь къ тому и другому изъ гостей съ привѣтливой рѣчью — и какъ умѣла уйти незамѣтно. Никто изъ присутствовавшихъ — она очень это чувствовала — не была его пригоже; никто не былъ его довѣе; и, что еще больше для нее значило — каждый въоръ его говорилъ ей, что она для него дороже всего на свѣтѣ.

Пропало немного времени; и лампѣи передъ замкомъ луго освѣтннлса ошь окружающихъ кустарниковъ; подвнштннл и къ вншнвямъ прикрнвлнннл лампои бросалл арте лучи, какъ на мѣсто; предназначннное для общесннл, такъ и къ верхамъ деревь, шполннлхъ покойно; среди шнхой ночи. Снлвннл въ залѣ у оконъ старннл пренде вслхъ замнннлн такнл прнгошнвлннл; двнннл уже потерпнлв ошь жару; стнннлн они между собннл, и, одннл по одннл, спнлн перебрнлрнлсь вннл. Чнннл не помнлнлшл шнлннл,

старались: они это едятать поприхотнику; и
 дивящіеся кошачи слуги забрали бокалы ихъ
 и шпрости, и унесли всадъ за ними безъ
 всякаго шума. Между шпиль въ галлерей при-
 гошованы уже были сидомы и стулья: шпильцы
 разсыясь шарички, а молодые, почти уже
 при окончаніи танца, ешали съ удовольстві-
 емъ замѣчать ихъ оисумелствіе. Изъ послѣд-
 нихъ нѣкоторые также выщали изъ залы, по-
 парно, чшобы, можешь бышь, на свидѣнь воз-
 духъ дать прешоръ сердечнымъ нѣжкытъ
 издѣліяны. Начался другой танецъ, и въ то-
 же время часнь музыкантовъ вызвана была
 внизъ, чшобы сосшавить другой оркестръ:
 рожки и флейны внизу заиграли въ ладь съ
 верхнимъ хоромъ и выманили большую частю
 танцующихъ. Не прошло и часа времени,
 какъ почти все общество очутилось внизу;
 многіе удивлялись, что такъ нечаянно пони-
 ли подъ открытыбе небо, потому, что не
 замѣтили ни шуму, ни смѣтенія, какія
 очень обыкновенны при подобныхъ переме-
 щеніяхъ.

Старый Баронъ не могъ нарадоваться,
 когда съ всякъ споромъ посыпались похвалы
 раешоренности и ловкости его молодато за-
 шя, и весьма понравилась на зеленой лугу:
 не было ни малѣйшей опасности даже для

самыхъ боязливыхъ: обсаженный кустарникомъ серпообразный прудъ, концами обращенный въ замку и близко прилегающій къ флигелямъ его, заключалъ все общество въ плодоаговатомъ промежуткѣ своихъ окончателюстей. Здѣсь-то, въ этомъ просторѣ, закипѣла живость и веселіе. Какъ непринужденно раскрывались сердца! Какъ счастливы были тѣ юноши, которые, проводя избранныхъ сердцемъ подругъ по длиннымъ прощанкамъ между кустовъ, ловили мгновенія — вымолвишь робкое желаніе, изъясни выразишь пламень чувствъ.

Все это предвидѣлъ Евгеній, и частію желалъ для самого себя. Тутъ уже не было той принужденности, кою которой его особенно подвергало приличіе; ему не надобно было вездѣ являться, всѣмъ кланяться, просидѣть, подчивашъ, предупреждать желанія, и говорить со всякимъ дольше, нежели съ милой своей новобрачной. Тутъ для старшихъ банзокъ былъ погребъ, кухня и услуга; младшіе же рады были избавишься ошъ всякаго подчиванья, ошъ всякой внимательности. Въ это время, какъ они шанцовали или прогуливались въ рощицѣ, оставался жъ ему праздный часокъ — взявъ подъ руку свою Веронику и съ нею, подобно другимъ любящимся парамъ,

но ечастливиѣ всѣхъ, проходишьса между кушарникомъ.

Ночь спановилась темнѣе: опрашающіяся въ прудъ звѣзды приманивали болаѣе и болаѣе гулающихъ къ зеленымъ берегамъ его. Увѣренность, что не узнаюшь, давала свободу спояшь по-парно и разговаривашь по внушенію сердца. Вдругъ послышались легкіе звуки охотничьго рожка изъ противоположащаго лѣса, и такой же рожокъ ошвѣчалъ на нихъ съ другой стороны. Въ этой мелодіи было что-то особенное. Казалось, какъ бы копѣями разрушишь общее спокойствіе и навсегда: такими рѣзкими, но пріятными звуками, поражаемы были настроенныя къ умиленію сердца. И вдругъ опять звучало заунывно, какъ бы кто потерялъ любимѣйшее для него въ свѣтѣ: нельзя было удержашься отъ слезъ, грусти и сожалѣнія. Дѣвушки прижимались къ своимъ спутникамъ, которые сами вдавались въ такое уныніе, что забывали радовашься этому доказательству нѣжной довѣрчивости. Всѣ полагали, что новобрачный такою выдумкою хошѣлъ досхавишь новое наслажденіе гостямъ.

И самъ онъ споялъ на берегу съ Вереникою. Обоимъ знакома была мелодія; но не ими была усшроена — не могли и подумашь

они, чтобы ктонибудь изъ живущихъ въ замкѣ ее услышалъ.

„Знаешь ли ты пѣсню?“ спросилъ Евгений, и такимъ тономъ, что крошкя Вероника содрогнулась. „Ахъ, да,“ — сказала она: — часомъ по ночамъ слышу я эти звуки изъ окна своего, и не могу не плакать, когда ихъ слышу.“ — „Съ которыхъ поръ?“ спросилъ рыцарь, спараясь смягчить свой шонъ, все еще рвзкій. — „Въ первый разъ услышала я ихъ послѣ того дня, когда имѣла несчастіе упасть въ воду, и какой-то незнакомецъ спасъ меня; но, любезный Евгений, развѣ ты знаешь также эту пѣсню?“

Онъ долго молчалъ. „Ее играли при погребеніи моего брата“ — сказалъ онъ съ усиліемъ: — „но пойдѣмъ отсюда.“

Звуки прекратились; все опять стало тихо; пары, споявшія на берегу, разошлись, Евгений оставался еще съ Веронкою. „Всегда ли будешь ты меня любить?“ спросилъ онъ уныло. — „О вѣчно!“ воскликнула крошкя дѣвушка и крѣпко обвила руками станъ его. Онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. „Мы все люди,“ сказалъ онъ, шрепеща: „а кто изъ людей можетъ похвалиться, что все, имъ дѣланное съ младенчества, радуешь его воспоминаніе? Ты — правда, ты ангелъ свѣта; но гдѣ мужчина, который бы имѣлъ столь чистое

сердце, какъ свое? Будешь ли ты любить меня, когда бы и не совсемъ нашла меня чистымъ? Довольно ли для тебя будешь, если я опшныя буду слѣдовать несовершенно по спонамъ твоимъ?“

— „О Евгеній! можешь ли сомнѣваться въ моей любви, и сегодня?“

„Я не сомнѣваюсь — знаю, что меня любишь. О, ты любишь Евгенія, который тебѣ извѣстенъ, и клянусь Богомъ — я почти опшнѣ Евгеній. Если ты когда нибудь узнаешь объ Евгеніи, какимъ я былъ, то подумай, что я уже не шопъ, — что это не шопъ Евгеній, котораго ты любишь.“

— „Ахъ, не мучь меня такъ“ — сказала она, тихо умолая: — „что можешь быть у тебя на душѣ — у тебя, которому удивляется старый и малый?“

„Много!“ вырвалось изъ устъ его — „много!“ повторилось въ кушарникѣ. Онъ съ ужасомъ оглянулся. Вообще никого не было. Многія лампы уже потухли. „Что это значитъ? Слышала ли ты голосъ въ куспахъ?“

— „Ахъ, найдемъ опсюда,“ сказала она тихо, „Нѣтъ, — останься,“ возразилъ онъ: „будь покойна, я посмотрю, что это значитъ.“

Онъ пошелъ, но не видалъ никого; возвратясь, нащелъ Веронику въ рукахъ чело-

вѣка, который выскочилъ изъ кустарника. Схватившій несъ ее къ лодкѣ. „Спой!“ вскричалъ Евгений и бросился догонять — но разбойникъ былъ уже въ лодкѣ. „Ради Бога, поспой!“ вскричалъ онъ. „Оружія! оружія!“ раздалось потомъ въ воздухъ, и оскорбленный супругъ кинулся въ волны. Вероника! мои Вероники! повторялъ онъ. Вдругъ кто-то высокій, въ черномъ плащѣ поднялся на лодкѣ. „Memento mori!“ сказалъ онъ глухо, и началъ наигрывать на рожкъ ту самую мелодію, которая слышалась прежде изъ-за-озера. Плывущій перьялъ силы. На берегу все ожидалось; явились слуги съ факелами! Помогите! кричалъ упомленный. Незнакомецъ прыгнулъ въ воду и схватилъ его; между тѣмъ, подоспѣли люди, вплавь ошъ замка. „Вонъ онъ!“ сказалъ пошъ, и выпустилъ его изъ рукъ, бросился опять въ ладью. Ударъ весла приблизилъ его скоро къ другому берегу. Евгения схватили слуги и безчувственного пошщили въ садъ.

Все общество собралось на берегу, и ужаснулось, увидѣвъ въ такомъ положеніи героя пиршества. Тысяча рукъ были готовы помогать ему, тысяча устъ воскликнули: слава Богу! когда онъ очнулся.

Гдѣ моя Вероника? были первыя слова его. Въ забашахъ около него, никто не мо-

мыслилъ о ней. Гдѣ дочь моя? воскликнулъ тогда старый Баронъ въ пробудившейся вдругъ тоскѣ. Слуги сжали искашь по замку, гости обѣгали весь алаецъ. Евгенийъ приподнялся и смотрѣлъ въ лице спарику-опцу, который его поддерживалъ. Сынъ, гдѣ дочь моя? спросилъ послѣдній съ прешешомъ, Тушь несчастный спалъ одумывашься. „О плачь, плачь, престарѣлый отецъ!“ сказалъ онъ: „если она не съ вами, шо пошеряна! для меня, для меня всего больше пошеряна!“ И шуть ошошло его сердце — онъ заада слезами.

„Бога мой!“ вскричалъ отецъ: „дочь моя ушонула! Мой замокъ, все имѣнїе шому, кто спасеть единшвенное дшя мое!“ — Пронзительный голось его шенанїи созвалъ оиашь многихъ; сжали уже сбрасывашь съ себя плашье, чшобы бросишься въ волны. Тушь привспалъ Евгенийъ съ умиленїемъ: „она похмщена!“ вскричалъ онъ: „Туда въ лѣсъ увезли ее! Дайте мнѣ коня и оружіе!“

Можно предсшавишь себѣ, какое смяшенїе прозшоало опъ шакого извѣстїа. Всѣ бросились къ кондямъ своимъ и къ оружію. Конюшня и оружейная спараго Барона напонились гостями, которые не запаслись мечами и верховыми лошадями. Какъ разицельна была прошироположность ошавалъ.

шихся слѣдовъ спокойнаго пиршества съ звучаніемъ хващаемыхъ, бросаемыхъ и надѣваемыхъ шлемовъ и панцырей — съ понономъ и ржаніемъ неперпалывыхъ коней! Прежде всѣхъ снаряжился Баронъ. Ослабѣвшему Евгению совѣщавали оспашься, или передѣться. Но онъ споялъ въ шомъ, что ему одному извѣстно, куда обратились разбойники. На что мнѣ жизнь, если не найду поперянной! швердилъ онъ. — Кто былъ гошновъ, шомъ пускался въ объѣздъ пруда къ лѣсу — запоздавшіе гнались по слѣдамъ ихъ.

Между тѣмъ, пока въ замкѣ микованія радости уступали мѣсто крикамъ ужаса, похщенная увезена была довольно уже далеко отъ владѣній опцовскихъ. Глубокій обморокъ держалъ ее въ своихъ благодѣтельныхъ объятіяхъ. Когда открыла она глаза и осмолрѣлась, то нашла себя совсѣмъ въ незнакомой справѣ, и въ повозкѣ, довольно покойной; проводникъ ея, по одеждѣ и виду, казался оруженосцемъ. Они ѣхали къ сѣверу по зеленымъ покапосіямъ и между низкими кустарниками, къ длинной цѣпи горъ, поросшихъ лѣсомъ; кой-гдѣ между холмами появлялась упренная заря и бросала шѣни на блѣдно-голубое небо. Въ шерь дулъ вѣтъ на встрѣчу; облака неслись грядою къ западу. Когда спа-

до свѣта, Вероника замѣтила, что проводникъ ея направлялъ путь по слѣдамъ верховаго, шаговъ на тысячу впереди вхавшаго на ворономъ конѣ, и по видимому, искавшаго лучшей дороги для повозки. Ни съ какой стороны не видно было селенія, а вдаль мѣшала сморѣть темнота. Когда солнце раскаленнымъ ядромъ появилось между елями и соснами изъ-загорнаго хребта, они были вблизи шѣсной долины, въ которой шуманъ еще носился надъ стремительно ниспадающимъ водопадомъ.

Свѣжестъ утра послѣ продолжительнаго обморока, была очень благошворна для потрясенной души дѣвушки, которая не могла себя сосчитать яснаго нояшя о своемъ затруднительномъ положеніи. Похищитель ея, какъ бы щадя безпомощную, не обременялъ ея своимъ присупствіемъ и не шревожилъ чувствъ ея навязчивыми рѣчами. Между шѣмъ вдругъ дорога стала безнокойнѣе, и Вероника замѣтила, что верховой оспановился за кустами и выжидалъ провзда ея, а лошомъ повхалъ въ елѣдъ за повозкою. Это усилило шрепешъ въ груди ея. Часто раздавалось тогда ржаніе коней, и каждый разъ она пугалась, но спрашила въскрикнушь, потому, что оба незнакомца сохраняли глубое молчаніе.

Горы становились все круче, окрестность дичала, но дорога сдвигалась опять ровнее. На повороте повозки, увидела Вероника небольшую каменную стѣну, замыкавшую разсыпину одной горы. Передъ стѣной вырытъ былъ ровъ и на немъ стоялъ подъемный мостъ. Верховой сѣлъ прубить въ рогъ; черезъ минушу мостъ опустился, и они въѣхали во дворъ. Опеорядась небольшая дверь; вышла приспойно одѣшая женщина и просила Веронику крошкима, привѣпливымъ голосомъ выйши изъ повозки. Бѣдная почувствовала нѣкоторую оспраду, и ходя въ нерѣшимости, но повиновалась призыву. Рыцари не было видно. Незнакомка повела ее по уличковой дѣсщницѣ, и вошла въ комнацку, которая, судя по лежащимъ въ ней женскимъ рукодѣльямъ, казалась, принадлежала ей самой. Тутъ обернулась она къ Вероникѣ и распросцера предъ нею свои объятія. Несчастливая вздохнула свободнѣе. Потерявъ совершенно все, нашла она по крайней мѣрѣ какую нибудь привѣшавосць. Искренно прижалась она къ чуждой груди, и слезы дались ей опять.

Молчаніе продолжалось. Вероника не могла, а незнакомка не хотѣла, можешь бышь, прерватьъ его. Наконецъ вошла сѣа-рушка и принесла завтракъ; поспавъ его

на сподѣ, она удалилась. Ты очень упоменена, сказала незнакомка; надобно подкрѣпишь силы. Она отвела бѣдную дѣвушку къ кровати, сѣла вмѣстѣ съ нею, схватила ея руки и сказала: „не чуждайся, счишай меня своею подругою! Скажу тебѣ, если еще можешь тебѣ успокоить, что я нимаю не виновна въ твоей участи, и никогда не соглашусь ни на что тебѣ прошивное. Я же совсѣмъ не родственница рыцаря, которому принадлежишь еще домъ, не жена его и не что другое подобное,“ примолвила она, покраснѣвъ: „но онъ мой благодѣтель, и я счишаю его человѣкомъ очень благороднымъ.“

Эти слова, подкрѣпляемая привлекательнымъ видомъ говорящей, не оспавшись безъ дѣйствія. Вероника обняла опять новую пріятельницу, а послѣдняя наконецъ уговорила ее подкрѣпиться хлѣбомъ и виномъ. Въ радости, что нашла себѣ добрую собесѣдницу, молодая незнакомка сдѣлалась такъ разговорчива и такъ умѣла привлечь свою бесѣдою, что не только выманивала она ошвѣны, но даже удалось ей завести совершенно связный разговоръ. Та же радость побуждала ее не оспавлять Вероники одной съ ея мрачными мыслями. Она спала показывая ей комнаты, которыхъ длинный рядъ убранъ былъ очень красиво для жен-

ской половины; пошомъ ихъ общую спальню, наконецъ — между домовъ и свѣтлою цѣвѣшникъ, на кошорый былъ видъ изъ всѣхъ комнатъ вѣсого опдѣленія. Въ такихъ занятіяхъ прошло все утро и насшупила часть обѣда.

Вероника запрепешала, когда призывный колоколь, по обыкновенному порядку въ замкахъ, напомнилъ о сборѣ къ столу. Она боялась увидѣшь рыцаря, и не умѣла представить себѣ своего съ нимъ свиданія. Спарушка, уже входившая однажды, отворила дверь и кликнула свою барышню именемъ Антоніи. Вероника бросилась въ постелю и залилась горькими слезами. Слущая немного, Антонія вошла опять и, вѣроятно, понавѣ мысли новой подруги своей, пошчасъ сказала: „мы будемъ сегодня здѣсь обѣдать — также и слѣдующіе дни. Рыцарь опасается своимъ появленіемъ огорчить тебя. Ты не повѣришь, какъ онъ тебя любитъ. Я шеперь съ нимъ говорила; онъ такъ плакалъ, что я удивилась. И какъ онъ просилъ меня, что-бы я сколько возможно спаралась тебя успокоить и развлечь.“ — Вероника, слышавшо, заключила, что попалась не къ простымъ людямъ, и мучительный страхъ, овладѣвшій ею съ самаго пробужденія изъ обморока, пересмалъ ее шревожилъ. Но

тѣмъ болѣе предалась она чистѣйшей горести, и слезы легче и чаще лились изъ глазъ ея. Антонія дѣлала припомъ все, что было въ ея силахъ — она принимала унылую въ свои объятія и плакала вмѣстѣ съ нею. „О, попроси его,“ сказала Вероника: „чтобы онъ оппустилъ меня къ моему отцу и къ моему Евгению. Если онъ почто имѣеть благородныя чувства, то конечно долженъ исполнить мое желаніе.“

„Ахъ, моя милая,“ отвѣчала Антонія: „когда я вижу твои слезы, то гошова все сдѣлать, чего ты хочешь; когда же приду къ нему и увижу, что онъ плачетъ, должна буду молчать поневолю. Я люблю тебя отъ души, но, для чего скрываешь его, какъ единственнаго моего благодѣтеля, люблю я еще болѣе.“

„Этого онъ не заслуживаетъ,“ сказала Вероника: „Можно ли кому нибудь любить того, кто повергаетъ въ несчастіе невинную дѣвушку, отнимаетъ у стараго отца единственное дѣшце, похищаетъ у мужа его жену?“

„Такъ ты уже въ самомъ дѣлѣ обвѣчана съ Евгениемъ?“ спросила Антонія въ испугѣ.

„Предъ алтаремъ Божиимъ,“ отвѣчала Вероника: „и останусь навсегда его вѣрною женою.“

„О, несчастная“ — сказала Антонія съ увыміемъ: — „да, ты точно несчастная. А бѣдный Албрехтъ — какво ему! Ахъ, Вероника, для чего судьба покинула тебя у челоѵка, какво Албрехтъ, чѵдобъ онцданъ въ руки этого Евгенія.“

„Переснаниъ,“ возразила печальная въ до- садѣ: „я его лучше знаю, нежели всѣ вы: я жена его.“

Антонія замолкла; Вероника также. Не предснзавлялось ничего къ разговору. Обоюд- ная доѵрчивость коснулась предмета, оиъ котораго обѣ были огорчены.

Спустия нѣсколько дней, когда оиъ си- дѣли вѣсепъ за женскими работами, сказа- ла Антонія: „я всего охотнѣе вышиваю де- рези и манжеты для Албрехта.“

— „Если ты любишь его и оиъ тебя, но зачѣмъ же не женишься вы?“ спросила Вероника: „зачѣмъ вздумалось ему разрушить мое счастье?“

„Милая Вероника! не говори о насъ такъ жестоко; я невинна въ пвоей участи, а оиъ конечно желаетъ тебѣ также полько хорошаго. Повѣрь мнѣ, я согласилась бы итими за него, но, единственне по благород- ству души, оиъ опвергаетъ это.“

— „Варно какое нибудь родство прецнц- ствуетъ?“ сказала Вероника, съ легкой ош-

шѣнкою насмѣшливости въ лицѣ и выговорѣ.

„Я дочь одного знаменитаго рыцаря,“ возразила Антонія: „и была, какъ полагаю, наследницею большаго имѣнія.“

— „Даже!“

„Отецъ мой рано умеръ. Въ сиротствѣ моемъ призрѣлъ меня ближайшій мой родственникъ, почтенный старичекъ, кошорый и управлялъ моимъ имѣніемъ самымъ безкорыстнымъ образомъ; но не успѣлъ и онъ основать моего счастья: смерть покинула его — для меня слишкомъ рано. Мѣсто его заняли двое сыновей его. Старшій Альбрехтъ, владѣтель этого небольшого замка, былъ тогда наследникомъ всего ошцовскаго имѣнія. Но младшій братъ, человекъ совсѣмъ другихъ правилъ, свелъ знакомство съ правовѣдцами, и спакнувшись съ ними, вдругъ смѣлъ, совсѣмъ неожиданно, утверждать, что мое наследственное вмущество, какъ женское, по мужской линіи перешло въ его родъ. Съ многоразличными доказательствами объявилъ онъ себя, какъ утверждалъ, по законамъ, въ правѣ искашь этого имѣнія. Онъ поѣхалъ ко Двору (одного владѣтельнаго Дома въ Германіи), и возвратился съ шѣмъ, что все имѣніе должно утвердиться за нимъ, если онъ на мнѣ же-

нился. Альбрехтъ воспринялся его пощупкамъ, думая, что и я по молодости еще не могу выйти замужъ, и шакому человеку безсовѣстно было бы меня ввѣрять, если онъ будетъ продолжать дѣйствовать, какъ началъ. Между обоими братьями произошелъ раздоръ. Альбрехтъ не уступала моего имѣнія. Ссора пошла на рышеліе къ Государю, и, представъ себя — нушь напернулись слезы на глазахъ Антоніи — „Альбрехта, какъ возмушила противъ верховной власти, осудили на лишеніе покровительсва законовъ, а все его имущество присудили брату его. Защитникъ мой долженъ былъ бѣжать, и живеть уже нѣсколько лѣтъ въ этой пустынь, гдѣ былъ прежде разбойничій замокъ, имъ же, въ счастливыя времена, завоеванный по повелѣнію Государя. Меня взялъ онъ съ собою, потому, что счастье мое лежало близко къ его сердцу. Но никогда не предлагалъ онъ мнѣ своей руки, чтобы не очернить своего поведенія ни въ собственныхъ глазахъ, ни во мнѣніи постороннихъ.“

„Потому-то и несчастлива ты,“ сказала Вероника: „но ты имѣешь еще надежду.“

„Надежду?“ возразила Антонія съ уныніемъ: „Альбрехта считаютъ умершимъ; жестокосердый братъ владееть его имѣемъ

и моимъ, а теперь онъ и женился. Мы вѣрно должны будемъ кончить жизнь нашу въ вѣшной пустынь.“

Послѣ такого разговора объ дѣвушки сдѣлались опшкровеннѣе. Вероника по всему, что видѣла и слышала, не могла не пишашь въ душѣ чувсшва какого то уваженія къ владѣтелю замка; при всемъ томъ, что не забывала своей печали, и что въ каждый удивленней часокъ источникъ слезъ лился изъ глазъ ея. Съ Аншоніей по цѣлымъ днямъ оставалась она неразлучною, не видя никогда рыцаря, который былъ въ отсутствіи. Прочіе немногіе обитатели замка были все люди добродушные, готовые на всевозможныя услуги обѣимъ барышнямъ. Вероника, имѣя совершенно чистое сердце, не могла гнушашься ихъ искреннею услужливостію; жспинная печаль, какова была ея, не могла оказывашься въ причудливости. Сначала помышляла она о средсшвахъ подкупить кого нибудь, чтобъ уведомить опца своего и Евгенія о мѣсшѣ своего пребыванія; но Аншонія заклинала ее со слезами, не подвергать неизбежной опасности жизнь рыцаря, и ея мягкосердіе уснуило симъ просьбамъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Рыцарь возвратился, и чрезъ Аншонію просмашъ позволенія являшься къ столу. Вероника сама

желала его видѣть. Она предполагала въ себя довольно смѣль, чтобы представилъ ему, какъ мало поступки его въ отношеніи къ ней согласуются съ превозносимымъ Антонію благородствомъ души его, и пошному, изъявила свое согласіе; но какъ скоро ударила часъ обѣда и его мужественные шаги раздались по переходамъ, началось въ ней сильное шрепетаніе сердца. Можно себя представить, каково ей было, когда онъ вошелъ. Въ немъ узнала она того самаго чело-вѣка, который вышвырнулъ ее изъ воды. Но лишь только узнала, смущеніе чувствъ взяло надъ нею верхъ, и она упала безъ памяти.

Рыцарь, видя, сколь сильное впечатлѣніе сдѣлалъ приходъ его, и узнавъ отъ Антоніа причину того, рѣшился удалиться и не являться болѣе. Вероника почувствовала большое облегченіе, когда, пришедъ въ себя не нашла его передъ глазами; но при всемъ томъ ея положеніе было очень тягостно. Спасителя жизни своей не могла она ненавидѣть; по всемъ поступкамъ его съ Антоніей и съ нею, не могла она отказываться ему въ уваженіи; но возможно ли было ей любить его? Сердце ея принадлежало вполнѣ Евгенію, и съ неограниченною вѣрностію помышляла она объ его любви, объ его къ ней преданности.

Въ одну лунную ночь, поднялась она тихо съ своего ложа, на которомъ не могла найши покою, и взявъ Антонину люльку, пошла въ садикъ. Въ замкъ все покоилось; ни въ одномъ окнѣ не видно было огня. Избравъ себѣ мѣсто въ самой отдаленной бесѣдкѣ, которая, стоя на возвышеніи, представляла видъ на всю одичалую страну, спала она играшь и пѣшь. Вдругъ послышался ей шорохъ; въ кустарникъ увидѣла она человѣка, который голосомъ не совсѣмъ ей незнакомымъ, сказалъ: „барышня!“ Она молчала; видный приблизился къ ней. „Какъ я радъ,“ сказалъ онъ: „что васъ шакъ неожиданно нахожу здѣсь; могу ли я говорить теперь съ рыцаремъ?“ Тушь узнала Вероника стараго Гельфриха, одного изъ слугъ отца своего. „Гельфрихъ, вы ли это?“ спросила она въ испугѣ и въ радости. Старикъ испугался самъ и упалъ къ ногамъ ея. „Ахъ, Вероника! это вы? и думалъ, что Антонія. Но будеше ли вы въ состояніи простить старому Гельфриху? Подумайте, что я носилъ васъ дышатель на рукахъ своихъ, что вы на моихъ глазахъ выросли. Можете ли вы простить мнѣ?“

— „Что же такое?“ сказала Вероника. „Мнѣ шибко не въ чемъ прощать.“

„Ахъ, нѣтъ, не говорите,“ продолжала старикъ: „вѣрно вы знаете, что я васъ провожала сюда. Я въ шомъ день пошушила всѣмъ огни въ саду, и мною вы привезены сюда. Но я прежде служила рыцарю Албрехту, и не могъ смотрѣть равнодушно, что вы дѣлались женою брата его. Повѣрьте мнѣ: Албрехтъ гораздо лучше Евгенія. Но я шеперь замолчу: не годится говорить худо о мертвыхъ: Онъ вѣрно раскаялся, а смерть все прикрыла.“

— „Боже мой! старикъ, что говоришь ты?“ воскликнула Вероника въ шоскъ.

„Да,“ сказала Гельфрихъ: „я нарочно пришелъ сюда, чтобъ уведомить о шомъ рыцаря. Братъ его умеръ; онъ можешъ шеперь воспользовашься всѣмъ наследствомъ.“

— „Кто умеръ?“

„Рыцарь Евгений — но не огорчайшесь, барышня; неужели вы Албрехту не опдадите шакже охотно руки своей, какъ брата его?“

— „Молчи!“ — сказала Вероника. Избытокъ несчастія далъ ей силы. Какъ ни жестоко поразило ее извѣстiе о смерти Евгенія, но имъ рушилось смѣшенiе чувствъ ея. Къ печали она привыкла; къ одной шоскъ никто не привыкаетъ. И то, что въ своемъ супругѣ узнала она брата рыцаря Ал-

брехина — брата, кошорого поступковъ шакъ часто не одобряла она предъ Антоніей, и кошорого имя, какъ шеперь ясно открылось, умалчивали ошъ нее изъ жалости — все втомишило дурную вѣсть ея разрушительнаго жала.

„Просните ли вы мнѣ?“ сказалъ по нѣ кошоромъ молчаніи старикъ, умоляя.

— „Ты предашь,“ ошвѣчала Вероника сурово: „ошведи меня къ ошцу моему.“

„Нѣтъ!“ возразилъ Гельфрикъ съ большею смѣлостію: „ваши слова оскорбляютъ меня. И васъ, и рыцаря Албрехта, любилъ я, какъ собшвенныхъ дѣшей своихъ, и никогда не желалъ вамъ зла. Скажите сами, не шакимъ ли всегда меня знали?“

— „Ошведи меня къ моему ошцу!“ повщорила Вероника.

„Надобно поговорить напередъ съ рыцаремъ; ошъ того зависишь его счастье.“

— „Слушай же!“ сказала Вероника, закрывая лице руками. Старикъ пошелъ, часто оглядываясь; наконецъ скрылся въ отворенной двери замка.

Вероника подождала, пока онъ скрылся, а потомъ прокралась къ мѣсту, гдѣ прежде всего его увидѣла. Ей хотѣлось бѣжать, если возможно. Но стѣна была слишкомъ высока, а спящее подлѣ дерево, съ помощію

коммерато перелѣзь старикъ, не могло быть для нее полезно. Въ первыи моменты смотрѣла она блуждающими глазами на спящу; вдругъ кто-то схватилъ ее тихонько съзади. Это была Антонія. „Вероника“ — сказала она: „неужели ты хотѣла меня оставить? Пойдемъ со мною. Ночной воздухъ вреденъ — ты вѣдь себя.“ Она взяла ее за руку. Вероника послѣдовала за нею. „Ты не можешь представить себѣ, какъ я была испугана,“ сказала Антонія: „Я спала крѣпко и совсѣмъ не замѣтила, что ты вышла. Вдругъ схватилъ меня кто-то крѣпко за руку, я испугалась и увидѣла мужчину, котораго совсѣмъ не узнала. Это былъ старикъ Гельфрихъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ты внизу, и спросилъ объ рыцарѣ. Спрахъ, какъ я перепугалась.“

„Что все это значишь,“ сказала Вероника тихо: „передъ тѣмъ, какъ я испугана! Евгенія, моего Евгенія вѣдь на свѣщѣ!“ и плушъ, рыдая, поверглась она на грудь подруги. Но вдругъ опять оттолкнула ее; „вѣдь,“ вскричала она: „ты вѣдь его не любишь, ты ненавидишь его, радуешься его смерти! О, каковъ онъ былъ, никто не знаетъ — только я знала его.“

„Нѣтъ,“ сказала Антонія-пиха: „зачѣмъ его ненавидѣть! Я прощаю ему, если онъ сдѣлался лучше.“

„Теперь, когда онъ умеръ — да, теперь вы оставляете его въ покое, вчера еще его преслѣдовали.“

„Милая, ты виѣ себя!“ сказала Антонія съ кропосію: „развѣ не знаешь, что Евгений оскорбилъ меня, разрушилъ всѣ мои радости, и что я ничего не сдѣлала ему худого?“

Вероника не могла отвѣчать; она заключила подругу опять въ свои объятія. Антонія отвела ее въ комнаты и уговорила лечь опять въ постель. Опъ упоминеній Вероника уснула, и пробудилась уже, когда сдѣлалось совсѣмъ свѣтло.

Долго никто не показывался. Во всемъ замкѣ царшвовала тишина. Иногда слышалось, какъ будто мимо дверей ходятъ на цыпкахъ, но Вероника не имѣла охоты любовышешвовашь. Въ часъ обѣда, старая Герштруда высунула въ двери голову и спросила: проснулся ли вы, барышня? Антонія не приказала мнѣ васъ будить. Она рано поутру уѣхала сърыцаремъ, и воротитесь развѣ черезъ нѣсколько дней.

„Здѣсь ли Гельфрихъ?“

— „Да, онъ ужъ нѣсколько разъ подходилъ тихонько къ дверямъ, но думалъ, что вы спите. Не прикажете ли позвать его? “

„Позови!“ сказала Вероника. Герштруда вышла, и скоро явился Гельфрихъ. Онъ подавъ письмо отъ рыцаря Албрехта:

„Брата моего и въспъ на свѣтъ!“ — писалъ рыцарь: „По неосщорожности Гельфриха, вамъ уже извѣстно, что вы потеряли своего супруга. Повѣрьте моему честному слову: я не простираю за гробъ вражды своей, и плачу о немъ вмѣстѣ съ вами. Да умилосердишься надъ нимъ Господь, и надъ нами. Судьба Антонимъ, равно и собственная моя, принудила меня поспѣшить къ двору моего Государя. Если вамъ угодно, то старый Гельфрихъ проводишь васъ къ вашему батюшкѣ. Онъ хочетъ, чтобъ я выпросилъ у васъ ему прощеніе. Охотно бы я изъясъ за вшо, если бъ зналъ, что мнѣ самому простите вы то, что я сдѣлалъ, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, но прошивъ вашей воли. Албрехтъ.“

„Дай мнѣ свою руку, Гельфрихъ!“ сказала Вероника. — Старый слуга подошелъ, схватилъ съ прещетомъ ея руку и цѣловалъ ее съ умиленіемъ и слезами. „Я готова всѣмъ простить“, примолвила Вероника: „но отвѣдите меня къ моему опцу.“

, Все готово!“ сказала Гельфрихъ и поспѣшно ушла. Черезъ четверть часа подъѣхала повозка. Около нее собрались все слуги замка, и старая Герпирода. Привыкнувъ къ своей госпожѣ, она прощалась съ нею, какъ бы съ искренно любимою госпожею. Вероника оцѣ души плашила имъ такую же искренностью. Подъемный мостъ опустился, и печальный замокъ со всеми принадлежностями остался назади — лишь шоека преслѣдовала опшуда двушку.

Съ шѣхъ поръ, какъ у стараго Барона не стало единственной, любимой его дочери, мало провелъ и онъ веселыхъ часовъ. Все время занимается розысками, для которыхъ употребляетъ своихъ слугишелей, и въ томъ числѣ стараго Гельфриха. У Государи не-прошено было позволеніе осмотрѣть все близлежащія монастыри; замки же поному оставались свободными оцѣ подозрѣнія, что все сосѣдніе владѣльцы, безъ исключенія, присушествовали на свадебной пируешѣ у Барона, и оказали большую дѣятельность при первомъ бесполезномъ поискѣ.

Между шѣми старикъ былъ нѣсколько развлеченъ въ печали своей судьбою зятя. Евгений на другой же день занемогъ опасною болѣзнію. Въ лихорадочномъ бреду беспре-спанно повторялъ онъ: „тemento мои,“ ска-

занное ему незнакомцемъ, кошераго монашескую одежду нашимъ послѣ въ лѣсу. Когда же манура спала въ немъ переспаванъ нѣсколько болѣзнь, глубокое уныніе овладѣло его душою. Онъ считалъ себя уже не въ правѣ пользоваться какими нибудь земными благомъ. Живъ ли братья его — онъ не зналъ. Послѣ того, какъ пять лѣтъ не было о немъ слышно, вѣроятнѣе казалось, что онъ умеръ. Но предполагая, что Антонія опадна въ какой нибудь монастырь и можешь выйти оттуда, задумавъ онъ исправить передъ нею вину свою. Старый Баронъ зналъ его семейственныя обстоятельство, и еще прежде уговаривалъ его, опадна все, принадлежащее ей наследство, какъ скоро найденся она, шѣмъ болѣе, что и по рѣшенію суда не могъ бы уже имъ пользоваться, женись не на ней, а на другой. Чтобы Албрехтъ былъ живъ, старикъ не приходило въ голову, да и кромѣ того, сообразно тогдашнему образу мыслей, лишеннаго покровительства законовъ считалъ онъ умершимъ. И такъ онъ ни мало не затруднился, когда Евгенийъ, объявивъ ему желаніе удавиться онъ свѣта, предложилъ управленіе всѣмъ своимъ имѣніемъ, пока не найденся Антонія, братья его или Вероника. Эти обстоятельство близко лежали у него на душѣ, шѣмъ болѣе, что по всѣмъ

съзаннымъ опытамъ, уныніе зѣна своего считалъ онъ неизлечимымъ.

Евгеній удалился изъ Баронова замка; душа его была такъ расперзана, что онъ не могъ даже плакать, осмѣвая мѣсто, гдѣ нашелъ и пошерлялъ величайшее свое счастье. Черезъ нѣсколько дней, прислалъ онъ Барону бумаги на имя своего Государя: въ нихъ излагалъ онъ послѣднюю свою волю и просилъ утвержденія оной. Не много спустя, получилъ спарикъ извѣстіе, что несчастный отшелъ къ вѣчному покою.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда старый Гельфрихъ подвѣхалъ къ замку. Дорогою рассказалъ онъ все госпожѣ, и умолялъ, чинобъ она его не выдала. Всѣ слуги сбѣжались въ радости, когда увидѣли пошерянную, и цѣловали, выхваляли старого Гельфриха, даже авидовали ему. Вероника пошла пошчасъ въ комнату отца. Спарикъ сидѣлъ у дѣль дверей, и смотрѣлъ безъ мыслей въ спящее напрошивъ зеркало. Вдругъ являлся въ немъ образъ его дочери. По неомидѣнности онъ могъ почесшь его духомъ. Юблѣднѣвъ, какъ смерть, успремилъ онъ неподвижно глаза свои. Наконецъ собрался съ силами, всшалъ и пошелъ на видѣніе. Тутъ броскалась дочь въ его объятія и зарыдала на груди его.

Радость отца была чрезмерна. Съ какими чувствами слушала она рассказы его, легче предсавивъ себѣ, нежели описать. Ея же рассказы очень удивили сшарика. Гельфрихъ, котораго взломство прикрышо было гибкостью женскаго ума, былъ шошъ же часъ опять отправленъ къ Аабрехту для врученія бумагъ брата его. Больше, чѣмъ предсавляла себѣ Вероника, порицалъ сшарикъ несправедливость, оказанную рыцарю, и бранилъ поступки и позднее раскаяніе своего умершаго зятя.

Спустя нѣсколько времени, прѣехала въ замокъ Антонія и вручила сшарикъ бумагъ ошъ Двора, съ полномочіемъ вешупишь въ принадлежащія ей владѣнія. Баронъ общалъ ей во всемъ самое дѣяшельное пособіе. Обѣ подруги обнялись въ сердечномъ сокрушеніи, видя, каждая на другой, какъ блекнушь розы ихъ юности, и какъ внутренняя скорбь отражается въ унылыхъ глазахъ. Антонія совсемъ уже не была такъ счастлива, какъ прежде; большое состояніе не сдѣлало ея сшасливѣе. Напрошивъ, она была еще гораздо печальнѣе Вероники, привыкшей уже мыкать горе; если жъ иногда хошѣла насшироишь себя къ веселости, то не могла скришь принужденности, съ которою никакая веселость не можетъ бышь одушевишельна. Ве-

роника угадывала, что причиною тому любовь къ Албрехту, теперь только во всей силѣ раскрывшаяся — теперь, когда ей должно съ нею разстаться; но не угадывала того, что она сама производила столь сильное сердечное движеніе въ своей подругѣ, видѣвшей въ ней счастливицу, на мѣсть которой такъ бы желала поставить себя. Часто говорила Антонія: „ты счастливѣ меня!“ но Вероника тогда бы только могла понять настоящій смыслъ этихъ словъ, когда бы сама также сильно любила Албрехта, или имѣла бы случай наблюдать ближе сердце своей подруги. Съ тѣхъ же поръ, какъ ее привезли къ отцу, она даже мало и думала объ Албрехтѣ.

Расставаясь, когда условились онъ о переносѣ, Антонія сняла съ груди подруги своей двѣ искусственныя розы, и сказала: „эту алую прищаю къ тебѣ, когда будешь счастлива; эту бѣлую“ — примолвила она съ пренешомъ: — „вѣроятно прищаю прежде.“ Вероника отвѣчала только объясненіемъ, потому, что не могла понимать ее.

Вскорѣ однако разгадалось для нее все. Черезъ нѣсколько недѣль, услышала она, что возвратился и Албрехтъ, и вспунилъ во владѣніе своего родоваго имѣнія. Самъ отецъ ея принесъ ей эту вѣсть. Онъ повелъ ее въ

садъ, и шамъ говорилъ ей: „ужь много прошло времени, милая дочь, какъ ты потеряла своего супруга. Ты видишь, я спановлюсь спарь; ты знаешь хорошо положеніе нашей брашья рыцарей, слѣдственно можешь понять, почему не желалъ бы я оставить тебя неприспреенною. Мнѣ, спарику, нуженъ зашь, а мнѣнью нашему — мощный владѣтель, да и для самой тебя нуженъ оберегатель, если не хочешь, по смерти моей, подвергнуться шакой же участи, какъ швоя Антонія. Изъ собственннхъ твоихъ рассказовъ ясно вижу, что рыцарь Албрехтъ тебѣ уважаетъ. Какъ я сужу — онъ поступалъ съ побою не только крошко и почшишельно, даже благородно. Конечно, спрого разбирая, онъ бы не могъ надѣяться на мое дружество, но гдѣ мнѣ, спарику, вести съ нимъ вражду? Онъ проситъ у меня руки швоей — мое собственное желаніе и воля, чтообъ ты приняла предложеніе.“

Черезъ нѣсколько дней послѣ шакого объясненія, явился въ замкъ и самъ рыцарь Албрехтъ. Щеголевашая одежда не сполько украшала его, какъ сила и прямодушіе, блиставшія изъ глазъ, веселоснѣ и здоровье, цвѣшущія на щекахъ его. Онъ рассказывалъ откровенно обо всемъ случившемся. „Жестокосно поступилъ со мною братъ,“ сказалъ онъ

однажды: „опиравъ у меня все; но легко бы переносилъ я это, если бы онъ, похищивъ всего имѣнія своей невѣсты, не вздумалъ опинять у меня еще и шу, кошорой обладаніе считалъ я выше всего на свѣтѣ, и почти уже достигъ до него, имѣвъ счастье спасти ей жизнь. Богу извѣстно,“ примолвилъ онъ, что я простилъ ему совершенно.“ — „Вы хорошо ему заплащили,“ сказала Вероника: „взяли у него болѣе, нежели что могъ онъ взять у васъ; но конечно и онъ уже просилъ вамъ.“

Албрехтъ покраснѣлъ. „Можешь быть ты и правъ,“ сказалъ онъ: „мысль, что пошупокъ мой имѣетъ видъ опинченія, шревоищъ меня. Но не позволено ли мнѣ сказать, что я какъ бы желалъ защитишь послѣднюю свою собственность и что, камешжешся, само Небо рѣшило наконецъ между нами.“

„Развѣ я раба собственностью?“ спросила она.

„Да, ты его собственностью!“ подхватилъ старикъ — отецъ. „Рыцарь Албрехтъ! я объявляю васъ женихомъ моей дочери, мнѣ будущимъ зятемъ и наследникомъ.“

Вероника молчала. „Рыцарь,“ сказалъ Албрехтъ: „благодарю васъ, что вы исполняете самое пламенное мое желаніе; мой

жизнь послужить вамъ доказательствомъ, что я не хочу словами ограничивать своей благодарности. Но я прошу васъ, дайте время дочери вашей привыкнутьъ къ новому ея назначенію. Я уважаю гореть ея, и чувствую, что она не можетъ еще любить меня. Смѣю надѣяться, что со временемъ удастся мнѣ приобрести ея сердце.“

„Одинъ шакой отзываетъ,“ сказалъ старикъ: „заслуживаетъ уже любовь, если она не поперяла чувства къ благородству. Впрочемъ я охотно бы согласился съ вами, если бы для самихъ васъ не долженъ былъ отвергнуть благородное ваше предложеніе. Примеръ Антоніи дѣлаетъ меня осторожнымъ; послѣднія происшествія слишкомъ на меня подѣйствовали; если мнѣ случится умереть, боюсь, что и съ нею будетъ то же.“

Молодые люди безмолствовали. Старикъ вспалъ и сказавъ: „ровно черезъ два мѣсяца свадьба; сладше между собою, какъ хотише!“ — вышелъ и оставилъ ихъ однихъ.

Рыцарь Албрехтъ старался доказать своей возлюбленной, что поспѣшность старика хоти и соотвѣтствуетъ желанію сердца его, но не воля. Вероника не могла быть къ нему сурова, но невозможно ей было и любить его. Тысячу разъ умоляла она Небо даровать ей готовность къ дѣшскому по-

слушанію и спокойствіе при неизбѣжной судьбѣ. Но лишь только хотѣла она предспавишь себя Аабрехша, какъ Евгеній являлся смяшенной душѣ ея, въ брачномъ своемъ нарядѣ. Искренность, блисшавшая во взорахъ его, говорила ей болѣе въ одномъ воспоминаніи, нежели робкою почшительностію связанная любовь брата его, въ ежедневныхъ разговорахъ. Всего же болѣе мѣшало въ борьбѣ ея сходство жениха съ его братомъ. Часто слово Евгеній вершвалось, въ мысленной вѣжностши, на устахъ ея, съ которыхъ слова: рыцарь Аабрехшъ, звучали безъ тона любви.

Назначенный срокъ сблизался. Гонцы спѣшили зазывать въ сосѣдственныхъ замкахъ гостей, которые были почти всѣ прежніе. Насшупилъ день, въ который надлежало вымолвить рѣшительныя слова. Еще съ разсвѣтомъ дня явился рыцарь на дворъ замка. Цвѣшь одежды его, родовой въ его фамилии, блеснула въ глазахъ невѣстши, прешещущей ошъ ожиданія: перо на шлемѣ, щипъ, перевязи, казались шѣ же самыя, какіе были у несчастнаго его брата. „О Евгеній,“ говорила она: „шмъ всѣми забышь шеперь! Одна я, несчастная, вѣчно останусь швоею! Въ содроганіи одумалась она, когда произнесла вши слова, и вознесла снова шепальма молебны къ Богу о дарованіи ей душевнаго покоя.

Наступилъ полдень, гости собрались, въ залѣ дѣлались приготовленія къ пиршеству. „Нацы!“ оказала старый Баронъ: „въ прошедшій разъ было здѣсь очень тихо. День прекрасный — лучше теперь же устроимся на лугу, подъ открытымъ небомъ.“ По его приказу слугамъ снесены были на лугъ и всѣ гости перешли туда.

Тутъ явился одинъ гонецъ, и доложилъ Барону, что позванный на свадьбу Священникъ занемогъ внезапно, и быть не можетъ. Но, прибавилъ онъ — по дорогѣ нашелъ я другаго, который обѣщавъ прѣхать вечеромъ. Этого неприятный случай не сдѣлалъ впрочемъ большаго вліянія на бесѣду. Бокалы спсраго вина развернули гостямъ языки, и веселость сіяла на всѣхъ лицахъ. Албрехтъ мадо успуналъ брату своему въ искусствѣ ищнейской обходительности, и съ большою ловкостью умѣлъ отклонять отъ своей невѣсты всѣ вопросы и намѣки, которые могли привести ее въ замѣшательство. Она вѣд чувствовала, но не могла рѣшишься изъяснить свою благодарность помашиемъ рукъ, или чѣмъ бы то ни было.

За десертомъ, старый Гельбрехтъ принесъ ящичекъ, и, посправивъ его между женихомъ и невѣстою, сказалъ: „опъ Антонія.“

Рыцарь раскрылъ и нашель бѣлую розу. „Что бы это значило?“ спросилъ онъ.

„Ахъ,“ сказала Вероника: „я думала шочно, что она пришлеть бѣлую. Разставаясь со мною, взяла она у меня двѣ розы; эта бѣлая означаетъ ея несчастіе. Алая значила бы, что она счастлива. Ахъ! она шочно очень жалка.“

„Почему же?“ спросилъ Албрехтъ.

„Потому, что любишь васъ:“ сказала Вероника: „развѣ не замѣчали вы этого?“

„Клянусь Богомъ — никогда!“ вскричалъ Албрехтъ и задумался.

„Наши женихъ и невѣста что-то невеселы,“ сказалъ одинъ гость: „вѣрно отъ того, что Священникъ мѣшкаеть; потерпите, къ ночи онъ будетъ.“

Между тѣмъ смерклось, а Священника все еще не было. Заботясь о томъ, Баронъ послалъ еще гонца въ ближайшій городъ, чтобъ на всякій случай привезти другаго.

Уже спало очень темнѣть, такъ что думали зажигать свѣчи, какъ вошелъ оруженосецъ съ докладомъ, что прежде званный Священникъ явился. „Ну, такъ спановишесь же въ галлерей — тамъ приготовлены лампы и свѣчи. Только зажечь.“ Тотъ же гость, который прежде говорилъ о нешерпѣливости,

Пошелъ на встрѣчу къ Священнику и сказалъ: „поспѣшите, почтенный овецъ: молодые люди жадушъ васъ нешерпѣливо.“

„Такъ спало бышь я не рано пришелъ?“ ошвѣчалъ священникъ глухо, изъ подъ шолстой своей маншіи.

Въ это мгновеніе два рожка начали играть въ опдаленіи шу же самую мелодію, кошорая прервала и прѣжнее пиршество. Албрехтъ споялъ уже подлѣ невѣсмы и не могъ ошойши; онъ сказалъ шолько ближайшему изъ гостей съ поспѣшностію, чшобы велѣли умолкнушъ музыкѣ.

Священникъ спалъ предъ брачною чешюю; всѣ гости были на мѣспяхъ въ ожиданіи начала церемоніи; свѣшъ и пѣни мѣшались по неровнымъ спѣнамъ галлѣрей. Вдругъ священникъ обернулся и громкимъ, внашнымъ голосомъ произнесъ: „Memento mori!“ Въ шощъ же мигъ сбросилъ онъ съ себя маншію.

Женихъ зашрепешалъ и едва успѣлъ поддержашъ падающую невѣсму, кошорая при первомъ взглядѣ узнала своего Евгенія. Гости сползились, но всѣ безмолвешвовали.

„Я брашъ швой Евгенийъ!“ сказалъ явившійся изъ подъ маншіи рыцарь. „Скажи, не справедливо ли покарала судьба насъ обо-

нихъ? Прости мнѣ, какъ и я тебѣ прощаю. Возьми твое, а я возьму мое, и примиримся.“

„Да!“ сказалъ Албрехтъ, собравшись съ духомъ: „Небо гораздо справедливѣе насъ, людей. Евгений, любезный братъ мой, возьми твою собственность.“

Все это кончилось прежде, нежели окружающіе могли прійти въ себя отъ изумленія. Веронику, по нѣкоторомъ усилии, привели въ чувства, и самъ Албрехтъ передалъ ее, съ оправданіемъ пошупковъ ея, въ руки своего брата. „Я знаю, прекрасное сердце ея,“ сказалъ послѣдній. „Только любишь ли она меня по прежнему, узнавъ, что я былъ нѣкогда?“

„Любишь и навѣкъ!“ отвѣчала Вероника, заключивъ его въ свои объятія.

Тяжелона сполнившихся гостей напомнила братьямъ, что надобно подумать и о нихъ. „Ну, мой любезный зашь,“ сказалъ старшій Баронъ: „продолжай угощать, какъ ты на погдашнемъ пиру началъ. Будь такъ, какъ бы ничего не произошло между нами. Видь ты на меня не сердись?“

„Нѣтъ!“ сказалъ Евгений: „я легко позналъ, побудивши васъ прочимъ. Еще вчера дошла до меня вѣсть о свадьбѣ — въ менашпуръ, гдѣ скоро надлежало мнѣ поспричь-

*

ей. Но я ждалъ до сего дня, чшобы давъ почувствовашь брату его вину, примирить его пѣмъ съ моею.“

„Ты славный малой!“ сказалъ Баронъ: „но посмотри, жена швоя спомнѣ опашь со своимъ женихомъ.“

„Эшо ничего!“ возразилъ Евгений и пошелъ къ нимъ. Вероника дѣйствительно подошла къ Албрехту, и взявъ его за руку, сказала: „Рыцарь! пеперь только я въ состояннн сказашь вамъ, что уважаю васъ и предана вамъ съ чистую, родшвенною любовью.“

Албрехтъ пожалъ, молча, ея руку.

„Но что же напишу я къ Антоннн?“ спросила она. „Неужели послашь къ ней ея бѣлую розу?“

Рыцарь молчалъ; сердце его сильно билось. Наконецъ съ шрепетомъ снялъ онъ алую розу съ груди Вероники и сказалъ: „пошли-те вотъ эшу.“

Въ радости напечатлѣла Вероника родшвенный поцѣлуй на устахъ его, и побѣжала распоряднться, чшобы старый Гельфрихъ поскакалъ съ упѣшительною розою къ Антоннн. На словахъ надавала она ему множество порученнн. Замокъ ея былъ только на мнлго разстоянн.

По всему саду зажжены были огни; веселость ликовала повсюду.

Через нѣсколько часовъ прїѣхала сама Антонія. Вероника пригласила Албрехта одшести въ садъ прїѣзжую незнакомую даму. Онъ пошелъ и очутился въ объятїяхъ Антонїи. Онъ долго безмолвствовалъ. Наконецъ сказалъ: „я свободенъ и люблю тебя!“

Объятія повшорились.

Вскорѣ явился Священникъ изъ города.

И ни одного несчастнаго не осталось въ цѣлой полпѣ, и до глубокой ночи слова любви перелетали изъ устъ въ уста, въ ладъ съ громозвучною музыкою и съ брентащими золотыми кубками.



АНТРОПОЛОГИЯ.

НАБЛЮДЕНІЕ ВАЖНѢЙШИХЪ ПРИМѢРОВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДОЛГОВѢЧНОСТИ И ИХЪ ПРИЧИНЪ (*).

(Изъ Вирел.)

Галлеръ говоришь, что онъ въ своихъ изысканіяхъ собралъ болѣе тысячи примѣровъ спользанныхъ людей; имѣлъ свѣдѣнія о шестидесяти двухъ особахъ отъ сѣа десяти до сѣа двадцати лѣтъ, о двадцати девяти — отъ сѣа двадцати до сѣа тридцати лѣтъ, о пашнадцати, достигшихъ отъ сѣа тридцати до сѣа сорока лѣтъ. Далѣе сѣхъ предѣловъ глубокой старости, примѣры долгой жизни встрѣчаются гораздо рѣже, и менѣе могутъ быть засвидѣтельствованы (**): однако же мы предложимъ самый до-

(*) Изъ книги: *De la puissance vitale etc. Paris.* 1823.

(**) Долговѣчность Пашріарховъ и другихъ мужей, засвидѣтельствованная Священнымъ Писаніемъ, вѣсьмъ извѣстна. Сочинитель предсавляетъ примѣры необыкновенно долгой жизни болѣе изъ свѣтской, и ближайшей къ нашимъ временамъ Исторіи, пользуясь Древнею жюлько ошчасши.

сповѣрный списокъ важнѣйшихъ примѣровъ высокой долговѣчности, которъй удалось намъ сослѣдовать многочисленными изысканіями, ссылаясь или на Авторовъ, писавшихъ о такихъ людяхъ, или на время жизни сихъ послѣднихъ.

Маргарита Форстеръ, сѣмъ тридцати шестью лѣтъ, изъ Кумберландскаго Графства, умерла въ 1771 году.

Маргарита Пашпенъ умерла сѣмъ тридцати осьми лѣтъ, въ Локнейгъ (Lockneugh), Англійскомъ городѣ (1).

Джемсъ Лоренсъ (Laurence) умеръ сѣмъ сорока лѣтъ, въ Шотландіи (2).

Графиня Десмондъ (Desmond) умерла сѣмъ сорока лѣтъ, въ Ирландіи (3).

Джемсъ Сендсъ (Sands) сѣмъ сорока лѣтъ отъ роду, въ Шаффордширѣ (4).

А. Голдсмитъ умеръ сѣмъ сорока лѣтъ во Франціи, Іюня мѣсяца 1776 года.

Симонъ Сакъ (Sack) сѣмъ сорока одного года въ Тріоніи, умеръ 30 Мая 1764.

(1) Lynche, *Guide to health*.

(2) Derham, *Physico-theol.*, p. 137. Buchanan, *History of Scotland*, приводитъ также, по Слѣбальду, одного М. Лоренца сѣмъ сорока лѣтъ, жившаго на островахъ Оркадскихъ.

(3) Raleigh, *Histor.* p. 166.

(4) Fuller, *Worthies*, etc. p. 47.

Графиня Эклешонъ сша сорока трехъ лѣтъ, въ Ирландіи, умерла 1691 года (5).

Джонъ Эффингамъ сша сорока чешырехъ лѣтъ, умеръ 1757 года въ Корнваллійскомъ Графствѣ.

Эвень (Evan) Вилльямсъ сша сорока пяти лѣтъ, въ Кермаршенѣ (6).

Христ. I. Дракенбергъ сша сорока шести лѣтъ, въ Норвегіи; умеръ 24 Іюня 1770 (7).

Полковникъ Томасъ Винслоу (Winslou), умеръ сша сорока шести лѣтъ, въ Ирландіи, 26 Августа 1766.

Франсисъ Консистъ (Francis Consist) умеръ въ Январь 1768, въ Іоркширѣ, сша пятидесяти лѣтъ.

Томасъ Парръ (Parre) сша пятидесяти двухъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, родившійся въ Шропширѣ, умеръ 14 Ноября 1635, и былъ анапомированъ знаменитымъ Вильг. Гарвемъ, шѣмъ самымъ, который открылъ кругообращеніе крови (8). Чилдрей (Childrey (9)

(5) Ibid. p. 140.

(6) Его смерть была возвъщена, 12 Окнября 1782, въ *General gazetteer*.

(7) *Annual register*.

(8) *Philos. Trans.*, No 44.

говоришь, что Парръ пишался главнѣйше молочнымъ, а мяса употреблялъ весьма мало.

Джемсъ Бовельсъ (Bowels) спа пятидесяти двухъ лѣтъ; родился въ Киллингворствѣ, умеръ 15 Юня 1656.

Иосифъ Суррингшонъ спа шестидесяти лѣтъ, умеръ въ Норвегii, близъ Бергена, въ 1797 (10), оставивъ старшаго сына спа прехъ лѣтъ и другаго девяти лѣтъ.

Генри Дженкинсъ спа шестидесяти девяти лѣтъ, въ Йоркширѣ, умеръ 8 Декабря 1670 (11).

Наконецъ Негришяка Луиза Труксо, изъ Тукамана въ Южной Америкѣ, умерла, говоряшь, спа семидесяти пяти лѣтъ (12). Это одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ долгой жизни женщинъ, если только онъ не вымышленъ, особливо въ жаркомъ климатѣ, гдѣ организація рано созрѣваетъ.

(9) *Reb. Anglic.* lib. pag. 205.

(10) Hufeland, *Art de prolonger la vie*, p. 78.

(11) *Philos. Trans.*, No 221. Робинсонъ приписываетъ ему даже сто семдесятъ лѣтъ; но Гилль, *ibid.* No 228, соглашается только во спѣ пятидесяти семи лѣтахъ.

(12) *London Chronicle* 5 Октябра 1780.

Еще именуяють Шведскихъ крещьянъ, достигшихъ сна пятидесяти шести или сна пятидесяти семи лѣтъ; но ихъ исторія не споль достовѣрна, какъ предъидущихъ. Также мы не примемъ и жишелей Баннаша Темешварскаго, имѣвшихъ сно семьдесятъ два, сно семдесятъ пять, сно восемьдесятъ чепыре, и даже сно девяносто лѣтъ, по словамъ Ганова (Hанow), Данцигскаго Профессора, ни шого спарика сна осьмидесяти лѣтъ, о которомъ упоминаешъ Маршинъ (13), ни сна осьмидесяти пяти лѣтъ Пешра Чартана (Czartan), ни пакого же возраста, приписываемаго Шейномъ (Cheyne) Епископу Кеншигерну. Еще щедрѣ раздавали по полупора вѣка многимъ Карабамъ Аншилскихъ острововъ (14). Пигафеша, въ своемъ путешествіи вокругъ Свѣша, нашель спариковъ сна сорока лѣтъ въ Бразиліи, гдѣ впрочемъ жизнь кажешя весьма долгою (15). Наконецъ путешественники пожаловали до шрехъ сошъ лѣтъ существованія Индѣйцамъ. Гуфеландъ весьма увѣренъ, что человѣческая жизнь можешъ просшираться до двухъ вѣковъ.

(13) *Trans. Philosoph.* No 233.

(14) Rochefort, *Hist. des iles Ant.* p. 558.

(15) Piso, *Medic. Brasil.* l. 1, pag. 6.

Посоветуемъ лучше съ лѣтописаніями нашихъ новѣйшихъ временъ, гдѣ можно почтѣе и легче повѣрять числа рожденій. Въ 1751 году, умерло въ Лондонѣ 21,028 человекъ, въ числѣ копорыхъ находилось пятьдесятъ восемь девяностолѣтнихъ, тринадцать столѣтнихъ и одинъ ста девяти лѣтъ; изъ сего выходитъ одинъ столѣтній на тысячу шестьсотъ семнадцать человекъ. Въ 1762 году, изъ 26,326 умершихъ въ Лондонѣ, замѣтили восемьдесятъ пять девяностолѣтнихъ, и только двухъ столѣтнихъ. Изъ сего видно, что это число весьма непостоянно; однако же оно, кажется, бываетъ значительнѣе во всякое время въ странахъ сѣверныхъ, нежели приближающихся къ югу.

До осьмидесяти или девяностолѣтняго возраста достигаешь гораздо болѣе женщинъ, нежели мужчинъ; и однако же самая большая долговѣчность предоставлена, кажется, симъ послѣднимъ. Со всѣмъ тѣмъ встрѣчаюся и женщины столѣтнія: такова женщина изъ Фаенцы, упоминаемая Плиніемъ, имѣвшая сто тридцать два года, и другая ста тридцати семи лѣтъ изъ Римини; таковы были: Юнія, жена Кассія и сестра Марка Брута; Дивія, жена Августа; Теренція, супруга Ци-

цера; Клодія, Луція, Галерія, и пр. у древнихъ Римлянъ (16).

Въ наши новѣйшія времена, приводяшь Элеонору Спидеръ (Spicer), умершую 1775 года въ Виргиніи, ста двадцати одного года; Маргариту Боньфо (Bonnefaut) ста четырнадцати лѣтъ во Франціи; Розину Ивиаровскую (Iwiwarowska) ста тридцати; Марію Кокю ста двѣнадцати, и множество другихъ.

Большая часть сихъ людей, достигшихъ столь поздняго возраста, вели жизнь дѣлательную. Такъ, Норвежець Дракенбергъ былъ путешественникомъ, солдатомъ и невольникомъ въ Варваріи. Гагскій помѣщикъ (le Sieur de la Haye), умершій ста двадцати лѣтъ, прошелъ пѣшкомъ Индію, Китай, Персію и Египеть; онъ сдѣлался совершенно возмужалымъ (pubère), говоряшь, не прежде пятидесяти лѣтъ, и женившись семидесяти, имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Жанъ Бейлесъ (Jean Beules), умершій ста тридцати лѣтъ, былъ небогатый пуговичный шоргашъ. Генри Дженкинсъ, прожившій шестью годами меньше Авраама, былъ бѣдный рыбакъ, и, бывши уже ста лѣтъ, переплывалъ еще черезъ рѣ-

(16) Henr. Meibomius, *de Longaevis*, Helmstadt, 1664, in. 4.

ки. Одинъ разъ призвали его для свидѣтель-
ства по дѣлу, кошорому прошло сно со-
рокъ лѣтъ; онъ явился съ двумя своими сы-
новьями, изъ кошорыхъ одному было сно
два, а другому сно лѣтъ. Еще видна въ Бол-
тонской церкви, близъ Ричмонда, въ Йорк-
ширѣ, его эпитафія, сдѣланная въ 1670 году,
времени его смерти.

Многіе споушніе были даже распущны
въ своей молодости. Одинъ Швейцарецъ, ста
десяти лѣтъ, упоминаемый Шейхцеромъ,
былъ солдакъ, весьма предававшійся женщи-
намъ, также какъ и извѣстный Томасъ
Парръ. Г. Лонжвилъ женился десять разъ въ
теченіе своей жизни, продолжавшейся цѣлый
вѣкъ. Другой споушній упивался довольно
часто водкою; прешій надѣялся ошъ шо-
го прожитъ споль долго, что въ всегда
прежде нежели чувствоваль голодъ, а пилъ
прежде жажды. Наконецъ большая часть
изъ нихъ были или солдакы, или пахари, или
другаго какого, весьма суроваго ремесла, со-
дѣлывавшаго ихъ швердыми. Таковы же
именно горцы, какъ мы шо увидимъ; ибо на-
ходящаяся даже нѣкоторыя безпорядки жизни,
кои крѣпкое здоровье приспособляющъ къ
сопротивленію жизненному расспройству (*).

(*) Но сіи, впрочемъ не многіе, примѣры долгой
жизни такихъ людей должно приписать крѣпкому

У Римлянъ, К. Метеллъ, бывшій многократно Консуломъ, Порцій Катонъ, или Цензоръ, человекъ твердый и строгій, Аппій Цекусъ (Caecus), столь же суроваго характера, М. Перпенна, Валерій Корвинъ и нѣкошорые другіе — всѣ провели свою жизнь въ безпрестанномъ занятіи Государственными дѣлами, въ Республикѣ самой безчинной, самой воинственной, достигая однако весьма преклонныхъ лѣтъ, и умерли, бывши слишкомъ девяносто лѣтъ. Такимъ образомъ все, что усиливаетъ и скрѣпляетъ, подобно упражненію и мужеству, служитъ къ долговѣчности.

Еще замѣчено, что глупые, слабоумные, или, по крайней мѣрѣ, живущіе безъ заботъ и конкъ характеръ непричастенъ никакому безпокойству, проживали долѣе другихъ людей; отъ того происходитъ, что вообще люди веселые, каковы сангвиники, бывають живучѣе. Даже люди знаменитые, по своему уму или познаніямъ, одолжены долгою жизнію сему опсуществу печалей, и всегда веселымъ привычкамъ. Вильгельмъ Пюстель,

сложенію ихъ шѣла. Безпорядочная и распушная жизнь собираетъ болѣе или менѣе, но всегда собираетъ въкъ человѣческой: ибо во всякомъ случаѣ разслабляетъ силы телесныя и умственныя.

человѣкъ весьма ученый, но коего умъ былъ нѣсколько поврежденъ, прожилъ болѣе вѣка. Шупливый Фоншенель, Дюверней, ученый Анашомиспъ; знаменитый Президентъ Лондонскаго Королевскаго Общества, Гансъ Слоунъ (Sloane), Швейцарскіе врачи Плащеры отецъ и сынъ, Меранъ, Президентъ Генно (Hénault), Понъ-де-Вейль (Pont-de-Veyle), Испанецъ Моралесъ, Сципionъ Маффеи, дѣвица Скюдери, Кребильонъ, Анашомиспъ Тенонъ, и проч., прожили по девяности десятокъ лѣтъ. Они имѣли характеръ довольно веселый, или по крайней мѣрѣ, всегда ровный, влекущій къ наслажденіямъ тихимъ и пріятнымъ.

Изъ сего слѣдуешь, что философская жизнь часто увеличиваетъ продолженіе существованія, и что послѣднее не несовмѣстно съ умственными занятіями, когда только они не чрезмѣрны. Такъ Нума, Солонъ, Софокль, Пиндаръ, Анакреонъ, Ксенофонъ, Филолай имѣли по осмидесяти лѣтъ. Платонъ умеръ осмидесяти одного года; Протагоръ Абдерскій, Диогенъ Циникъ, девяносто лѣтъ; Зенонъ изъ Ципіума, Исократъ девяносто осми; Грамматики Орбилій, жившій въ Цицероново время, умеръ ста лѣтъ; Гипократъ — ста чешырехъ; Ксенофанъ — ста двухъ; Демокриъ — ста

девяти, и Горгіасъ — ста осьми лѣтъ; Эпименидъ, — ста пятидесяти семи, если въришь въ томъ Исторіи, которая говоритъ также, что эпоштъ Философъ спалъ пятьдесять семь лѣтъ въ одной пещерѣ, (по естѣ, удалился отъ свѣта). Моисей, свяшый мужъ, исполненный Божественной премудрости, жилъ сто двадцать лѣтъ. Всѣ они были люди возвышеннаго ума или твердаго характера. Также, Ксенофилъ, Философъ Пнеагоровой секты, достигъ ста лѣтъ; Демонаксъ — девяноста девяти. Браминь, ведущіе философскую жизнь въ Индіи, часто достигали до полушора вѣка, по свидѣтельству Древнихъ.

Подобно и у Арабовъ упоминають о долгой жизни, даже между врачами: такъ Абубешеръ Разесъ (Rhazès) умеръ, въ 1085 году, ста двадцати лѣтъ, а, по свидѣтельству Аверроя, врачъ Авензоаръ жилъ сто тридцать лѣтъ (17). Галиену приписывали сто сорокъ лѣтъ жизни; но Отець Лаббъ (Labbe) показалъ, въ своей Хронологіи, что онъ не перешелъ семидесяти-лѣтняго возраста. Между новѣйшими учеными счита-

(17) Claude Deodatus, *Pantheon hygiasticum*, l. pag. 56.

юсть довольное число осмидесятильшнихъ ? Андрей Цезальпинъ и Карль Клузій , Ботаники , умерли осмидесяти чепырехъ лѣтъ ; Фабрицій изъ Аквапенденше — осмидесяти двухъ ; Влаг. Гарвей , его ученикъ , осмидесятии ; Лудовикъ Юнгерманъ — осмидесяти одного ; Андрей Дюлоранъ (Dulaurent) — осмидесяти семи ; Франц. Ганссонъ , Гонтиерь Андернакъ (Gonthier d'Andernach) и проч. , равноврно осмидесятильшние (18).

Между знаменитѣйшими изъ новыхъ , надобно считати Ньютона и разныхъ Астрономовъ , также Вюффона , Вольсера , Аббата Мореле и многихъ другихъ . Однако надобно признаться , что многіе люди съ гениемъ , особливо , въ конхъ умъ развернулся рано , показали преждевременную старость , или даже скончались во цвѣтъ своихъ лѣтъ , какъ Паскаль — тридцати девяти , Барашъ , Декартъ , Моншанъ , Моншескье и проч .

Также боольшая часть преждеупомянутыхъ (выключая Философовъ) столѣтнихъ были ума простаго и обыкновеннаго , мужики , солдаты , ремесленники , никогда неоплчавшіеся отъ просполюдиновъ . Почти всѣ вели жизнь трудную , суровую , подвергались непогодамъ , имѣли пищу грубую , часто

(18) Bajer, de Longovitate medicor. Altorf, 1706.

самую умѣренную, или лучше, сносили бѣдность и нужду. Ошь подобныхъ же причинъ происходишь, что Кеновицы, монастырей горы Синая, или Оливады, доживаютъ часто до ста и до ста двадцати лѣтъ; что Арабскіе Шеики, въ своѣхъ голыхъ снѣгахъ, достигаютъ крайней старости, сохраняя еще признакъ благородной красоты и силы. Свящій Іоаннъ Богословъ, Свящій Іеронимъ, Свящій Лука, достигшіе споль преклоннаго возраста, безъ сомнѣнія, продлили его своѣмъ пощениемъ, беспрестаннымъ изнуреніемъ шлы и своѣми уединенными размышленіями, удалявшими ихъ ошь заботъ земныхъ. Таковъ же былъ Свящій Антоній, Свящій Павелъ, пустынники, умершіе слишкомъ спольшними, какъ и многіе другіе благочестивые ошельники, кои жили, почти какъ дикіе, въ своѣхъ невѣроятныхъ воздержаніяхъ, среди самыхъ бесплодныхъ пустынь: такъ, Свящій Поликарпъ, былъ мученъ слишкомъ ста лѣтъ, а Симеонъ Клеопа, Епископъ Іерусалимскій, ста двадцати лѣтъ. Секша Ессеевъ, Іудейскихъ Философовъ, коихъ родъ жизни много подходилъ къ Пифагорейскому, производилъ много спольшнихъ. Картезіанцы, Капуцины, монахи, питающіеся обыкновенно рыбою, ведущіе родъ жизни весьма правильный, весьма прстой, весьма однообразный, живутъ

столь долго, что достигаютъ до познѣйшаго возраста предъ всеми прочими. Одинъ человекъ, который пишался только молокомъ, достигъ такимъ образомъ до ста двадцати лѣтъ: сверхъ того присоединимъ примѣръ Карнаро, коего непрерывная діета и щипательныя спаранія защищаютъ себя отъ всякаго безпокойства, свидѣтельствуя, что и нѣжныя люди могутъ, симъ средствомъ, прожить долго. На концѣ своей жизни, онъ дѣлалъ при спола (спраезы) изъ одного яичнаго желтка; такъ онъ берегъ свои лицеварительныя способности. Также Шейнъ (19) предлагаетъ въ пищу, свойственную преклоннымъ спарикамъ, кушанья жидкія и удобоваримыя. Известно, что даже запахи пинашельные могутъ поддерживать нѣсколько времени; такъ Демокристъ жидъ три дня паромъ горячихъ хлѣбовъ.

Ланчизи (Lancisi) увѣряетъ, что прещъ Кардиналовъ доживаетъ слишкомъ до осмидесяти лѣтъ; и въ наше время мы видѣли пережившихъ еще сіи годы Кардиналовъ, Салиса (Salis), Беллуа (Belloy) и многихъ другихъ знашныхъ духовныхъ особъ: вно отъ того, что правильное и умѣренное су-

(19) *De Infirmorum sanitatē tuendā*, с. VII, р. 226, ci-devant. р. 42.

щесствованіе, въ званіи, обезпеченномъ или изъ-
 яшомъ ошъ попеченій о богатствѣ, и особливо
 въ ошъ мирный и набожный духъ, который,
 шакъ сказашъ, почиваешъ въ нѣдрѣ Провидѣ-
 нія, служишъ къ продолженію жизни. Но тѣ,
 напрошивъ, коишъ мучишъ честолюбіе, или
 коишъ безпрестанно занимають заботы,
 живушъ менѣе. Вошъ еще причины, сокра-
 щающія вѣкъ человѣческой: лишніа удоволь-
 ствіа соблазняють съ юности, лишніе стра-
 хи и огорченія превожашъ въ старости,
 воспламеняють въ зрѣломъ возрастѣ; и шакъ
 люди, предающіеся онымъ, сущесствують съ
 лишнимъ усиліемъ, нежели сколько нужно она-
 го для бѣльшаго продолженія ихъ жизни. Изъ
 новѣйшихъ, Лудовикъ XIV прожилъ долго,
 Монгольскій Императоръ Низамъ-эль-Му-
 люкъ (Nizam-el-Muluk) достигъ до ста чешы-
 рехъ лѣтъ; Оренгъ-Зебъ и нѣкошорые дру-
 гіе Индійскіе Государи равномѣрно долго жи-
 ли, какъ прежде Аршаксерксъ, Масинисса, и
 проч. Но престолы, въ Азіи, сущъ ложи по-
 коя; шогда, какъ Визири одни занимающся
 бременемъ Государства, Султаны ни о чемъ
 не радѣють.

*L'imbécile Ibrahim, sans craindre sa naissance,
 Traîne au fond du sérail une éternelle enfance.*

Впрочемъ, небольшихъ владѣній, въ кото-
 рыхъ Цари бывають шолько попечительными

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

I.

Настоящее положение Англии.

Ирландия, получаемая из мануфактурных округов, согласуясь в том, что хотя тамошние работники спокойны, но, благодаря неурожаю, не имѣютъ занятій, чѣмъ число правдоуспавшихъ ежедневно умножается, и имѣетъ еще въ виду надежды, чинобы они вскорѣ заняты прѣжня мѣста свои за шкандными шанками. Подписки для вспомоществованія имъ продолжаются; учрежденный для того въ Лондонѣ Комитетъ обнаруговалъ, что имъ уже собрано около 90,000 ф. ст., и ежедневно отправляетъ, по требованію Начальствъ, столько денегъ, сколько возможно. Сими добродольными взносами и вспомоществованіемъ, почерпаемымъ изъ испощенной почки кассы для бѣдныхъ, сіи несчастныя только что спасены отъ голодной смерти. Никто не можетъ предсказать, сколько времени будешь и можешь продолжашься такое положеніе; однако же всякъ долженъ согласиться, что оно весьма бѣдственно, и имѣетъ опасеніе, что Парла-

мейшскіе выборы должны осенью прекра-
 питься, и тогда богатые дары, копорые, по
 усшановленному обычаю, избираемые Кан-
 дидашы обязаны раздавать въ обществен-
 ную пользу, не будущь оживлять внутренней
 торговли, а съ оною и фабрикъ. Невозможно
 описать бѣдшвеннаго состояніа сихъ по-
 селеній; бѣзъ крайней нужды ничего не по-
 купаютъ. Ремесленники и мелочные торгов-
 цы, даже въ богатѣйшихъ частяхъ города,
 единогласно увѣряютъ, что хошя много
 знашныхъ проживаютъ въ Лондонѣ, но они
 въ день не могутъ выручить столько шил-
 линговъ, сколько прежде получали фунговъ
 шерлинговъ въ сіе время года. Опшовой
 торгъ находится, если возможно, еще въ худ-
 шемъ состояніи; почти никто не прѣбуетъ
 шоваровъ; у замшочныхъ недосшаетъ смѣ-
 лости; у прочихъ кредиту дал спекуляцій.
 Министровъ упрекаютъ въ шомъ, что они
 предложили два билія о хавбѣ, между шимъ,
 какъ они прежде объявили, что не коснутся
 законовъ о семъ предметѣ; они въ извиненіе
 свое говорятъ, что въ шо время, когда они
 подали сіи шроекшы, Англія не находилась
 еще въ шакоемъ сошннтельномъ положеніи;
 но они ошибаются: она тогда была въ шомъ
 же положеніи, однако помѣшники признались
 въ шомъ, не прежде какъ нужда уже причи-

ища безпорядка. И потому Лорд Ливерпуль был правъ, когда онъ увѣрялъ ихъ, что соблавленныя ихъ выгоды пребудутъ того, чтобы они сколько нибудь ошопунились отъ монополіи своей. (Справно, что досель не обращали большаго вниманія на другую существенную причину нынѣшняго бѣдствія Англіи, а именно на то, что много полубогатыхъ Англичанъ, особенно шахихъ, коихъ имѣніе лежишь въ Англійскихъ банкахъ, пребываютъ внѣ Англіи, и шахъ проживающъ деньги свои; такъ, въ одномъ Парижѣ находилось до 12,000 Англичанъ; вотъ печальное сѣдствіе національнаго долга и дороговизны въ Англіи!) — Нѣкто Валькеръ въ семь году выдалъ сочиненіе о господствующей крайности; онъ старается вывести причину оной не изъ изкажія посредствомъ машинъ и не изъ дороговизны цѣны хлѣба, но изъ всеобщей беззаботливости, съ каковою Англійскій народъ, не думая о будущемъ, ежедневно проживающъ всѣ вырученныя имъ деньги. — Опущенъ Г. Дюбоа въ путешествіи, предпринятомъ имъ для обзорнія состоянія хлѣбнаго хозяйства на твердой землѣ, еснѣ документъ, заслужившій наибольшее вниманіе. Онъ путешествовалъ по предписанію Министровъ, которыхъ

желаютъ перемѣны въ законѣ о хлѣбѣ; повсему-
но и окичеть его написанъ такимъ образомъ,
чтобы могъ послужить къ досниженію ихъ
цѣли. Въ немъ позволеніе продаванъ хлѣба,
лежацій подъ печашію шаможень, прини-
мается за средешво, которое не можеть
имѣть важныхъ послѣдствій.

Однако же, еколь ни велики всеобщая
нужда и крайность въ сію минушу, онъ въ
самой столицѣ, за исключеніемъ Спитель-
соиьда (мѣстопребыванія шекловыхъ тка-
чей), оказывающъ весьма небольшое вліяніе
на успѣхи по части Наукъ и Художества и
на увеселенія жителей. Повсюду учрежда-
ются новыя, весьма большія Общества; для
споспѣшествованія Наукамъ, наипаче Есте-
ственной Исторіи и Художествамъ. Извѣст-
ный Сиръ Шамбердъ Рафелсъ, ошоль дол-
го обшавшій на островахъ Суматра и въ
прибрежныхъ странахъ Остръ-Индіи, принявъ
на себя званіе Предсѣдателя одного Зоологи-
ческаго Общества (каль, что собственное
его драгоценное собраніе, по части Есте-
ственной Исторіи, содѣлалось жертвою пла-
мени на корабль, на которомъ оно от-
правлено было въ Европу). Цѣль сего Обще-
ства, коего дѣйствія начнутся съ 1 Января
1849 года, есть заведеніе достопримѣчатель-
ныхъ иноземныхъ звѣрей, наблюденіе надъ

коими можешь доставить пользу и удоволь-
 ствіе, и содержаніе оныхъ въ проспранномъ,
 опивденномъ для того ошъ Правительствѣ
 заѣрицѣ въ Регеншъ-Паркъ, такъ, чнобы
 они, какъ въ Парижскомъ Бошаническомъ са-
 ду, могли имѣть совершенно свободное дви-
 женіе и бытъ наблюдаемы. Подписавшійся
 на ежегодный вносъ 25 фуншовъ, имѣешь
 голосъ; кто же обажешся вносить ежегодно
 2 гинея и при вступленіи заплашишь еще
 5 фуншовъ, шопъ принимаемая въ число
 членовъ; вшо Обществу имѣеть уже 300
 подписчиковъ. — Лондонъ, по всѣмъ напра-
 вленіямъ, распроспраняется и украшается,
 какъ въ собшвенно такъ называемомъ горо-
 дѣ (City), такъ и въ южномъ предѣвшѣмъ
 (South-Wark) на высшемъ берегу Темзы, гдѣ
 образуется почти отдѣльный городъ. Рев-
 носшно продолжаютъ проводить дорогу подъ
 Темзою, подъ руководствомъ Брюнеля; она
 предспавляется веркъ шоржества паровыхъ
 машинъ съ усиленнымъ давленіемъ, и замазки,
 непронускающей воду, называемой *Римскимъ*
цементомъ; вездѣ продаются большія и ма-
 лья модели оной изъ папки и дерева. Веркъ
 некуства въ новѣйшей Механикѣ естъ по-
 груженіе въ землю башни, имѣющей въ вы-
 шину 90 фушовъ, коншорая подвигается впе-
 редъ подъ рѣкою, и подъ прикрышіемъ коей

рабочники врывались глубже въ землю и поднимающъ сѣтвы. Когда опустили ее на 40 футовъ въ землю, тогда на каждомъ почини шагу должны были бороться съ величайшими препятствіями. — Въ городѣ (City) вводящъ новую большую улицу, между Маргешомъ и Банкомъ, которая сблизитъ прекрасную Финбургскую площадь съ среднею старой части города. Такимъ же образомъ Линкольнъ-малдъсъ и Гольборнъ соединяюща съ главною Страндскою улицею по-средствомъ прохода, открытаго банъ Темпльсбора. Заменитѣйшій изъ нѣмѣцкихъ топографовъ и антикваріевъ, Брицшонъ, недавно издалъ описаніе всѣхъ сихъ переулковъ (Original picture of London enlarged and improved 1846, 12). Безосновочное продолженіе построенія чугунныхъ пушекъ по всѣмъ частямъ Государства, какъ напр. въ Сомерсетширѣ и въ сообщеніи между Гайбриджемъ и Гласгоубюри, такъ какъ и изобрѣтеніе употребляемыхъ нынѣ паровыхъ котловъ и машинъ, способствующихъ расходу необъятнаго количества чугуна. Въ Гласгоувъ, за 40 лѣтъ, была одна только чугунная плавильня; нынѣ ихъ тамъ 23, и ежедневно плавится тамъ 30 тоннъ желѣзной руды для пригошовленія чугуна; отъ того-то въ Вадвергамптонъ, что въ Вар-

викширъ, главнымъ мѣсящъ складки жезтной руды, цѣна оной поднялась на шиллингами на шоннъ. Расходъ каменнаго угля также чрезвычайно увеличивается: по сдѣланному исчисленію, изъ Англійскихъ каменноугольныхъ ломокъ ежегодно добывается и употребляется въ дѣло 75 милліоновъ центнеровъ; изъ Французскихъ же только 9 милліоновъ. Безпрерывно занимаютъ изслѣдованіемъ малозвѣстной части нашего Земнаго шара; по послѣднему письму Маіора Леенга, онъ 12 Октября 1825 года изъ Гадамса, онъ отправился изъ Тринола съ караваномъ въ Томбукту чрезъ большую степь; надѣялся достигнуть сего дивнаго города къ 20 Декабря, и пономъ намѣревался спуститься внизъ по Нигеру, кошорій, какъ нынѣ полагаютъ, изливается въ Бенгискій заливъ, гдѣ ожидается его Англійскій корабль Брезенъ, гонимый опплатить съ нимъ обратню.

Лондонскіе корабельные хозяева не пресытаются оказывать своего неудовольствія на торговую свободу, дарованную иностранцамъ, и недавно имѣли два важныя собранія, въ коихъ старались доказать вредъ, уже причиненный Англійскому судоходству, особенно на Сѣверѣ. Г. Барнигъ объявилъ, что онъ былъ въ Гуалѣ, и тамъ замѣтилъ, какъ корабль изъ сѣверныхъ странъ, выгрузилъ

шоварь свой, немедленно возвращающагося съ наличными деньгами; не принимая въ замѣну другихъ шоваровъ, такъ, что Лондонскіе Банки должны непрерывно посылать деньги въ Гуалль; онъ предлагалъ постановить, чтобы, до тѣхъ поръ, пока Англія будетъ обременена столь тяжкими налогами и пребудетъ въ такомъ искусственномъ положеніи, каппшалаы и промышленность не могли бытъ употребляемы безъ охранительныхъ подашей для выгодъ земледѣшества, торговли и мореплаванія.

Вся Англія въ нынѣшнее крипическое время, устремила вниманіе свое на окончаніе Парламентскихъ выборовъ. Условія права выбора различны. Почти въ каждомъ Графствѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, они имѣютъ исключительную опшью. Чтобы бытъ избираемъ въ Графствѣ, должно имѣть недвижимость, приносящую въ годъ, по меньшей мѣрѣ 40 шиллинговъ чистаго доходу. Вышеозначенныя измѣненія оказываются наибаче въ мѣстечкахъ. Въ однихъ право выбора зависитъ, какъ въ Графствахъ, отъ владѣнія недвижимостію, приносящею 40 шиллинговъ, въ другихъ право сіе принадлежитъ откупщикамъ, въ иныхъ цѣлымъ сословіемъ, котораго пользуются онымъ или всѣ лично, или посредствомъ депутатовъ. Во многихъ го-

родахъ, наприм. въ Преспонѣ, должно предъ-
явить свидѣтельство въ уплатѣ поземель-
ной подати и налога въ пользу бѣдныхъ,
въ другихъ должно быть домовымъ хозяи-
номъ, но если единственнѣмъ *владѣте-
лемъ* *домовой* *двери*. Въ мѣстечкѣ Кри-
кледѣ избирають только шѣхъ, которые
пріобрѣли бывшія помѣщичьи владѣнія.

Чтобы быть выбраннымъ въ Парламен-
тъ въ Делушанъ Графшва, кандидатъ дол-
женъ предъявить недвижимосшь, приносящую
въ годъ 600 ф. ст.; Депушанъ мѣстечка
долженъ предъявить доходу 300 ф. ст.

Не могутъ быть избраны въ Парла-
ментъ: 12 главныхъ Судей, Шерифы въ упра-
вляемыхъ ими Графшвахъ, собиратели об-
щественныхъ доходовъ, всѣ шѣ, которые зани-
мають мѣста, учрежденныя Правительствомъ
съ 1705 года, Государственные пенсіонеры и
дѣкопторы Государственные чиновники, на-
конецъ въ Англіи, но не въ Ирландіи, испо-
вѣдующіе Римско-Католическую вѣру.

Открытіе выборовъ зависить отъ воли
Шерифа. По полученіи офиціального объявле-
нія о распущеніи Парламента, и о созваніи
новаго, они обязаны открыть выборы не
ранѣе 10 и не позже 16 дней; а въ горо-
дахъ и мѣстечкахъ, не ранѣе 3 и не позже 8
дней.

Выборы производятся или посредствомъ вызова, или посредствомъ списка голосовъ (Poll, scrutinium). Таковой Poll бываетъ открытъ 15 дней для приѣма голосовъ. Избиратель подаеъ свой голосъ въ слухъ, и вписываетъ имя свое въ реестръ. Хранители сего списка содержатся на счетъ избираемыхъ кандидатовъ.

Противу подкуповъ и лихоимства существуютъ строгіе законы. Одинъ такимъ образомъ пріобрѣтенный голосъ, уничтожаетъ выборъ и лишаетъ кандидата права быть впредь избираемымъ, а избирателя, права выбора. Каждый подарокъ, каждое обѣщаніе за подачіе голоса принимается за подкупленіе, и налагаеъ сверхъ того, на подкупленнаго 500 ф. сн., на подкупленнаго 500 ф. сн. пени. — Также строго запрещается снабжать избирателей пищею и пиціемъ. — Наконецъ регулярныя войска должны быть удалены за день до открытія списка и возвращены не прежде, какъ по закрытіи онаго.

M.

О ПОСТЕПЕННОМЪ СОСТАВЛЕНІИ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ АНГЛІЙСКАГО ПАРЛАМЕНТА.

Первое учрежденіе Парламента перешло во временахъ царствованія Англо-Саксонскихъ Королей; но въ началъ владычества Нормандскихъ Королей, перенесенная на себѣ островъ Вильгельмомъ Завоевателемъ латинская система измѣнила видъ онаго, особливо въ томъ, что съ сихъ поръ собирались къ Двору, по шрѣхъ раза въ годъ, одни только непосредственные Вассалы Королевства. Въ царствованіе Генриха III, образовалось нѣсколько пространнѣе народное собраніе въ составленіи къ первоначальнымъ Членамъ онаго двухъ Депутированныхъ отъ Рыцарства, изъ каждаго Графства, и двухъ же Депутированныхъ отъ каждаго Королевскаго города или мѣстечка (Cities and boroughs). Города сіи собирались по мѣстѣ, по потребности. Раздѣленіе обѣихъ Палатъ утвердилось только въ царствованіе Эдуарда III (1327 - 1377).

Имя Парламента состоитъ изъ трехъ частей, изъ Короля, Верхней и Нижней Палаты; каждая изъ нихъ мѣшаетъ по голосу, и къ изданію закона потребно согласіе всѣхъ

трехъ голосовъ. Король сзываетъ и открываетъ Парламентъ, а потомъ распускаетъ оный, на неопредѣленное время, или совершенно. Король обязанъ распустить оный чрезъ каждыя семь лѣтъ, и не можетъ откладывать собранія онаго долѣе 3 лѣтъ. По смерти Короля, Парламентъ чрезъ 6 мѣсяцевъ расхѣдится самъ собою: Каждый Членъ имѣетъ право предложить законъ; билль (письменное предложеніе закона) можетъ быть представленъ сперва той или другой Палатѣ. Билли, имѣющіе предметомъ Государственные налоги, утверждаются въ Нижней Палатѣ. Билль читается дважды въ два разные дни; потомъ разсматриваются оный въ Комитетѣ полного собранія, читаются оный въ третій разъ, и когда оны уже приняты обими Палатами, то еще долженъ быть одобренъ Королемъ, чтобы сдѣлаться Парламентскимъ актомъ или закономъ. Просьба къ Королю или Парламенту называется адресомъ. Каждый Членъ Парламента, за исключеніемъ 19 Католиковъ въ Верхней Палатѣ, которые пользуются правомъ засѣданія, не имѣя права подаванія голосовъ, имѣютъ свой голосъ, и при вступленіи въ Парламентъ, присягаютъ. Неприсутствующій не можетъ располагать своимъ голосомъ; одни Перы имѣютъ право подавать свой голосъ

посредствомъ повѣренныхъ. Всѣ Англійскіе и Ирландскіе Члены должны принадлежать къ Епископской, всѣ Шотландскіе къ Пресвитерской Церкви. Ни одинъ Членъ обихъ Палатъ не можешь быть взятъ подъ спражку во время засѣданія, безъ предварительнаго объявленія о томъ Парламенту.

Верхняя Палата, или Палата Лордовъ, состоитъ изъ собранія Перовъ (Peers) Государства; къ числу ихъ принадлежатъ: верховное Духовенство (2 Архіепископа и 24 Епископа изъ Англїи, и 4 Архіепископа и Епископа изъ Ирландїи, въ Шотландїи нѣшь Епископовъ) и знатнѣйшее Дворянство, т. е. всѣ Англійскіе Герцоги, Маркизы, Графы, Виконты и Бароны, главы семейства своего и достигшіе 21 года. Число ихъ (по той причинѣ, что Король имѣеть право жаловать въ Перы) не опредѣлено; такъ, напр. одинъ Георгій III произвелъ двоихъ въ Герцоги, 16 въ Маркизы, 47 въ Графы, 17 въ Виконты и 106 въ Бароны. — Сверхъ того сюда же причисляются всѣ Принцы Королевской крови, достигшіе законнаго возраста, и имѣющіе достоинство Пера, и 16 Шотландскихъ и 28 Ирландскихъ Перовъ, которые, при каждомъ возобновленіи Парламента, вновь избираются всѣми для сего предмета собираемыми Шотландскими и Ирландскими Лор-

дами. Въ 1821 году, было 385 Членовъ въ Верхней Палатѣ, хотя число свѣтскихъ Перовъ простирается до 600; ибо не всѣ Перы имѣють право засѣданія и голоса въ Парламентѣ: но изъ 89 Шотландскихъ только 16, а изъ 182 Ирландскихъ только 28. — Изъ числа семействъ Перовъ, 78 находились уже въ семь Королевствъ до Вильгельма Завоевателя, 78 прибыли съ нимъ въ Англію; другіе начало свое полагають въ 13 и 14 столѣтіи; многіе приобрѣли достоинство Перовъ посредствомъ браковъ, богатства и милостей; около 100 обязаны сими званіемъ заслугамъ своихъ праошцевъ.

Нѣкоторыя изъ Лордовъ чрезвычайно богаты: чистый годовоі доходъ Герцога Норшумберландскаго простирается въ 1814 году до 125,000 ф. ст.; десять Лордовъ получаютъ ежегодно отъ 67 до 115,000 ф. ст.; пятьдесятъ имѣли въ годъ доходу свыше 40,000 ф. ст.

Верхняя Палата имѣетъ исключительное право судить какъ всѣхъ Членовъ Парламента, такъ и всѣхъ обвиненныхъ Нижнею Палатою въ Государственныхъ преступленіяхъ. Въ Верхней Палатѣ предсѣдательствуетъ Лордъ великій Канцлеръ (Lord High Chancellor).

Нижняя Палата, или Палата гражданъ, состоитъ изъ Депутовъ Англійскаго гражданства, къ которому причисляется и низшее Дворянство. Сии Депутаты избираются опчаси помѣщиками, на каковый конецъ и Королевство раздѣлено на Ширь и Графства, опчаси нѣкоторыми Королевскими городами и мѣстечками (cities and boroughs), пачью поршовыми городами, и наконецъ, Оксфордскимъ и Кембриджскимъ Университетами.

Городское представительство образовалось случайными происшествіями. Первоначально всѣ мѣстечки, снабженныя Королевскими гражданскими правами (boroughs), такъ какъ и главные города въ провинціяхъ (мѣстопребыванія Епископовъ, cities), обязаны были посылать Депутовъ, ибо находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Короля. Однако же это казалось имъ болѣе тягостію, чѣмъ преимуществомъ, и по сей причинѣ они всячески старались отъ сего освободиться. По сей причинѣ многія изъ сихъ мѣстечекъ ушрашили свое право на голосъ, и съ трудомъ лишь могли вновь пріобрѣсти оное; новые же города никогда не могли получить сего права. Многія (около 150) изъ старыхъ Королевскихъ мѣстечекъ (boroughs) были совер-

менно уничтожены и опустошены (rotten boroughs) и право избирать Членовъ Парламента сохранилось или только въ нѣсколькихъ домахъ; (какъ наприм. въ развалинахъ Ольдъ-Сарумскаго замка, гдѣ право выбора приводится въ дѣйство семью помѣщиками, совершенно зависящими отъ Графа Каледона), или совершенно перешло въ руки опдѣльныхъ семействъ. Но даже и во многихъ большихъ городахъ, правомъ выбора пользуются только одни владѣльцы свободныхъ земель (freeholders), или даже только владѣльцы нѣкоторыхъ земель, зависящихъ отъ замковъ (burgage tenants), такъ, что число избираемыхъ шамъ чрезвычайно мало; наприм. въ Нлимушъ, изъ 60,000 жителей, только 230 избираемыхъ, въ Гарвичъ, изъ 17,000 жителей, только 32, въ Бристоль изъ 106,000 жителей, только 50, и т. д. И сіи немногіе избираемые находятся, болѣею частію, подъ вліяніемъ одного изъ значныхъ домовъ, такъ, что около 12 домовъ могутъ располагать болѣе нежели 100 мѣстами въ Парламентѣ. Напримѣръ того, величайшіе новые города, содержащіе въ себѣ отъ 40 до 110,000 жителей, (каковы Бирминггамъ, Шеффилдъ, Манчестеръ, Лидсъ, Галифаксъ) не имѣютъ ни одного представителя.

Число лицъ, имѣющихъ право подавать голосъ при выборѣ Членовъ Нижней Палаты, простирается въ Англіи до 112,875, въ Валлісѣ до 6,512, а въ Шотландіи только до 2,697. — Несоразмѣрность въ отношеніи между жителями и представителями также весьма велика: въ Корнуоллѣ 4,924, въ Ланкаширѣ 59,164, въ Мидльсексѣ 119,150 человекъ избираютъ по одному представителю. Число Членовъ всей Нижней Палаты простирается до 658, изъ коихъ 513 Англичанъ, 45 Шотландцевъ и 100 Ирландцевъ.

Англія изъ 40 Графствъ посылаетъ въ Нижнюю Палату 80 дворянъ (Knights); изъ 25 главныхъ городовъ (cities) 50 гражданъ, изъ 172 главныхъ мѣстечекъ (boroughs) 330 обывателей, изъ обоихъ Университетовъ 4 представителей, изъ пяти портовыхъ городовъ 16 Бароновъ, всего 489 человекъ. Княжество Валлійское, изъ 12 Графствъ, посылаетъ 12 дворянъ (Knights), изъ 12 мѣстечекъ 12 обывателей, всего 24 человека. — Шотландія посылаетъ въ сію Палату изъ 30 Графствъ 30 дворянъ (Knights), изъ 65 городовъ и мѣстечекъ 15 гражданъ и обывателей, всего 45 человекъ. — Ирландія посылаетъ изъ 32 Графствъ 64 дворянъ (Esqui-

тез), изъ 33 ивъсчекъ 33 обывателей, изъ города Дублина 2 гражданъ, изъ Дублинскаго Университета одного предсавишеля, всего 100 человекъ.

Хоши всѣ Члены обыкновенно снабжены бывающъ предписаніями отъ своихъ избира-
телей, но болъшею частію слѣдуютъ соб-
ственному своему убъденію. Одни Шони-
ландскіе и Ирландскіе Депутаты получающъ
отъ уполномочившихъ ихъ подневную плату;
другихъ жалованій никакъ не имѣетъ; однако
же всѣ пользуются важными личными преиму-
щесвами во все время засѣданія Парламен-
та и бесплатною пересылкою по почтѣ пи-
семъ по всему Королевству. По закрытіи
засѣданій, Члены Нижней Палаты возвра-
щаются къ согражданамъ своимъ, и могутъ
быть снова избраны. Въ Нижней Палатѣ
предсѣдательствуетъ Орапоръ, избираемый
изъ Членовъ. Особенные Комитеты занима-
ются соблюденіемъ преимуществъ сей Пала-
ты, спорными выборами, благодарствен-
нымъ адресомъ, народнымъ нуждами, торгов-
лею, вѣроисповѣданіемъ, налогами; сверхъ
того предметъ занятія оной составляетъ
выключка или взятіе подъ спражу Членовъ,
предсавленія общественныхъ просьбъ Верх-
ней Палатѣ; она имѣетъ право предсав-

взять Государственныхъ преступниковъ для наказанія, и препровождатьъ въ Верхнюю Палату жалобы на всякаго, даже самаго значительнаго чиновника.

Неудивительно, что по причинѣ вышеозначенныхъ недоспашковъ въ системѣ выборовъ, преобразование Парламента принадлежитъ къ самымъ громогласнымъ и пламеннымъ желаніямъ народа, но столь же ясно и то, что одні и тѣ же причины не прешагнутъ сопротивляясь всякому преобразованію. Въ семь случаевъ Министерская партія почти совершенно согласуется съ оппозиціею. Припомъ же въ Парламентѣ партія, желающая переменъ столь слаба, что она вовсе не спрашна Министрами.

М.



ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Служащій въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, Г. Надворный Совѣтникъ Марцелла, по порученію своего Начальства, занялся сочиненіемъ Грамматики языка Румынскаго (т. е. Молдавскаго, употребляемаго въ Трансильваніи, Буковинѣ, Банатѣ, Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, Румелии и до самой Македоніи), кошорый донынѣ не имѣлъ никакихъ удобныхъ пособій. Для предварительнаго введенія въ сію Грамматику написалъ онъ общія *Грамматическія замѣчанія*. Желая познакомить учебную публичку съ цѣлю и планомъ сего послѣдняго сочиненія, онъ сообщилъ намъ написанное имъ къ оному предисловіе. Печатаемъ оное въ Сынѣ Ошеческаго, съ нѣсколькими замѣчаніями, что оно заключаешь въ себѣ нѣкошорыя мнѣнія ученаго иностранца о недостаткахъ нашихъ Грамматики. Основательнѣе познанія Г. Марцеллы въ языкахъ Греческомъ и нѣкошорыхъ ново-Европейскихъ, заставляешь насъ надѣяться, что его твореніе будетъ поучительнѣе и важнѣе не только собственно для языка Румынскаго, но и для языкованія вообще. *Изд. С. О.*

„Граммашики обрабошанныхъ языковъ похожи на главные города просвѣщенныхъ народовъ: при всеѣ своемъ великолѣпнн, красотѣ, богатствѣ, имѣющъ они много неустройствъ, кошорыхъ нельзя совершенно привести въ надлежашій порядокъ, не разрушивъ сихъ древнихъ строищъ. Такимъ же образомъ и Граммашики образованныхъ языковъ содержатъ въ себѣ правила языковъ совершенныхъ, украшенныхъ и обогащенныхъ книгами полезными, любопытными и содержащими въ себѣ глубокія познанія о великихъ предметахъ; но могу сказать, что почти всякая Граммашика имѣетъ недоспажки, причинающіе учащимся много затрудненій, напрасныхъ расходовъ и потерю времени.

„Для изученія Книжайской Граммашки, нужно узнать семьдесятъ именъ элгури, служащихъ къ изображенію словъ языка сего, вмѣсто двадцати или тридцати начерчаній, какія Греки сообщали Европейцамъ. — „Греки, посправшіе произношеніе своихъ буквъ, принуждены шестеръ употреблять пять i ($\eta, \iota, \upsilon, \epsilon, \alpha$) вмѣсто одной, десяти оныи имѣющъ одинаковое произношеніе, два e (ϵ, α) и два o (o, ω) вмѣсто одного e , и одного o , и для того нужно въсколько лѣтъ учиться, чтобы знать Ортографію Греческаго языка. Французамъ не пишущъ буквъ

по ихъ произношенію, но вмѣсто одной пишущь другую, и дающь ей произношеніе имой буквы; припомъ почти во всякомъ словѣ прибавляющь букву, двѣ, а иногда и больше, и не произносящь ихъ, шакъ, что нужно учишься нѣсколько лѣтъ, чщобы знащъ, которую букву должно читашь, и конюрой не должно. Въ Русскомъ языкѣ уже ославлено нѣсколько излишнихъ и сокращенныхъ буквъ напр. ξ вмѣсто *кс*, Ψ вмѣсто *пс*, шакже ζ , δ , ω , λ , $\bar{\omega}$; но желательнo было бы, чщобъ ославлены были и другія буквы; наиримѣрь *у*, пошому, чщо она выражается буквою *и*; шакже буквы сложныя: ζ изъ *тс*, ψ изъ *тш*, ψ изъ *шч*, и θ изъ *фт*. Какая нужда была принимашь сію послѣднюю букву, когда Русскіе не произносящь ея, какъ Греки, и могущь предшавишь своими буквами произношенія, которое они ей дающь.

„Означеніе удареній необходимо нужно во всѣхъ языкахъ, въ коихъ слогъ для ударенія не опредѣленъ; пошому Русскіе напрасно ославцли ударенія, заимствованныя у Грековъ. Теперь иностранцы учашься нѣсколько лѣтъ, и не умѣющь читашь, ниже говорищъ правильно, а иногда Русскіе и сами зашрудняющься по сему предмету. Если они вновь не сшавишь употреблешь удареній, то вѣрно

случился въ Русскомъ языкѣ то, что видимъ въ Эллинскомъ, въ которомъ слова, произносимыя въ одномъ мѣстѣ съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ, въ другомъ мѣстѣ выговариваются съ удареніемъ на последнемъ слогѣ; одни изъ ученыхъ людей пишутъ слово съ удареніемъ на последнемъ слогѣ, другіе съ удареніемъ на первомъ. Сіе различіе конечно произошло съ давнихъ, непросвѣщенныхъ временъ.

„Припомъ Русскіе несправедливо смѣшиваютъ глаголы предложныя съ просными, и сирагають ихъ вмѣстѣ, не смотря на то, что каждый изъ нихъ имѣетъ особое значеніе, и слѣдственно не долженъ смѣшиваться съ другимъ, наприм. *свѣчу*, *посвѣтилъ*, и пр.

„Почти во всѣхъ Грамматикахъ раздѣленіе частей рѣчи неправильно. Греки смѣшивали междомешіе съ нарѣчіемъ и съ союзомъ; и почти во всѣхъ Грамматикахъ прилагательное, происходящее отъ глагола; то есть причастіе, составляетъ особую часть рѣчи, и напрошивъ того двѣ части рѣчи, имя существительное и прилагательное, составляютъ одну часть рѣчи, называемую именемъ и проч. Нѣкоторыя имена смѣшиваютъ съ мѣстоименіями и проч.

„Недостатки Грамматикъ можно поправлять надо по малу, не всѣхъ вдругъ исправ-

вить не можно; ибо сіе причинишь болѣ замѣшательства и зашрудненія, нежели пользы, по разности мнѣній ученыхъ людей, по зашрудненію въ чтеніи прежнихъ книгъ; и по многимъ другимъ причинамъ. Только Грамматики новыхъ языковъ необразованныхъ, и бѣдныхъ Писателями, можно поправлять и основывать на надлежащихъ правилахъ; ибо сіе дѣлается безъ всякаго вреднаго послѣдствія. Посему я, занявшись, по приказанію Начальства, сочиненіемъ Грамматики новаго языка, языка Румынскаго, намѣрень основать оную на правилахъ, сообразныхъ съ почнымъ его свойствомъ, усматривая всѣ ошибки другихъ Грамматики, и усовершенствовавъ ее, сколько возможно; ибо сочинишь совершенную Грамматику необразованнаго языка невозможно. Сію же книжку (ш. е. *Грамматическія замѣчанія*) обнародываю не для того, чшобы учить другихъ, но напрошивъ того, чшобы самому мнѣ получить наставленіе и поправленіе отъ знающихъ особъ. Вся моя цѣль состоятъ въ томъ, чшобы, при пособіи свѣдѣній ученыхъ людей, я могъ совершить что либо полезное, а преимущественно заслужить честь, которую мнѣ сдѣлало Начальство, поручивъ мнѣ сочиненіе столь полезной книги.“

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 6.

Я з ы к о з н а н і е.

169. *Французская Хрестоматія, или собраніе разныхъ пиесъ на Французскомъ языкѣ*, въ употребленіе введенная въ учебныя заведенія и частныя пансіоны Московскаго Учебнаго Округа. Издана при Университетскомъ Благородномъ пенсіонѣ *Василіемъ Запольскимъ*, Московскихъ Училищъ Смотришелемъ, въ 3 частяхъ, съ присовокупленіемъ Словаря. Изданіе второе, вновь исправленное, съ поспешенною трудностію расположенное и къ понятіямъ дѣшей болѣе приспособленное. Ч. 1. М. въ Унив. тип. 1826. 215 с. въ 8.
170. *Латинскій букварь съ присовокупленіемъ Словаря Латинскихъ первообразныхъ словъ*. II. въ тип. Деп. Мин. В. Д. 1826. 24 с. въ 12.

Конецъ сто осьмой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О О С Ъ М О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Монастырь Лашрапскій	3
2. Милліонщикъ, повѣсть	23
(прод.)	97
(прод.)	185
(оконч.)	281
3. Memento mori	308
II. Иностранная Литература.	
1. Обзоръне опличнѣйшихъ сочиненій, по- явившихся во Франціи въ 1824 году . . .	56
(прод.)	156
(оконч.)	260
2. О Грамматикѣ Румынскаго языка . . .	385
III. Критика.	
Разсмотрѣніе книги: Опытъ Науки Изящнаго	141
IV. Путешествія.	
О кашакомбахъ	235
V. Антропология.	
Наблюденіе важнѣйшихъ примѣровъ чело- вѣческой долговѣчности и ихъ причинъ . .	350

VI. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

- | | |
|---|-----|
| 1. Обь арміи Мегмеда-Али | 74 |
| 2. Письмо Американскаго морскаго Офицера
изъ Грѣціи | 273 |
| 3. Настоящее положеніе Англіи | 368 |
| 4. О постепенномъ составленіи и нынѣшнемъ
состояніи Англійскаго Парламента . . . | 376 |

VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.

- | | |
|--|-----|
| На всерадоснѣйшій день Священнаго Коро-
нованія Е. И. В. Государя Императора
Николая Павловича | 186 |
|--|-----|

VIII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

91
183
277
390

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 13.

І ю л я і.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- I. **ИЗЫЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.** 3
1. Монастырь Латрапцкій.
2. Миліонщикъ, Повесть.
- II. **ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА** . . . 56
Обзорніе ошачивйшихъ сочиненій,
появившихся во Франціи въ печеніе
1824 года.
- III. **СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.** 74
Объ арміи Мегмеда-Али Паши Египет-
скаго. (Прод.)
- IV. **СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІО-**
ГРАФІА 91

Vet. Slav. Bib. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Іюня 15 дня 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 14.

И ю л я 15.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- I. Изящная Словесность. 97
Миллионщикъ. (Прод.)
- II. КРИТИКА 141
Разсмотрѣніе книги: Опытъ Науки,
Изящнаго.
- III. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА 156
Обозрѣніе ошачивѣйшихъ сочиненій,
появившихся во Франціи въ теченіе
1824 года. (Прод.)
- IV. СТИХОТВОРЕНІЕ 180
На всеродостпѣйшій день Священнаго
Коронованія Е. И. В. Государя Им-
ператора Николая Павловича.
- V. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИО-
ГРАФІА 183

Ver. Slav. Part 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Сампшпетербургъ, Юля 1 дня 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 15.

А В Г У С Т А .

О Г Л А В Л Е Н І Е .

- I. Изящная Словесность, 185
Миллионщикъ. (Прод.)
- II. Путешествія 235
О катакомбахъ Парижа, Рима и Неаполя.
- III. Иностранная Литература . . . 260
Обозрѣніе отличнѣйшихъ сочиненій,
появившихся во Франціи въ теченіе
1824 года. (Оконч.)
- IV. Современная Исторія 273
Письмо Американскаго морскаго офи-
цера изъ Греціи.
- V. Современная Русская Библю-
графія 277

Ver. Slav. For 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Юля 15 дн 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 16.

А В Г У С Т А 15.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- I. Изыщная Словесность. 281
1. Милліонщикъ. (Оконч.)
2. Мemento mori.
- II. Антропология 350
Наблюденіе важнѣйшихъ примѣровъ чело-
вѣческой долговѣчности и ихъ причинъ.
- III. Современная Исторія и По-
литика 366
1. Настоящее положеніе Англіи.
2. О послѣднемъ составленіи и нынѣш-
немъ состояніи Англійскаго Парла-
мента.
- IV. Иностранная Словесность . 385
- V. Современная Русская Биваю-
графія 390

Vet. Slav. Per. 2

Печатать дозволяется.

Санктшербургъ, Августа 8 дня 1826 года.

Цензоръ Стат. Совѣтн. и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

РК4 577/0085

